

Has been issued since 1870.
ISSN 2313-402X, E-ISSN 2409-2118
2016. Vol. (20). Is. 4. Issued 4 times a year

EDITORIAL STAFF

Dr Krinko Evgeny – Institute for Social and Economic Research and Humanities of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation (Editor in Chief)

PhD Shadrina Alla – Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation (Assistant Editor)

PhD Vlaskina Nina – Institute for Social and Economic Research and Humanities of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

Grom Oleg – Institute for Social and Economic Research and Humanities of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

PhD Ivantsov Vladimir – Sochi State University, Sochi, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Dr Degtyarev Sergey – Sumy State University, Sumy, Ukraine

Dr Dzhandzhugazova Elena – Russian State University of Tourism and Service, Moscow, Russian Federation

Dr Menkovsky Vyacheslav – Belarusian State University, Minsk, Belarus

Dr Redkina Olga – Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Dr Tyumentsev Igor – Volgograd Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Journal is indexed by: **Cite Factor** (Canada), **CrossRef** (USA), **Electronic Scientific Library** (Russia), **Information Matrix for the Analysis of Journals** (Spain), **Journal Index** (USA), **Open Academic Journals Index** (Russia), **ResearchBib** (Japan), **Scientific Indexing Services** (USA), **Sherpa Romeo** (Spain).

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 26/2 Konstitutcii, Office 6
354000, Sochi, Russian Federation
Website: <http://ejournal15.com/>
E-mail: sochio03@rambler.ru

Founder and Editor: Academic Publishing
House *Researcher*

Passed for printing 22.12.2016.
Format 21 × 29,7.

Typeface Georgia.
Accounting sheets 6,4.
Printing sheets 9.
Order № 20

© Russkaya Starina, 2016

Издается с 1870 г.
ISSN 2313-402X, E-ISSN 2409-2118
2016. № 4 (20). Выходит 4 раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Кринко Евгений – Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация (главный редактор)
Шадрина Алла – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация (заместитель главного редактора)
Власкина Нина – Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
Гром Олег – Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
Иванцов Владимир – Сочинский государственный университет, Сочи, Российская Федерация

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Дегтярев Сергей – Сумский государственный университет, Сумы, Украина
Джанжугазова Елена – Российский государственный университет туризма и сервиса, Москва, Российская Федерация
Меньковский Вячеслав – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
Редькина Ольга – Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация
Тюменцев Игорь – Волгоградский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Волгоград, Российская Федерация

Журнал индексируется в **Cite Factor** (Canada), **CrossRef** (США), **Information Matrix for the Analysis of Journals** (Испания), **Journal Index** (США), **Open Academic Journals Index** (Россия), **ResearchBib** (Япония), **Scientific Indexing Services** (США), **Sherpa Romeo** (Испания), **Научная электронная библиотека** (Россия).

Статьи, поступившие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: 354000, Россия, г. Сочи,
ул. Конституции, д. 26/2, оф. 6
Сайт журнала: <http://ejournal15.com/>
E-mail: sochioo3@rambler.ru

Подписано в печать 22.12.2016.
Формат 21 × 29,7

Гарнитура Georgia.
Уч.-изд. л. 6,4. Усл. печ. л. 9.

Заказ № 20

Учредитель и издатель: ООО «Научный
издательский дом «Исследователь»» –
Academic Publishing House *Researcher*

© Русская старина, 2016

C O N T E N T S

Relevant Topic: Historical and Cultural Heritage of the Peoples of the South of Russia in the Museums and Memorial Space

National Museums of the North Caucasus in the Socio-Cultural and Historical-Memorial Processes Evgeny F. Krinko	249
Basic Tendencies of Development of the Modern Museums in the Rostov Region (1990–2016) Olga V. Semenova	262
Ethnographical Heritage of the Rostov Region in the Museum Expositions Oleg A. Grom	275
The Modern Russian Museum as Space for Intercultural Dialogue Tatiana Yu. Vlaskina	282
Memory of the Caucasian War in the Museums of the South of Russia Ksenia R. Mukhametshina	290
Memory of the Great Patriotic War in the Monuments of Aksay and the Aksay District Nikolay N. Apanasenko	297
Memory of the Mius-front in the Museum Culture of the South of Russia Maxim V. Mededev	305
Functions of Traditional Costume in Contemporary Russia Varvara E. Dobrovolskaya	313
Transformation of Researchers' Views on the Don Cossack Wedding Ritual in the 19th–21st Centuries Tatyana E. Grevtsova	322

Articles and Statements

The Literary Heritage of A.P. Chekhov in the Cultural Life of the West and the East Marina Ch. Larionova, Irina V. Bobyakova	338
---	-----

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402x
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 20, Is. 4, pp. 249-261, 2016

DOI: 10.13187/rs.2016.20.249
www.ejournal15.com

Relevant Topic: Historical and Cultural Heritage of the Peoples of the South of Russia in the Museums and Memorial Space

UDC 93/94+908

National Museums of the North Caucasus in the Socio-Cultural and Historical-Memorial Processes

Evgeny F. Krinko

Institute for Social and Economic Research and Humanities
Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences
Russian Federation
41, Chekhova Avenue, Rostov-on-Don 344006
Dr (History)
E-mail: krinko@ssc-ras.ru

Abstract

The national museums of the North Caucasus Republics are active participants of the socio-cultural and historical-memorial processes in the region. Before the revolution of 1917, materials about the highlanders of the North Caucasus were presented in the ethnographic collections of local museums mainly. The formation of national autonomies was accompanied by significant changes in museology. New regional museums and expositions became an important evidence of the right of peoples of the North Caucasus for the conservation and use of their cultural heritage. Later on, the formation of museums was more than once influenced by the various political and ideological factors.

The national museums of the North Caucasus republics play a significant role in the preservation, study, and representation of the regional historical and cultural heritage. The materiality and authenticity, the qualities of museum artifacts, give a special credibility to concepts that are put on the basis of the exposition. As a result, museums are transformed not only into the subjects but also to the means of the historical and cultural policy.

Keywords: historical and cultural heritage, historical policy, museum exhibit, museum fund, national museum, North Caucasus.

Введение

Музеи призваны собирать, сохранять, изучать и представлять природные и историко-культурные объекты, обладающие ценностью в глазах общества и наделяемые определенными смыслами. Но при комплектовании музейных фондов, подготовке выставок и экспозиций далеко не все объекты природного и культурного наследия превращаются в экспонаты, а выставляется для публичного обозрения в лучшем случае одна десятая от

содержимого фондов. Всегда возникает проблема выбора, решение которой зависит от различных обстоятельств, в том числе определенного социального и политического заказа со стороны государства и общественных организаций. В результате музей, особенно историко-культурной направленности, казалось бы, представляющий собой учреждение, обращенное к прошлому, мало связанному с современными событиями, превращается не только в объект, но и в средство осуществления исторической и мемориальной политики.

По словам А. Ассман, музей, как архив или научная библиотека, «является культурным институтом, где общество хранит реликты и следы прошлого после того, как они теряют живую связь со своими прежними контекстами. К числу таких предметов относятся книги, письма, рукописные свидетельства, а также картины, фотографии и другие медиальные носители информации. Выпадая из прежнего функционального контекста, они становятся безмолвными свидетелями прошлого, которые подлежат новому толкованию со стороны экспертов» [1]. Очевидно, что это новое толкование иногда напрямую, а чаще опосредованно сопряжено с новым социальным и политическим контекстом. В данной связи представляет интерес опыт становления национальных музеев на Северном Кавказе как главных музейных учреждений республиканского уровня.

Материалы и методы

Стремление к научной достоверности и аргументированности полученных выводов обусловило использование широкого круга источников и соответствующего исследовательского инструментария. Статья написана на основе документов, извлеченных из фондов двух ведущих региональных архивов – Государственного архива Ростовской области (далее – ГАРО) и Центрального государственного архива Республики Северная Осетия – Алания (далее – ЦГА РСО-А), часть которых впервые вводится в научный оборот, а также ранее опубликованных материалов, включая сведения, размещенные на сайтах самих музеев Северного Кавказа. Главными принципами исследования стали историзм, позволяющий рассматривать создание и деятельность музеев Северного Кавказа в динамике, в контексте определенной исторической эпохи, и системность, выражающаяся в их изучении во взаимосвязи всех необходимых элементов. Использовались традиционные методы исторического исследования: историко-сравнительный, проблемно-хронологический, историко-генетический и источниковедческий анализ документов.

Обсуждение

Специальных историографических исследований, посвященных непосредственно истории музейного дела на Северном Кавказе, практически нет. В то же время необходимо отметить работы по историографии национально-культурного строительства в регионе [2], а также складыванию северокавказской историографической традиции [3], в которых нашли свое отражение и рассматриваемые сюжеты.

До революции 1917 г. вопросами сохранения историко-культурного наследия на Северном Кавказе занимались императорские Археологическая комиссия, Русское географическое общество, Московское археологическое общество и их региональные отделения, а также Ставропольский губернский, Кубанский и Терский областные статистические комитеты. Благодаря их деятельности в течение XIX – начала XX вв. были обнаружены десятки памятников древности, собраны уникальные археологические и этнографические коллекции, составившие основу первых музеев в Тифлисе (в настоящее время – Тбилиси), Екатеринодаре (в настоящее время – Краснодар), Владикавказе, Ставрополе, Пятигорске [4]. Именно при Кубанском областном статистическом комитете в 1879 г. был создан Кубанский войсковой этнографический и естественно-исторический музей. В 1893 г. появился музей во Владикавказе при Терском областном статистическом комитете для сохранения памятников современной жизни народов и «уцелевших реальных остатков их исторического прошлого» [5]. В 1916 г. Черкесское благотворительное общество создало организационную комиссию по образованию этнографического музея, но этому помешали события революции и Гражданской войны. В том же году на базе местного краеведческого общества возник музей в станице Баталпашинской (в настоящее время – город Черкесск) [6]. В целом, до революции материалы о горцах Северного Кавказа были представлены преимущественно в этнографических коллекциях региональных музеев,

созданных по инициативе местной администрации и интеллигенции, выступая предметом научно-познавательного интереса.

Уже на этапе становления национальных музеев на Северном Кавказе в 1920–1930-е гг. их деятельность и стоявшие перед ними новые задачи в условиях утверждения советской власти и последующей социалистической модернизации раскрывались в ряде специальных публикаций, имевших в значительной степени прикладной характер [7–10 и др.]. В дальнейшем истории музеев Северного Кавказа были посвящены обобщающие и специальные публикации [11–13 и др.]. Развитие музейного дела на Северном Кавказе и проблемы сохранения историко-культурного наследия народов региона становились предметом обсуждения на научно-практических конференциях, а их материалы превращались в значимые историографические факты [14]. Тем не менее данная тема представляется недостаточно разработанной.

Результаты

Создание национальных автономий на Северном Кавказе в начале 1920-х гг. способствовало развитию музейного дела в регионе. Существенную роль в этом первоначально играли местные краеведческие общества. В 1920 г. было создано Северо-Осетинское краеведческое общество, в 1922 г. – Кабардино-Балкарское общество изучения местного края, целью которого являлись «сбор и исследование материалов, как характеризующих прошлую жизнь края, так и выявляющих современный быт и естественные богатства его». В 1924 г. – Общество изучения Адыгейской автономной области и литературное общество в Ингушетии, занимавшееся вопросами краеведения. В 1929 г. – Чеченское краеведческое общество, в которое вошло созданное годом раньше Грозненское научное общество [15].

В целях обеспечения руководства всеми краеведческими обществами и координации их работы в 1920 г. во Владикавказе – административном центре Горской АССР – был организован Горский научно-исследовательский институт краеведения, а при нем Горский музей, на который возлагалась задача представить историю и современный быт горских народов. Однако практически сразу же после провозглашения Горской АССР начался ее распад, а в новых национальных автономиях стали создаваться собственные краеведческие музеи. В апреле 1921 г. в Нальчике был открыт музей Кабардинского округа, первым выделившегося из состава Горской АССР. После слияния Кабардинского и Балкарского округов он был преобразован в музей Кабардино-Балкарской АО. Председатель Кабардинского окружного исполкома Б.Э. Калмыков призвал жителей оказать содействие в создании музея и сам передал в него личное оружие – шашку и ружье. Первым директором музея стал сельский учитель председателя – М.И. Ермоленко, в квартире которого и разместились первые экспонаты. Уже к концу 1921 г. в музей поступило свыше 1,2 тыс. экспонатов, а с 1925 г. он переехал в отдельное здание [16].

В 1924 г. отделом народного образования города Грозного был основан окружной музей по истории и религии, имевший в своих фондах первоначально всего 150 единиц хранения. В 1926 г. он был преобразован в Чеченский областной музей краеведения [17]. В 1925 г. возник Адыгейский историко-этнографический музей в Краснодаре, считавшемся административным центром Адыгейской АО. За первый год существования в его фонды поступило 962 предмета по истории, этнографии и археологии адыгов [18]. На базе краеведческого музея в Баталпашинске, имевшего всего 100 экспонатов, собранных учителями и учащимися местных школ, был создан Карачаево-Черкесский областной краеведческий музей, но первые годы он продолжал действовать на общественных началах [19]. В 1926 г. Карачаево-Черкесская АО была разделена на Карачаевскую АО, Черкесский национальный округ и Баталпашинский район. Первоначально комиссия по реорганизации Карачаево-Черкесской АО приняла решение: «Областной музей оставить в Баталпашинске. Исторические по своему национальному характеру предметы при надобности передать Карачаю и Черкесии» [20]. Затем Баталпашинск стал центром Черкесского национального округа, с 1928 г. – Черкесской АО. Но только в 1934 г. для музея выделили отдельное здание, а его содержание взяли на местный бюджет [21]. А в административном центре Карачаевской АО Микоян-Шахаре (в настоящее время – Карачаевск) областной музей был создан в 1930 г.

С образованием Северо-Кавказского края, административным центром которого стал Ростов-на-Дону, возник вопрос о создании здесь соответствующих культурных учреждений, в связи с необходимостью «отражения культурно-этнографической действительности многочисленных народов нашего края», ибо «управлять краем нельзя, не зная его действительности». В письме Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) начальнику Главного управления научными, научно художественными и музейными учреждениями (далее – Главнаука) Наркомата просвещения РСФСР Ф.Н. Петрову сообщалось: «С момента районирования Северо-Кавказского края у нас всегда стоял на очереди дня насущный вопрос о скорейшем удовлетворении культурных запросов отсталых горских народов в нашем крае». В результате в Ростове были созданы краевые горские институт краеведения и музей народов Северного Кавказа. Музейный отдел Главнауки выделил для них ценные экспонаты и краеведческую библиотеку [22].

Основой для краевого музея стал Донской музей, ему передали часть материалов из Горского музея во Владикавказе. Наркомпрос РСФСР предоставил экспонаты из Эрмитажа, отражавшие историю горских народов Северного Кавказа. Музей также получил библиотеку бывшего грузинского князя Шервашидзе [23]. В отношении института краеведения и музея во Владикавказе руководство крайкома сообщало следующее: «Владикавказ с момента районирования потерял свое краевое значение, оказавшись центром лишь Ингушетии и Осетии, а последние, создавая свои национальные краеведческие учреждения, неоднократно ставили вопрос о ликвидации Владикавказского института краеведения» [24]. Ввиду признания Горского музея во Владикавказе музеем «местного значения», т.е. музеем двух автономий – Ингушской АО и Северо-Осетинской АО, его решили передать в их ведение [25]. Споры руководства автономий по вопросу содержания и функционирования объединенного осетино-ингушского музея завершились его окончательным разделением в августе 1927 г. на осетинский и ингушский музеи [26].

Сами факты создания музеев в национальных автономиях выступали важными свидетельствами их прав и возможностей на сохранение и использование своего культурного наследия, в соответствии с декларировавшимися принципами советской национальной и культурной политики. К тому же музеи, как и другие учреждения культуры, обеспечивали и решение практических задач национально-государственного строительства. В письме в коллегию Наркомата просвещения РСФСР руководители органов просвещения Северо-Осетинской АО писали: «Первой задачей, возникающей перед нацменами, становящимися на путь культурного подъема, является уяснение себе своего национального лица, как оно сложилось к данному моменту в процессе исторической жизни... Поэтому вполне понятна необходимость изучения осетинского народа и условий его существования в историческом разрезе» [27]. В результате на музеи возлагались не только охранительные, но и научно-исследовательские задачи, связанные с изучением национальной культуры, а также просветительские, выполнявшиеся совместно с органами образования.

Однако в первые годы роль краеведческих музеев осознавалась не всеми руководителями национальных автономий, да и возможности создавать и содержать их были крайне ограничены. Так, на все расходы созданного в 1928 г. Осетинского музея материальной и духовной культуры было ассигновано 300 руб., а единственным штатным научным сотрудником являлся сам заведующий музеем [28]. Между тем на музей возлагался широкий круг задач по изучению памятников прошлого, быта осетин, хозяйства, искусства, а также по учету и охране памятников. Он должен был собирать, хранить и выставлять для обозрения изучаемые объекты [29]. Директор Адыгейского краеведческого музея вплоть до 1937 г. оставался его единственным научным сотрудником.

Фонды северокавказских музеев активно пополнялись археологическими и этнографическими экспонатами в результате полевых экспедиций. У населения приобретались оружие, домашняя утварь, посуда и другие изделия. Часть экспонатов передавалась самими жителями, а часть – органами власти. Так, в 1926 г. в Чеченский областной музей поступила коллекция оружия в количестве 60 предметов, конфискованных из бывшего особняка инженера Притулы [30]. Материалы о событиях революции, Гражданской войны и социалистическом строительстве, как правило, передавались их непосредственными участниками, произведения искусства, в основном связанные с регионом, – Государственным музейным фондом, музеями Москвы и Ленинграда.

Отдельные экспонаты поступали и из других мест, в том числе из бывшего Кавказского военно-исторического музея в Тифлисе, где в XIX в. сложилась крупная коллекция материалов о горских народах Северного Кавказа. Например, Чеченскому областному музею были переданы картины Ф. Рубо «Взятие Гуниба и пленение Шамиля» и «Смерть генерал-майора Слепцова в Гехинском лесу», портреты генералов – участников Кавказской войны, гравюры и литографии из Тифлиса, а также автопортрет П. Захарова из Третьяковской галереи [31]. Адыгейский областной историко-этнографический музей при поддержке Адыгейского областного исполкома и областного отдела народного образования получил черкесские знамена времен Кавказской войны. Натухаевское знамя с рядом других экспонатов поступило из Грузии, а шапсугское – из Государственного музея Азербайджана в январе 1926 г. [32] В то же время ходатайство перед Главнаукой о передаче в Адыгейский музей из Кубанского, Геленджикского, Новороссийского и других музеев экспонатов, относившихся к истории и быту адыгов, не было удовлетворено [33].

Во второй половине 1930-х гг. материальные возможности музеев национальных автономий Северного Кавказа выросли, особенно в образованных в 1936 г. автономных республиках – Кабардино-Балкарской АССР, Северо-Осетинской АССР и Чечено-Ингушской АССР. После объединения Чеченской АО и Ингушской АО в Чечено-Ингушскую АО и ее преобразования в Чечено-Ингушскую АССР Чеченский областной музей стал Чечено-Ингушским краеведческим музеем, а ингушский краеведческий музей во Владикавказе – музеем Пригородного района. При этом основной фонд последнего в 4 тыс. экспонатов и 22,8 тыс. книг был передан в Чечено-Ингушский краеведческий музей [34]. Штат Адыгейского музея в 1937 г. вырос до 4 человек, а в его фондах к этому времени насчитывалось 2817 экспонатов [35]. В связи с перемещением центра Адыгейской АО в Майкоп в 1936 г., музей также переехал сюда в 1938 г., включил в свой состав созданный ранее Майкопский районный музей природы и был переименован в Адыгейский областной краеведческий музей. В то же время музейную сферу не обошли стороной политические репрессии, от которых пострадали ряд работников. Так, в 1939 г. был арестован директор Адыгейского краеведческого музея И.А. Наврузов, возглавлявший его с первых дней.

В годы Великой Отечественной войны многие краеведческие музеи Северного Кавказа понесли значительный ущерб. Их эвакуация в условиях быстрого наступления вермахта летом 1942 г. оказалась сорвана. В период нацистской оккупации 1942–1943 гг. были разграблены этнографические коллекции в музеях Нальчика, Майкопа, уничтожены все музейные экспонаты в Черкесске. Погибли отдельные сотрудники, включая директора Черкесского краеведческого музея П.К. Григорьева, ушедшего в партизанский отряд [36]. Но и после освобождения Северного Кавказа советскими войсками потери в музейной сфере продолжались. Вследствие депортации карачаевцев и ликвидации Карачаевской АО в 1943 г. прекратил свое существование областной краеведческий музей. Выселение вайнахов в 1943 г. и упразднение Чечено-Ингушской АССР привели к ликвидации музея Пригородного района и преобразованию Чечено-Ингушского краеведческого музея в Грозненской областной музей краеведения.

В послевоенные годы потребовалось немало сил и времени для восстановления музеев и их деятельности. Например, Адыгейский краеведческий музей смог организовать первую послевоенную выставку только в 1954 г. [37]. Реабилитация чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев и воссоздание национальных автономий репрессированных народов Северного Кавказа также сопровождалась изменениями в музейной сфере, восстановлением и соответствующим преобразованием музейных учреждений.

Эпоха потрясений сменилась в 1960–1980-х гг. для музеев автономных республик и областей Северного Кавказа периодом стабильного развития. В эти годы существенно пополнились музейные фонды, в структуре музеев появились новые отделы и экспозиции. Так, к началу 1970-х гг. фонды восстановленного Чечено-Ингушского краеведческого музея по сравнению с послевоенным периодом выросли более чем в 20 раз и насчитывали более 80 тыс. единиц хранения, из которых более 57 тыс. составляли подлинные материалы [38]. Фонды Карачаево-Черкесского краеведческого музея содержали в рассматриваемый период до 50 тыс. экспонатов [39]. Улучшилась и материальная база музеев. Краеведческий музей Кабардино-Балкарской АССР переехал в сентябре 1966 г. в специально построенное здание

с 11 залами, а Карачаево-Черкесский краеведческий музей получил в свое распоряжение здание в центре Черкесска – памятник архитектуры XIX в.

В то же время комплектование музейных фондов и формирование экспозиций находились под строгим идеологическим контролем партийных органов. При создании выставок и экспозиций внимание акцентировалось на добровольном вхождении народов Северного Кавказа в состав России, их тяжелом положении до революции 1917 г., успехах в развитии экономики и социальной сферы, культуры и образования национальных автономий в годы советской власти. Значительное место отводилось показу героизма жителей национальных автономий на фронте и в тылу в годы Великой Отечественной войны, прославлялось боевое сотрудничество представителей различных национальностей региона. В то же время многие «болезненные» вопросы истории народов Северного Кавказа не находили своего отражения в экспозициях, а не «вписывавшиеся» в советскую музейную практику артефакты подлежали изъятию. Так, еще в 1951 г. партийная комиссия решила изъять черкесские знамена периода Кавказской войны из Адыгейского краеведческого музея как «идеологически невыдержанные и устаревшие». Но заведующая фондами музея Л. Лебеденко спрятала знамена у себя дома. С течением времени угроза изъятия исчезла, и знамена вернулись в хранилище, однако выставлять их стало возможным сравнительно недавно, уже в 1990-е гг. [40]. Несмотря на реабилитацию репрессированных народов Северного Кавказа, обстоятельствам их депортации и периоду принудительной ссылки также не уделялось внимания в музейных экспозициях. По словам заместителя директора по научной работе Государственного карачаево-черкесского историко-культурного и природного музея-заповедника (далее – ГКЧИКиПМЗ) Т.У. Байрамуковой, в советское время «вообще об этом никто не говорил. Вот нет, и все, “вытерли” этот период» [41].

В начале 1990-х гг. бывшие автономные области и республики Северного Кавказа стали полноправными республиками в составе Российской Федерации. Стремление к суверенизации, нашедшее отражение в принятых конституционных актах новых республик, реализовалось и в проведении ими собственной культурной и мемориальной политики. Соответствующие изменения произошли и в музейной сфере. В большинстве республик Северного Кавказа – в Республике Адыгее, Кабардино-Балкарской Республике, Республике Северной Осетии-Алании и Чеченской Республике – краеведческие музеи были преобразованы в национальные музеи. Для самих музейных учреждений это означало не простую замену вывесок, но и возложение на них прямых обязанностей по сохранению, изучению и экспонированию историко-культурного наследия республик, в первую очередь, истории и культуры государствообразующих («титulyных») этносов. Соответствующие положения о приоритетности указанной тематики внесены в уставы национальных музеев. Подобные обязанности были возложены и на главные музейные учреждения Карачаево-Черкесской Республики и Республики Ингушетия, хотя они и не носят официально названия национальных музеев. Повышение статуса сопровождалось необходимыми изменениями в штатах, порядке функционирования и финансирования музеев, работающих по республиканским государственным программам, свидетельствуя о начале нового этапа в их истории.

В настоящее время все руководители национальных музеев Северного Кавказа подчеркивают необходимость учитывать культурные потребности представителей не только государствообразующих, но и других этносов, населяющих республики. По словам генерального директора Национального музея Республики Северная Осетия-Алания (далее – НМРСО-А) Л.Х. Сохиевой, одной из задач возглавляемого ей учреждения является «сохранение культурного наследия осетинского народа. Хотя, в общем-то, республика многонациональная, и наши фонды, которые составляют порядка 270 тыс. единиц хранения, аккумулируют [наследие] представителей всех народов, которые населяют нашу республику <...>, поскольку даже исторически так сложилось, что Владикавказ – город многонациональный и многоконфессиональный, а посему отделять не приходится. Тем самым, тогда мы не раскрываем сущность ни города, ни республики, и поэтому такого четкого разграничения нет» [42].

Т.У. Байрамукова также утверждает: «Мы показываем все народы, которые проживают здесь, у нас. <...> Этот вопрос для музея один из главных». При этом она в первую очередь отметила карачаевцев – «это большая часть населения современной Карачаево-Черкесии»,

затем черкесов, абазин, русских, ногайцев, а также «компактные поселения и греков, и осетин, и т.д. Т.е. у нас очень много национальностей» [43]. Стремление подчеркивать существование пяти «титულных» этносов в Карачаево-Черкесской Республике проходит красной нитью по всем направлениям музейной деятельности. Однако выполнять указанные задачи не всегда удается, в том числе и по причинам отсутствия необходимых экспонатов, т.к. «не по всем народам, проживающим здесь, у нас есть полновесные коллекции. Что-то утеряно, что-то восполняется» [44].

Особые трудности существуют с показом истории и культуры представителей «нетитульных» этносов. Директор Национального музея Республики Адыгея (далее – НМРА) Ф.К. Джигунова признает, что материалов, рассказывающих об адыгах, в его фондах «значительно больше, естественно. Мы изначально так формировались, когда еще музей был в Краснодаре, при первом директоре, цель была – собрать именно адыгский материал. Потом уже, после революции, после войны, собирали и о представителях других этносов», но доля данных материалов значительно меньше в музейных фондах. Отчасти поэтому расширяется сотрудничество музеев с национально-культурными организациями. В частности, с их участием в НМРА проведен ряд выставок по теме «Адыгея – наш общий дом» [45].

В НМРСО-А реализован специальный выставочный проект о различных народах, проживающих в республике. По словам Л.Х. Сохиевой, «мы пошли именно путем показа многонациональности республики, и мы сделали такой совместный проект с различными диаспорами Осетии. <...> У них нет фондов как таковых, это же не музей. <...> И диаспора каждая, что могла, показала, кто-то из своих коллекций – семейных, частных и т.д. Они принесли там какие-то очень интересные предметы, рассказывающие о культуре, о быте, о каких-то религиозных своих воззрениях, вот этот материал был представлен» [46].

Расширение интереса к этнокультурной проблематике существенно отличает работу музеев в современных условиях от советской эпохи. В прежних экспозициях были лишь фрагментарно представлены отдельные особенности материальной и духовной культуры этносов: «Мы показываем, допустим, шерстяное производство. У одного народа, у абазин, допустим, больше развито плетение циновок – мы их показываем через абазин, там у кого-то еще что-то. Т.е. показываем наиболее характерное для каждого народа в экспозиции. Теперь вот, наверное, думаем, что мы будем показывать уже по каждому народу. Его костюм мы должны будем восстановить, даже если у нас не хватает [материалов]. Будут отдельные [экспозиции]». Происшедшие изменения объясняются возросшим национальным самосознанием, порождающим стремление людей узнать как можно больше о своем этносе и его культуре: «Потому что все, кто приходят, вот, дети приходят и говорят: “А вот что здесь про абазин? Вот здесь вот про этих есть, а вот эти, почему их у вас нет?”» [47]. В результате музей превращается в важнейший инструмент конструирования этнической идентичности, особенно с учетом того, что именно молодежь, дети и подростки остаются его главной целевой аудиторией. В ряде республик Северного Кавказа приняты специальные решения о посещении учащимися музеев на обязательной или добровольной основе.

Руководители музеев Северного Кавказа говорят о необходимости показывать позитивные аспекты взаимоотношений между народами, «надо находить мир все-таки, а как же. От этого кто выиграет? Никто не выиграет. А в таких многонациональных регионах вообще нельзя эти искры пускать, потому что это религиозная рознь, национальная – все. И даже потом забудут, из-за чего это все началось, а это останется». Сказывается стремление уйти от спорных положений при формировании экспозиций: «Музей – это не та сфера, где должны быть какие-то баталии. Мы таких фактов просто избегаем или говорим, что существует и такое, и такое мнение» [48]. Однако полностью избежать дискуссий, например, об этнической принадлежности той или иной группы артефактов все-таки не удастся. Пожалуй, самым ярким их примером являются споры об «аланском наследии» [49]. В целом, хотя примеры взаимопомощи различных музеев региона нередки, их взаимодействие на рубеже столетий ухудшилось, отражая общую динамику взаимоотношений между северокавказскими республиками, прошедшими в 1990-е гг. через полосу межнациональной напряженности и межэтнических конфликтов.

В то же время в трактовке многих вопросов ощутимо влияние сложившихся еще в советское время подходов. Так, в постоянной экспозиции краеведческого музея

Национального музея Кабардино-Балкарской Республики (далее – НМКБР) при характеристике присоединения Кабарды и Балкарии к России основное внимание уделено взаимоотношениям кабардинских князей с Иваном Грозным в середине XVI в. Немало места занимают и материалы о культуре и искусстве кабардинцев и балкарцев в XVIII–XIX вв. – предметы национальной одежды, ювелирные изделия, предметы из дерева и металла, войлочные ковры. Особое значение уделено участию жителей Кабардино-Балкарии в Великой Отечественной войне. Специальные комплексы рассказывают о наиболее известных уроженцах региона – адмирале А.Г. Головкин, в годы Великой Отечественной войны командовавшем Северным флотом, а затем занимавшем должность заместителя главнокомандующего ВМФ СССР, Герое Советского Союза летчике А.-Х.Т. Канкошеве.

Уважительное отношение к советскому прошлому, стремление сохранить и представить посетителям свидетельства боевых и трудовых достижений жителей региона в советское время характеризует и деятельность других национальных музеев Северного Кавказа. Тем не менее постепенно находят свое отражение в экспозициях и новые сюжеты. Наряду со сведениями о революции, Гражданской и Великой Отечественной войнах, восстановлении и развитии народного хозяйства, подъеме культуры все чаще приводятся материалы о массовых политических репрессиях, депортации карачаевцев, балкарцев, чеченцев и ингушей, хотя в музеях сохранилось не так много соответствующих артефактов.

Для НМРА приобретение нового статуса в 1993 г. сопровождалось улучшением материальной базы – в декабре того же года он переехал в специально построенное здание. Но только в 2001 г. в нем была открыта первая этнографическая экспозиция «Культура и быт адыгов в конце XVIII – начале XIX в.». В мае 2005 г. создана стационарная экспозиция «Адыгея в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». В 2006 г. добавилась археологическая экспозиция, посвященная эпохе бронзы на территории Адыгеи. В настоящее время фонды НМРА насчитывают более 290 тыс. экспонатов, относящихся к коллекциям археологии, естественной истории, изделий традиционного декоративно-прикладного искусства, музыкальных инструментов, фарфора, изделий из драгоценных металлов, монет и других предметов [50].

Но большинству музеев региона в 1990–2000-е гг. пришлось решать проблемы выживания, а финансирование оставалось одной из самых серьезных проблем их развития. Так, с 1991 г. в связи с аварией отопительной системы закрылось на ремонт основное здание НМРСО-А, построенное еще в начале XX в. Хотя филиалы и отделы музея продолжают свою работу, затянувшийся почти на четверть века ремонт основного здания имеет негативные последствия уже потому, что в республике «выросло не одно поколение без музея. <...> А где можно с артефактами вот так вот тесно пообщаться, со своими корнями, если не в музее? <...> А музей все-таки давал возможность с этим непосредственно общаться, знакомиться через конкретные артефакты, где есть вот такая возможность общаться с реальной историей» [51]. В последние годы строительство нового корпуса музея ускорилось, но, как минимум, продлится еще в течение нескольких лет. В течение длительного времени продолжается ремонт и краеведческого музея – головного учреждения ГКЧИКиПМЗ, насчитывающего более 80 тыс. единиц хранения. Ухудшились и возможности пополнения музейных фондов.

Трагично сложилась судьба музейных учреждений бывшей Чечено-Ингушской АССР. К 1994 г. фонды Чеченского государственного объединенного музея с входившими в него филиалами насчитывали около 230 тыс. единиц хранения. В ходе боевых действий на территории республики в 1994–1996 гг. музей практически потерял свою материально-техническую базу, лишившись до 90 % своих фондов. Полностью уничтожен его филиал – историко-мемориальный музей А. Шарипова в селе Шатой. Утрачены картины Ф. Рубо, В. Тропинина, П. Верещагина, И. Айвазовского, И. Репина, П. Захарова, вся этнографическая коллекция, включая 68 чеченских истангов – традиционных войлочных ковров, украшенных национальным орнаментом, коллекция холодного и огнестрельного оружия XVII–XIX вв., печать и шашка Шамиля, а также инвентарные книги с данными о музейных фондах, отчеты археологических экспедиций и другая документация. В последние годы руководством республики оказывается значительная поддержка

восстановлению работы Национального музея Чеченской Республики (далее – НМЧР). В новом здании открылась этнографическая экспозиция, выставка произведений профессиональных художников Чеченской Республики. В настоящее время музей насчитывает в своих фондах более 30 тыс. единиц хранения [52].

Сложно происходит становление и музейных учреждений Республики Ингушетия. Еще осенью 1973 г. Т.Х. Мальсагов создал народный музей на основе собранных им лично материалов об ингушах – участниках Великой Отечественной войны. В 1978 г. он был преобразован в Назрановский музей боевой и трудовой славы в качестве филиала Чечено-Ингушского краеведческого музея. Сама тематика созданного музея и собранные им материалы воспринимались как общественно значимые, чрезвычайно важные для ингушского национального самосознания, но недостаточно представленные в других музейных учреждениях республики. Создание Назрановского музея рассматривалось как восстановление исторической справедливости по отношению к ингушам как репрессированному народу, чьи боевые подвиги незаслуженно замалчивались. В августе 1990 г. музею было присвоено имя его основателя, уже ушедшего из жизни. После образования Республики Ингушетия в апреле 1993 г. Назрановский музей боевой и трудовой славы был преобразован в Ингушский государственный музей краеведения им. Т.Х. Мальсагова, насчитывающий до 15 тыс. единиц хранения [53].

В последние два с лишним десятилетия деятельность музеев Северного Кавказа стала активно использоваться в создании позитивного имиджа данного региона за его пределами. Так, в 2005 г. в Москве в качестве филиала НМЧР открылась галерея заслуженного деятеля искусств России и Чеченской Республики, народного художника России, первого профессионального кинорежиссера Чечни И. Татаева. Помимо экспозиции в самой галерее были организованы выставки в здании Государственной думы Российской Федерации, в Союзе художников России, Академии художеств России, Третьяковской галерее, в Доме кино и других местах [54]. Подобные культурные проекты призваны не только познакомить жителей столицы и других регионов страны с культурными достижениями мастеров искусств Северного Кавказа, но и способствовать отказу от негативных представлений о чеченцах и других «лицах кавказской национальности», а также о самом регионе как символе терроризма и бандитизма.

Выводы

Национальные музеи Северного Кавказа стали важнейшими институтами формирования исторической памяти и национального самосознания. Само их создание еще в качестве краеведческих музеев выступало одним из наиболее значимых достижений советской национальной и культурной политики, а дальнейшее становление испытывало воздействие различных политических и идеологических факторов. Институциональный характер функционирования музеев обеспечивает решение широкого круга задач по сохранению, переработке и представлению информации. В значительной степени они отражают саму специфику воздействия музейных артефактов на посетителей. При этом ориентация на массовое потребление придает складывающимся историческим образам эмоциональный и редуцированный характер, а долговременность существования обеспечивает их трансляцию из поколения в поколение. Новый статус обеспечивает национальным музеям не только новые возможности, но и новые обязанности по сохранению, изучению и репрезентации историко-культурного наследия народов Северного Кавказа, выступающего необходимой основой их национальной идентичности.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках темы НИР базового бюджетного финансирования № 0260-2014-0006 «Историко-культурное наследие народов Юга России в условиях модернизации».

Примечания

1. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 54.

2. Шеуджен И.А. Советская историография национально-культурного строительства на Северном Кавказе. Ростов н/Д.: Издательство Ростовского государственного университета, 1983.
3. Колесникова М.Е. Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII – начало XX в. 2-е изд., доп. Ставрополь: Издательство Ставропольского государственного университета, 2011.
4. Колесникова М.Е. Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII – начало XX в. С. 284.
5. Колесникова М.Е. Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII – начало XX в. С. 319–320.
6. Государственный Карачаево-Черкесский историко-культурный и природный музей-заповедник им. М.О. Байчоровой. URL: <http://www.museum.ru/M1231> (дата обращения: 06.12.2016).
7. Хубиев И. Краеведческие музеи национальных областей Северного Кавказа и их задачи // Революция и горец. 1931. № 5. С. 60–62.
8. Черемухина Н.М. Музеи Северо-Кавказского края, их состояние и задачи // Советский музей. 1932. № 5. С. 14–22.
9. Подгорнова В., Крупнов Е.И. Краеведческие музеи Северного Кавказа // Советский музей. 1933. № 2. С. 72–75.
10. Крупнов Е.И. Музеи Северо-Кавказского края // Советский музей. 1936. № 1. С. 106–111.
11. Семенов Л.П., Кастуев А.Г. Музей краеведения СО АССР (1897–1947). Дзауджикау: Государственное издательство СО АССР, 1948.
12. Латорцев А.П. Формирование системы музеев на Юге России // Вестник СГУ. Ставрополь: Издательство Ставропольского государственного университета, 1999. Вып. 21. С. 31–37.
13. Кричмарь С.М. Создание и развитие историко-краеведческих музеев в национальных республиках Северного Кавказа в XX веке (на материалах Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чечни и Ингушетии). Исторический аспект исследования: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998.
14. Сохранение и актуализация историко-культурного наследия народов Северного Кавказа и формирование толерантной личности музейными средствами: материалы региональной научно-практической конференции, 28–31 мая 2007 г., г. Майкоп. Краснодар: Вика-Принт, 2007.
15. Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ (1917–1941 гг.). Майкоп: Меоты, 1995. С. 263–264.
16. Из истории музея // Отдых по душе. URL: <http://www.travelhunters.ru/travels-1347-1.html> (дата обращения: 06.12.2016).
17. Асталов В.А. История Национального музея Чеченской Республики // ГБУК Национальный музей Чеченской Республики. URL: <http://nacmuzeychr.ru/golovnoj-muzej> (дата обращения: 06.12.2016).
18. Национальный музей Республики Адыгея. URL: <http://adyg-museum.ru> (дата обращения: 06.12.2016).
19. Государственный карачаево-черкесский историко-культурный и природный музей-заповедник // Домбай-инфо – все о туризме в КЧР. URL: <http://www.dombayinfo.ru/museum> (дата обращения: 06.12.2016).
20. ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 350. Л. 126.
21. Государственный карачаево-черкесский историко-культурный и природный музей-заповедник.
22. ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 531. Л. 18.
23. Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ (1917–1941 гг.). С. 264.
24. ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 531. Л. 18.
25. ЦГА РСО-А. Ф. 124. Оп. 1. Д. 39. Л. 11.
26. ЦГА РСО-А. Ф. 124. Оп. 1. Д. 39. Л. 126.
27. ЦГА РСО-А. Ф. 124. Оп. 1. Д. 39. Л. 53.
28. ЦГА РСО-А. Ф. 124. Оп. 1. Д. 186. Л. 39.
29. ЦГА РСО-А. Ф. 124. Оп. 1. Д. 829. Л. 201.
30. Асталов В.А. История Национального музея Чеченской Республики.
31. Асталов В.А. История Национального музея Чеченской Республики.
32. Кудай М. Знамена прошлого как символ настоящего // АдыгиRU. URL: <http://adygi.ru/index.php?newsid=2938> (дата обращения: 06.12.2016).
33. Теувежева И.Р. Становление краеведения и деятельность Общества изучения Адыгеи в 20–30-е гг. XX в. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2008. Вып. 2. С. 68.
34. Восточная Л. Становление науки в Ингушетии до 1944 года. URL: <http://gazetaingush.livejournal.com/1427857.html> (дата обращения: 06.12.2016).

35. Национальный музей Адыгеи. Позади целый век // Портал культуры народов Северного Кавказа. URL: <http://cpnc.ru/adygea/ns/muzei.html> (дата обращения: 06.12.2016).
36. Государственный карачаево-черкесский историко-культурный и природный музей-заповедник.
37. Национальный музей Адыгеи. Позади целый век.
38. Асталов В.А. История Национального музея Чеченской Республики.
39. Государственный карачаево-черкесский историко-культурный и природный музей-заповедник.
40. Кудай М. Знамена прошлого как символ настоящего.
41. Респондент: Байрамукова Т.У., заместитель директора по научной работе ГКЧИКиПМЗ. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина. Запись 25.04.2014. Продолжительность: 30 мин. Место проведения: г. Черкесск, ГКЧИКиПМЗ // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
42. Респондент: Сохиева Л.Х., генеральный директор НМРСО-А. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина. Запись 10.07.2013. Продолжительность 69 мин. Место проведения: г. Владикавказ, НМРСО-А // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
43. Респондент: Байрамукова Т.У.
44. Респондент: Байрамукова Т.У.
45. Респондент: Джигунова Ф.К., директор НМРА. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина. Запись 06.08.2014. Продолжительность: 80 мин. Место проведения: г. Майкоп, НМРА // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
46. Респондент: Сохиева Л.Х.
47. Респондент: Байрамукова Т.У.
48. Респондент: Байрамукова Т.У.
49. Шнирельман В.А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М.: Новое литературное обозрение, 2006.
50. Кумпан С. Национальное достояние: музей Республики Адыгея//МК.RU-Краснодар. URL: <http://kuban.mk.ru/articles/2013/04/03/835607-natsionalnoe-dostoyanie-muzej-respubliki-adygeya.html> (дата обращения: 06.12.2016).
51. Респондент: Сохиева Л.Х.
52. Асталов В.А. История Национального музея Чеченской Республики.
53. Основателю Ингушского национального музея Тугану Хаджимоховичу Мальсагову 90 лет со дня рождения 1912–2002 г. Назрань, 2002.
54. Галерея Илеса Татаева (филиал Национального музея ЧР). URL: <http://www.mkchr.com/main.mhtml?Part=19&PubID=96> (дата обращения: 30.06.2013, ресурс более не доступен).

References:

1. Assman A. Dlinnaja ten' proshlogo. Memorial'naja kul'tura i istoricheskaja politika. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. S. 54.
2. Sheudzhen I.A. Sovetskaja istoriografija nacional'no-kul'turnogo stroitel'stva na Severnom Kavkaze. Rostov n/D.: Izdatel'stvo Rostovskogo gosuniversiteta, 1983.
3. Kolesnikova M.E. Severokavkazskaja istoriograficheskaja tradicija: vtoraja polovina XVIII – nachalo HH v. 2-e izd., dop. Stavropol': Izdatel'stvo Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta, 2011.
4. Kolesnikova M.E. Severokavkazskaja istoriograficheskaja tradicija: vtoraja polovina XVIII – nachalo HH v. S. 284.
5. Kolesnikova M.E. Severokavkazskaja istoriograficheskaja tradicija: vtoraja polovina XVIII – nachalo HH v. S. 319–320.
6. Gosudarstvennyj Karachaevo-Cherkesskij istoriko-kul'turnyj i prirodnyj muzej-zapovednik im. M.O. Bajchorovoj. URL: <http://www.museum.ru/M1231> (дата обращения: 06.12.2016).
7. Hubiev I. Kraevedcheskie muzei nacional'nyh oblastej Severnogo Kavkaza i ih zadachi // Revoljucija i gorec. 1931. № 5. S. 60–62.
8. Cheremuhina N.M. Muzei Severo-Kavkazskogo kraja, ih sostojanie i zadachi // Sovetskij muzej. 1932. № 5. S. 14–22.
9. Podgornova V., Krupnov E.I. Kraevedcheskie muzei Severnogo Kavkaza // Sovetskij muzej. 1933. № 2. S. 72–75.
10. Krupnov E.I. Muzei Severo-Kavkazskogo kraja // Sovetskij muzej. 1936. № 1. S. 106–111.
11. Semenov L.P., Kastuev A.G. Muzej kraevedenija SO ASSR (1897–1947). Dzaudzhikau: Gosudarstvennoe izdatel'stvo SO ASSR, 1948.
12. Latorcev A.P. Formirovanie sistemy muzeev na Juge Rossii // Vestnik SGU. Stavropol': Izdatel'stvo Stavropol'skogo gosuniversiteta, 1999. Vyp. 21. S. 31–37.

13. Krichmar' S.M. Sozdanie i razvitie istoriko-kraevedcheskih muzeev v nacional'nyh respublikah Severnogo Kavkaza v HH veke (na materialah Kabardino-Balkarii, Severnoj Osetii, Chechni i Ingushetii). Istoricheskij aspekt issledovanija: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M., 1998.
14. Sohranenie i aktualizacija istoriko-kul'turnogo nasledija narodov Severnogo Kavkaza i formirovanie tolerantnoj lichnosti muzejnymi sredstvami: materialy regional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii, 28–31 maja 2007 g., g. Majkop. Krasnodar: Vika-Print, 2007.
15. Nacional'no-gosudarstvennoe stroitel'stvo v Rossijskoj Federacii: Severnyj Kavkaz (1917–1941 gg.). Majkop: Meoty, 1995. S. 263–264.
16. Iz istorii muzeja // Otdyh po dushe. URL: <http://www.travelhunters.ru/travels-1347-1.html> (data obrashhenija: 06.12.2016).
17. Astalov V.A. Istorija Nacional'nogo muzeja Chechenskoj Respubliki // GBUK Nacional'nyj muzej Chechenskoj Respubliki. URL: <http://nacmuzeychr.ru/golovnoj-muzej> (data obrashhenija: 06.12.2016).
18. Nacional'nyj muzej Respubliki Adygeja. URL: <http://adyg-museum.ru> (data obrashhenija: 06.12.2016).
19. Gosudarstvennyj karachaevo-cherkesskij istoriko-kul'turnyj i prirodnyj muzej-zapovednik // Dombaj-info – vse o turizme v KChR. URL: <http://www.dombayinfo.ru/museum> (data obrashhenija: 06.12.2016).
20. GARO. F. R-1485. Op. 1. D. 350. L. 126.
21. Gosudarstvennyj karachaevo-cherkesskij istoriko-kul'turnyj i prirodnyj muzej-zapovednik.
22. GARO. F. R-1485. Op. 1. D. 531. L. 18.
23. Nacional'no-gosudarstvennoe stroitel'stvo v Rossijskoj Federacii: Severnyj Kavkaz (1917–1941 gg.). S. 264.
24. GARO. F. R-1485. Op. 1. D. 531. L. 18.
25. CGA RSO-A. F. 124. Op. 1. D. 39. L. 11.
26. CGA RSO-A. F. 124. Op. 1. D. 39. L. 126.
27. CGA RSO-A. F. 124. Op. 1. D. 39. L. 53.
28. CGA RSO-A. F. 124. Op. 1. D. 186. L. 39.
29. CGA RSO-A. F. 124. Op. 1. D. 829. L. 201.
30. Astalov V.A. Istorija Nacional'nogo muzeja Chechenskoj Respubliki.
31. Astalov V.A. Istorija Nacional'nogo muzeja Chechenskoj Respubliki.
32. Kudaj M. Znamena proshlogo kak simvol nastojashhego // AdygiRU. URL: <http://adygi.ru/index.php?newsid=2938> (data obrashhenija: 06.12.2016).
33. Teuvezheva I.R. Stanovlenie kraevedenija i dejatel'nost' Obshhestva izuchenija Adygei v 20–30-e gg. HH v. // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 1: Regionovedenie: filosofija, istorija, sociologija, jurisprudencija, politologija, kul'turologija. 2008. Vyp. 2. S. 68.
34. Vostochnaja L. Stanovlenie nauki v Ingushetii do 1944 goda. URL: <http://gazetaingush.livejournal.com/1427857.html> (data obrashhenija: 06.12.2016).
35. Nacional'nyj muzej Adygei. Pozadi celyj vek // Portal kul'tury narodov Severnogo Kavkaza. URL: <http://cpnc.ru/adygea/ns/muzei.html> (data obrashhenija: 06.12.2016).
36. Gosudarstvennyj karachaevo-cherkesskij istoriko-kul'turnyj i prirodnyj muzej-zapovednik.
37. Nacional'nyj muzej Adygei. Pozadi celyj vek.
38. Astalov V.A. Istorija Nacional'nogo muzeja Chechenskoj Respubliki.
39. Gosudarstvennyj karachaevo-cherkesskij istoriko-kul'turnyj i prirodnyj muzej-zapovednik.
40. Kudaj M. Znamena proshlogo kak simvol nastojashhego.
41. Respondent: Bajramukova T.U., zamestitel' direktora po nauchnoj rabote GKChIKiPMZ. Interv'juery: E.F. Krinko, T.P. Hlynina. Zapis' 25.04.2014. Prodolzhitel'nost': 30 min. Mesto provedenija: g. Cherkessk, GKChIKiPMZ // Arhiv laboratorii istorii i jetnografii ISJeGI JuNC RAN.
42. Respondent: Sohieva L.H., general'nyj direktor NMRSO-A. Interv'juery: E.F. Krinko, T.P. Hlynina. Zapis' 10.07.2013. Prodolzhitel'nost' 69 min. Mesto provedenija: g. Vladikavkaz, NMRSO-A // Arhiv laboratorii istorii i jetnografii ISJeGI JuNC RAN.
43. Respondent: Bajramukova T.U.
44. Respondent: Bajramukova T.U.
45. Respondent: Dzhigunova F.K., direktor NMRA. Interv'juery: E.F. Krinko, T.P. Hlynina. Zapis' 06.08.2014. Prodolzhitel'nost': 80 min. Mesto provedenija: g. Majkop, NMRA // Arhiv laboratorii istorii i jetnografii ISJeGI JuNC RAN.
46. Respondent: Sohieva L.H.
47. Respondent: Bajramukova T.U.
48. Respondent: Bajramukova T.U.
49. Shnirel'man V.A. Byt' alanami: intellektualy i politika na Severnom Kavkaze v XX veke. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006.

50. Kumpan S. Nacional'noe dostojanie: muzej Respubliki Adygeja//MK.RU-Krasnodar. URL: <http://kuban.mk.ru/articles/2013/04/03/835607-natsionalnoe-dostoyanie-muzey-respubliki-adygeya.html> (data obrashhenija: 06.12.2016).

51. Respondent: Sohieva L.H.

52. Astalov V.A. Istorija Nacional'nogo muzeja Chechenskoj Respubliki.

53. Osnovatelju Ingushskogo nacional'nogo muzeja Tuganu Hadzhimohovichu Mal'sagovu 90 let so dnja rozhdenija 1912–2002 g. Nazran', 2002.

54. Galereja Ilesa Tataeva (filial Nacional'nogo muzeja ChR). URL: <http://www.mkchr.com/main.mhtml?Part=19&PubID=96> (data obrashhenija: 30.06.2013, resurs bolee ne dostupen).

УДК 93/94+908

Национальные музеи Северного Кавказа в социокультурных и историко-мемориальных процессах

Евгений Федорович Кринко

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований
Южного научного центра Российской академии наук
Российская Федерация
344006, Ростов-на-Дону, проспект Чехова, 41
Доктор исторических наук
E-mail: krinko@ssc-ras.ru

Аннотация. Национальные музеи республик Северного Кавказа являются активными участниками социокультурных и историко-мемориальных процессов в данном регионе. До революции 1917 г. материалы о горцах Северного Кавказа были представлены преимущественно в этнографических коллекциях местных музеев. Создание национальных автономий сопровождалось значительными преобразованиями в музейном деле. Новые краеведческие музеи и их экспозиции стали важными свидетельствами прав народов Северного Кавказа на сохранение и использование своего культурного наследия. В дальнейшем становление музеев не раз испытывало воздействие различных политических и идеологических факторов.

В настоящее время национальные музеи республик Северного Кавказа играют важную роль в сохранении, изучении и репрезентации историко-культурного наследия региона. Материальность и аутентичность – качества, присущие музейным артефактам, – придают особую достоверность концепциям, которые закладываются в экспозиции и выставки. В результате музеи превращаются не только в объекты, но и в средства осуществления исторической и культурной политики.

Ключевые слова: историческая политика, историческое и культурное наследие, музейная экспозиция, музейный фонд, национальный музей, Северный Кавказ, экспонат.

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402x
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 20, Is. 4, pp. 262-274, 2016

DOI: 10.13187/rs.2016.20.262
www.ejournal15.com

UDC 351.851+908+ 379.81

Basic Tendencies of Development of the Modern Museums in the Rostov Region (1990–2016)

Olga V. Semenova

Institute for Social and Economic Research and Humanities
of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
Russian Federation
41, Chekhov Street, Rostov-on-Don 344006
PhD (Philosophy)
E-mail: oliko_sov@mail.ru

Abstract

This article analyses the activities of the museums of Rostov Region during the so-called post-perestroika period (1990–2000s). The analysis is based on extensive and diverse material that covers different types of museum work, such as exhibitions, work with archives, public relations, publishing, projects, scientific and technical work. Author defines differences in tendencies of development of museums in the 1990s and 2000s, estimates the roles of museum employees, and discusses the necessity of close interrelationship of museums and people. Author considers not only state museums of the region, but also municipal museums, school museums and museums of military registration offices. Contemplation of the role of museums in the modern society brings us to realization of the importance of all possible museum activities in support and careful preservation of historical memory.

Keywords: archive, exhibition, funds, historical memory, museum, museum employees, public relations, publishing, Rostov Region.

Введение

В постсоветское время в музейной среде произошли большие качественные изменения. Музеи, уйдя от прежних концепций развития, пронесли через кризисные годы как традиции работы прошлых лет, так и приобретенные в сложные социально-экономические и общественно-политические времена умения и навыки, ставшие основой музеев нового поколения. Изменения коснулись, вероятно, всех российских музеев. Однако южнороссийский регион, а конкретнее – Ростовская область, представляет особый интерес для исследований. Область на протяжении долгих лет была примером развития классического музея. На Дону жили представители множества национальностей и конфессий. Здесь, совсем рядом, на Северном Кавказе, происходили трагические события военного противостояния в 1990-е гг. События тех лет нашли отражение в траектории развития музейного дела.

За прошедший период музейная работа Дона подверглась значительной трансформации. Были открыты для изучения новые исторические источники, изменилась сама оценка событий прошлого. Гласность, демократия и отличные от прежних экономические подходы позволили иначе строить работу донских музеев. Вышеназванные причины обусловили необходимость анализа результатов изменений в музейной среде.

В данной статье рассмотрены основные тенденции развития музеев Ростовской области в условиях модернизации, дан культурологический анализ деятельности музеев и определена роль музеев в сохранении исторической памяти.

Материалы и методы

Основой данного исследования стали документы, регламентирующие работу музеев: законы, постановления, распоряжения. Большое значение имел анализ концепций развития музеев, информационных сайтов Министерства культуры Ростовской области и музеев. Автор рассматривала издательскую продукцию музеев: научные сборники, проспекты выставок, листовки, каталоги, афиши, брала интервью у корифеев музейной работы. Использовались работы отечественных и зарубежных исследователей, посвященные развитию музеев и музейной жизни в условиях модернизации.

Методологической основой стали принципы объективности, историзма, аналитический метод, а также компаративный и структурно-функциональный культурологические подходы.

Обсуждение и результаты

Музеи являются важной частью современной культуры. Как показывает практика, активная музейная деятельность может формировать особую музейную среду – интеллектуальную, научную и творческую. Музей привлекает различные возрастные и социальные категории людей, делает их жизнь ярче и познавательнее.

В данной работе автор анализирует различные виды современной музейной деятельности, такие как фондовая и выставочная деятельность, работа с посетителями, научно-издательская работа, материально-техническая база.

Развал Советского Союза, кризис в экономике и материальные трудности оказали на музеи в постперестроечные годы большое влияние. Сложнее стало работать сотрудникам, ослабевала материальная база, скудные пополнялись фонды. А еще ветшали здания музеев, залы, витрины, фондохранилища. И хотя музейщики буквально на голом энтузиазме продолжали деятельность, приток посетителей и их интерес к музеям на какое-то время снизился. Это был период 1990-х гг., когда казалось, что модернизация музеев невозможна. Мизерная зарплата сотрудников, отсутствие технических и рекламных возможностей для издания листовок, проспектов выставок и программ мероприятий, холод в залах. Словом, ситуация была очень сложная.

Следует отметить, что на фоне неблагоприятных общественно-экономических условий фондовая и выставочная работа в основных музеях области не прекращалась. Открывались новые выставки, обрабатывались материалы фондохранилищ, проводились сверки, заполнялись карточки научного описания. Сотрудники музеев проводили экскурсии и читали лекции на предприятиях, в организациях и школах Ростовской области. По результатам научно-исследовательской и выставочной работы они делали доклады на конференциях, писали статьи в научные сборники и в органы местной периодической печати. Финансовые трудности подтолкнули музеи к необходимости проведения коммерческих выставок на базе музеев. Началось сотрудничество с Санкт-Петербургским музеем восковых фигур, с ювелирами Юга России, Союзом художников и Союзом архитекторов и т.п. Это стало опорной точкой модернизации музеев.

Не сразу музейная среда приняла рационализм и финансовую поддержку, получаемую от подобных коммерческих отношений. Казалось невероятным – на один-два месяца полностью переоборудовать зал, оформить его художественно, технически, выставить свет, экспонаты, сделать грамотный этикетаж. А через 6–8 недель производить демонтаж выставки и вновь переоборудовать зал для новой, подчас совершенно другой выставки. До 1990-х гг. подобная практика существовала только в художественных галереях. Музеи создавали единую экспозицию, и она существовала десятилетиями, изменяясь, конечно, но

не так радикально, как теперь. Однако, несмотря на регулярный график смены выставок, у руководства и сотрудников музеев основным требованием к организаторам коммерческих выставок оставался высокий организационный уровень выставок, познавательность, связь с историей, коллекционированием, животным миром и культурой в широком смысле слова. В процессе переговоров и монтажа выставки музеи вносили большую лепту в ее организацию. Экспозиционеры и сотрудники фондов могли таким образом дополнить выставку экспонатами из музейных фондов, что она начинала наполняться новым, научным и историко-краеведческим содержанием. Подобная партнерская деятельность стала сопровождаться и новыми юридическими практиками: документами, договорами различного типа.

В настоящее время в таком формате работают многие музеи. Лишь закрытые ведомственные музеи (музей МВД, ФСБ, ООО «Водоканал»), чья работа проходит на режимных предприятиях, не могут функционировать подобным образом.

Высокий профессионализм сотрудников проявился в гибком подходе в организации выставок (по сути своей это стало началом музейного менеджмента), быстром освоении новых экскурсий и активном проведении различных мероприятий познавательного характера на базе проводимых выставок.

Работа с посетителями музеев всегда была важной частью музейной жизни. Школьники и студенты, курсанты и военнослужащие, ростовчане и гости города всегда с удовольствием шли в музеи. В трудные 1990-е гг., когда даже кинотеатры закрылись, музеи и театры оставались единственной возможностью интересно и познавательно провести время. Новый подход к выставочной деятельности внес новаторство и в работу с посетителями. На базе каждой выставки разрабатывался план работы мероприятий с учетом различных возрастных и прочих интересов. Это и встречи с авторами художественных произведений, коллекционерами, мастер-классы различных направлений, концерты и абонементные программы, игры для самых маленьких посетителей. В музейную жизнь прочно входит элемент театрализации. Сотрудники культурно-массовых отделов (позднее переименованы в отделы научной пропаганды) были неистощимы на идеи.

Такой активный подход сталкивался со сложностями. Сотрудники и экскурсоводы музеев большей частью имели историческое образование, окончили исторический факультет Ростовского университета (РГУ). Проведение же мероприятий в новых общественно-экономических и социальных условиях требовало от них массы дополнительных умений и навыков: написать интересный сценарий, найти финансовую возможность проведения и рекламы мероприятия, а главное – привлечь в музей посетителей, готовых заплатить за возможность участия в мероприятии или интерактиве. При этом слабой стороной организации музейных мероприятий оставалась техническая оснащенность: примитивные микрофоны, плохой звук, слабое освещение и отопление залов, отсутствие проекторов и цифровых носителей, проблемы с рекламой. Автор знает обо всем не понаслышке, так как именно в эти годы работала в Ростовском областном музее краеведения, занималась организацией массовых мероприятий.

Не все получалось сразу. Однако со временем работа с посетителями становилась все успешнее. Большой интерес к музеям возникает с началом празднований Дней города в городах Ростовской области в начале 1990-х гг. Музеи активно участвуют в этих общегородских мероприятиях, проводя свои незабываемые выставки, концерты, демонстрации исторических костюмов и шоу.

В 1990–2000-е гг. в музеях Ростовской области не прекратилась научно-исследовательская деятельность. Изучаются новые поступления, систематизируются фонды хранения. Сотрудники пишут научные работы, статьи, регулярно выступают с докладами на научных конференциях. Музеи оказывают консультационную помощь гражданам и организациям. Создаются каталоги выставок. Проводятся археологические, этнографические и биологические экспедиции, правда, далеко не в таком масштабе, как ранее. Продолжается традиционное сотрудничество музеев с архивами, университетом, коллекционерами.

Не прервалась издательская деятельность музеев. Выпуски «Известий РОМК», сборники азовского и новочеркасского музеев, открытки, каталоги, статьи стали отражением работы сотрудников музея. Продолжают издаваться буклеты и проспекты выставок.

Отдельно следует отметить наружную рекламу – щиты с оригинальными плакатами выставок. Это работы музейных художников в прошлом, а ныне – известных ростовских художников А. Исакова, С. Драча, В. Величкевича. С их творчеством связана неповторимость художественного оформления музейных выставок.

Рис. 1. День города в Ростовском областном музее краеведения. Сотрудники музея в исторических костюмах и гости Ростова – ансамбль волынщиков из города-побратима Глазго, 1991 г. (фото из архива автора)

Необходимо отметить, что в 1990-х – начале 2000-х гг. в Ростовской области, как, вероятно, и во всей России, еще не готовили специалистов в области музейного менеджмента, сценаристов массовых музейных мероприятий, профильных рекламщиков. Однако все эти функции брали на себя сотрудники музеев – настоящие энтузиасты своего дела. Конечно же, кадры для работы в музеях нужно готовить особо. Необходимы регулярные курсы по повышению квалификации, активные контакты с региональными музеями сходного профиля. И, разумеется, музеям необходимы сотрудники узких специальностей – реставраторы, художники, искусствоведы, инженеры, веб-дизайнеры.

Современный музей – это прежде всего учреждение, прекрасно оборудованное технически, имеющее проектор, компьютеры, факс и принтер. Но существуют специальные программы для исследований и методики, которые необходимо осваивать сотрудникам и внедрять в процесс музейной работы.

У целого ряда музеев Юга России такой возможности нет. Муниципальные, общественные музеи за редким исключением работают по старинке. Зачастую не по карману музеям современное выставочное оборудование. Монтаж модулей в выставочных комплексах требует основательных материально-технических вложений, серьезной работы инженеров, художников, архитекторов и дизайнеров. Небольшие музеи просто не могут себе позволить вводить в штатное расписание подобные творческие единицы. Безумно дороги современные материалы для создания выставок. А главное – материальная база музеев и в сегодня оставляет желать лучшего. Ведь грантовая поддержка может помочь лишь отдельным проектам. Помощь спонсоров в случае с музеями бесценна. Однако есть такие проблемы, как капитальный ремонт здания, крыши, отопления, обеспеченность транспортом и т.п., которые поддержка спонсоров не может решить полностью. Требуются серьезные государственные или местные средства.

В 1990-е годы сеть музеев г. Ростова-на-Дону пополнилась за счет создания ведомственных музеев. Были открыты музей истории «Водоканала», здравоохранения

г. Ростова-на-Дону, истории Южного таможенного управления и Таможенной академии, Донской милиции и истории юридического образования, музей истории кооперативного и радиотехникумов, музей В. Самургашева. Руководство предприятий находило возможность и выделяло средства на такое важное и благородное дело. Подобные музеи ценны тем, что являются хранителями памяти об истории предприятия и учреждения, его работниках и руководителях, ветеранах Великой Отечественной войны, самом здании, в котором располагаются. Такая традиция воспитывает чувство гордости за свое учреждение, причастность к большому и нужному делу, интерес к прошлому в целом.

Большую роль в трансляции культурно-исторического наследия играли существовавшие в 1990-е гг. в Ростовской области 33 муниципальных музея. 7 из них были ранее филиалами государственных музеев. Создавались эти музеи в разное время и обычно на базе общественных музеев. Активное формирование сети общественных музеев началось в 1960-е гг. Это происходило по решению городских и районных исполкомов Советов депутатов трудящихся. Музеи работали на общественных началах и подчинялись руководству отделов культуры. Создавали музеи энтузиасты, а финансовую поддержку оказывали промышленные предприятия, колхозы, совхозы и райисполкомы. В 1990–2000-е гг. музеи слабо финансировались из муниципального бюджета. В отдельных зданиях располагались лишь 14 музеев. Остальные находились в домах культуры, военкоматах и других учреждениях. К сожалению, не все музеи имели фондохранилища. Поэтому экспонаты хранились в залах, ветшали (особенно документы и фотографии), слабо велась работа по пополнению музейных собраний. Демократизация общественной жизни освободила музеи от идеологического давления, но многие экспозиции устарели морально. Возможности, в том числе и финансовой, для создания современной модели построения экспозиции у многих музеев нет и до сегодняшнего дня [1].

В 1960–1970-е гг. в Ростовской области стали создаваться музеи в образовательных учреждениях. В большинстве случаев их инициаторами были ветераны Великой Отечественной войны. Они оказывали помощь педагогам и детям в проведении поисково-исследовательской деятельности по истории войны, своих воинских частей, боевых действий, в которых лично участвовали. Рассказывали о судьбах бывших солдат и командиров, послевоенной жизни ветеранов войны.

Активизации поисковой работы школьников способствовали такие акции, как «Реликвии Великой Отечественной войны», «Фронтовое письмо», «Ветеран в твоём доме», «Герои живут рядом», «Дедушкины медали», «Из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд». Школьники вместе с ветеранами и учителями ходили в походы, ездили на экскурсии по местам боевых действий, работали в архивах и библиотеках, записывали воспоминания ветеранов. Было собрано большое количество вещественных, письменных, изобразительных материалов (графика, историческая живопись, скульптура, фотографии с натуры, зарисовки исторических событий, плакаты, карикатуры, иллюстрации журналов). Созданы диорамы, киноленты, видеофильмы, фонотеки, составившие основные и научно-вспомогательные фонды музеев. Пожалуй, менее всего ощутили кризис 1990-х гг. именно школьные музеи. В основном они бережно сохранили свои бесценные фонды.

В настоящее время школьные музеи играют большую роль в воспитании и обучении молодежи, используя для этого различные формы. В музеях проводятся музейные уроки, уроки-экскурсии, тематические и обзорные лекции, мини-спектакли, музыкально-литературные и исторические композиции, историко-краеведческие и интеллектуальные игры, беседы, викторины, встречи и праздники. Юные экскурсоводы и лекторы рассказывают о героях Великой Отечественной войны, о своих родственниках, учителях и выпускниках школ – участниках войны, проводят встречи с ветеранами и участниками боевых действий, с ветеранами трудового фронта, читают и исследуют письма с фронтов, авторов которых объединяет героизм, преданность Родине, вера в победу.

Ценность школьных музеев заключается в способности нести в себе информацию, связанную с его деятельностью, за пределы стен школы. Ежегодно в музеях оформляют выставки, посвященные военному времени, что позволяет учащимся представить жизнь сверстников в годы войны. Большое значение имеют и межрайонные научно-практические конференции школьников и студентов «Региональная история Великой Отечественной войны». Они направлены на восстановление исторической памяти о защитниках Ростовской

области, погибших в годы войны. Помощь в организации и проведении конференций оказывают отделы образования, Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (Ростовского института народного хозяйства), клуб «Память-поиск» города Ростова-на-Дону, поисковый отряд «Миусская высота». Поисковое объединение «Миус-фронт» выступило с предложением о передаче школьным музеям в дар на безвозмездной основе предметов, связанных с Великой Отечественной войной: котелков, военной формы, касок, предметов вооружения и военного быта [2].

Необходимо отметить работу военкомата Ростовской области, которая строится с соблюдением требований федерального законодательства, а также с принятым в 2012 г. в Ростовской области областным законом «О порядке проведения на территории Ростовской области поисковой работы в целях увековечения памяти погибших при защите Отечества» [3]. Военкомат осуществляет то, что не считается формально обязательным для деятельности военных комиссариатов, – ведет музейную работу на территории Ростовской области. Активная работа сотрудников дала следующие результаты: рассмотрена нравственная и патриотическая необходимость организации музея, изыскана финансовая возможность (выигран грант) и найдено отличное художественное решение для музея, собран обширный материал для экспозиции (документы, личные вещи участников войны, фотографии и т.п.), организована работа по монтажу музея (3 зала) в городе Батайске на призывном пункте.

Кроме того, в Ростовской области существуют еще пять музейных образований, входящих в структуру военного комиссариата по городу Азову и Азовскому району, по городу Волгодонску, по городу Пролетарск, Пролетарскому и Орловскому районам, по городу Сальску, Сальскому и Песчанокопскому районам, по Целинскому району [4].

На рубеже 1990-х и 2000-х гг. казавшаяся ранее почти безнадежной ситуация в музейной сфере стала меняться. Это объяснялось тем, что стабилизировалась экономическая ситуация в стране, произошли коренные трансформации и в сознании граждан. Люди устали от социальной напряженности и нашли интересные формы работы и познавательного досуга. Сотрудники музеев, получив жесткую закалку 1990-х гг., переходят к новым формам деятельности. Рождаются любопытные проекты. Появляются недоступные ранее возможности.

К концу 1990-х гг. произошли изменения статуса целого ряда музеев Ростовской области. Филиалы государственных музеев преобразовывались в самостоятельные музеи (музей города Гуково, волгодонский, каменский, шахтинский краеведческие музеи, музей истории города Аксая). Некоторые музеи были переданы в муниципальную собственность (Тагинский, Боковский, Новошахтинский краеведческие музеи, Музей Первой Конной армии, 13 героев Советского Союза и Дом-музей В. Закруткина).

К началу 2000-х гг. выросла почти в 2 раза площадь музейных помещений. Она составила 188 тыс. кв.м. При этом увеличение площади у многих музеев довольно значительно: Таганрогский музей-заповедник расширился на 3,2 тыс. кв.м, Азовский краеведческий музей – на 2,1 тыс. кв.м., гуковский и волгодонский музеи – в 4 раза. Старочеркасский музей-заповедник потерял 500 кв. м в результате появления монастыря на его территории. В целом общая экспозиционная площадь увеличилась на 5600 кв. м, что позволило демонстрировать больше экспонатов (на 73,3 тыс. единиц больше, чем в 1990 г.) [5].

Для успешного выполнения одной из главных функций музеев – хранения артефактов – необходимы современные, технически обустроенные фондохранилища. К началу 2000-х гг. и по сравнению с 1990 г. площади фондохранилищ увеличили: азовский музей – в 2 раза, «Танаис» – в 2,5 раза, новочеркасский музей – в 5 раз, волгодонский – в 6,5, а гуковский – в 7,5 раз. Это позволило провести научную инвентаризацию 259,9 тыс. музейных предметов [6].

Важная тенденция – увеличение в 2000-е гг. общего числа музейных сотрудников Ростовской области на 238 человек. При этом в таганрогском и ростовском областном музее число научных сотрудников уменьшилось соответственно на 6 и 11 человек [7].

Новым направлением работы музеев в 2000-е гг. стала проектная деятельность, направленная на решение важных региональных задач. Ростовская область, вследствие близости Северного Кавказа, входит в зону национальной напряженности. Работники культуры, музейщики несут свою долю ответственности за поддержание идей

толерантности, добрососедства, уважения к истории и культуре народов, проживающих на Юге России. В этом смысле интересен опыт музейных проектов, таких как «Дон – наш общий дом» (поддержан в рамках программы «Горячие точки» Институтом «Открытое общество», грант СНВ 001), «Что такое хорошо и что такое плохо» (проект поддержан ИОО, Фонд Сороса), «Мир народам Северного Кавказа» (поддержка ИОО, Фонд Сороса). Инициатором данных проектов выступил Ростовский областной музей краеведения. Выставки, мероприятия и конференции, проводимые в рамках вышеназванных проектов, были направлены на сохранение и преемственность культурных традиций прошлого, поддержку национальных культур народов, проживающих в регионе и Ростовской области [8]. Проекты становились важным культурным событием. В работе приняли участие музеи не только Ростовской области, но и всего южнороссийского региона. Сотрудники региональных правительств, представители землячеств, военнослужащие, педагоги отмечали неоценимый вклад музейщиков в поддержание многовекового опыта бесконфликтного проживания на одной территории, в условиях военной опасности людей разных национальностей, говорящих на разных языках и исповедующих различные религии [9].

Пополнение музейных фондов, собирательская работа – основа существования музеев. В 1990-е гг. в этом секторе музейной работы происходили негативные изменения: сошло на нет целевое финансирование, стали практически невозможны экспедиции, увеличилось число желающих не передать, а продать музеям предметы старины. Однако и в этом вопросе музейщики оказались на высоте. В 1999 г. сотрудниками Ростовского областного музея краеведения был подготовлен, а ИОО (фонд Сороса) – поддержан проект «Музей XXI века на память от меня». В результате реализации проекта был основан клуб дарителей «На волнах моей памяти». В работу музейного клуба, в активную социокультурную деятельность были вовлечены люди пенсионного возраста. В результате реализации проекта в музей на постоянное хранение поступило более 5 тыс. предметов, дополнивших музейные коллекции. Это личные архивы краеведов А. Айрумяна и И. Гегузина. Существенно пополнилась коллекция книг и письменных источников. Передавались бытовые предметы и одежда. Поступали в дар коллекции открыток и фотографии. На основе переданных музеем предметов была создана выставка, включающая в себя более 700 ценнейших экспонатов. Клуб не прекращает свою деятельность. Подобная форма работы имеет общественное значение, служит примером другим музеям и является важной для различных возрастных категорий посетителей [10].

Как показывает опыт работы по военно-патриотическому воспитанию научно-экспозиционного отдела Ростовского областного музея краеведения, целенаправленная, систематическая, научно аргументированная деятельность дает результаты. Так, в начале 2000-х гг. в музеях Ростовской области было уделено большое внимание теме Второй мировой и Великой Отечественной войн. Музейная экспозиция позволяла посетителям непосредственно соприкоснуться с подлинными реликвиями той поры – оружием, наградами, фотографиями и личными вещами героев. Выставки отличались отличным дизайнерским оформлением и сопровождалась убедительными и эмоциональными экскурсиями. Молодежь – школьники, студенты, военнослужащие – открывали для себя неизвестные эпизоды войны. Экспозиционеры рассказывали о новых фактах, предлагали новый взгляд на ранее неизвестные, либо представлявшиеся искаженно вопросы истории Второй мировой войны. Такие выставки, как «Шел солдат к Победе», «Миус-фронт», «Сталинградский рубеж» значительно расширили представление посетителей о войне на Донской земле. Представлены были материалы и документы, ранее не выставлявшиеся, – о коллаборационизме, пропавших без вести, о военных неудачах СССР в начальный период войны. Внимание общественности привлекалось благодаря сотрудничеству со СМИ, публикациям в газете «Молот», журналах Дона, сборниках Ростовского областного краеведческого музея. По проблемам военно-патриотического воспитания сотрудники музея в 2000–2002 гг. подготовили 7 тематических, 11 информационных передач, 9 выступлений по радио [11].

В настоящее время музеи – самые доступные учреждения культуры, сохраняющие и транслирующие историко-культурное наследие. В Ростовской области сейчас работают 43 музея: 27 муниципальных, 15 музеев, подведомственных Министерству культуры

Ростовской области, и 1 федеральный – Государственный музей-заповедник М.А. Шолохова. Это динамично развивающиеся образования, выполняющие сохранительные, научно-исследовательские и просветительские функции.

Финансирование учреждений культуры и поддержка Правительства Ростовской области позволили развить музейное дело на Дону. В 2011 г. был открыт «Музей русско-армянской дружбы». В 2014 году введено в эксплуатацию новое здание Волгодонского эколого-исторического музея, оснащенное современным экспозиционно-выставочным и фондовым оборудованием. В 2015 г. музейная сеть увеличилась на одну единицу в связи с открытием краеведческого музея в Октябрьском сельском районе [12]. Министерство культуры старается оснастить выставочным и фондовым оборудованием не только государственные, но и муниципальные музеи. Благодаря этому была проведена реставрация залов и обновление экспозиций Ефремовского дворца Старочеркасского историко-архитектурного музея-заповедника.

По поручению губернатора Ростовской области В.Ю. Голубева Ростовскому областному музею краеведения в октябре 2014 г. передано здание, в котором разместили обширную археологическую коллекцию. С 2015 г. местом проведения культурных форумов в городе Ростове-на-Дону стал открытый для посетителей «Шолохов-центр» музея-заповедника М.А. Шолохова. В 2015 г. Таганрогскому государственному литературному и историко-архитектурному музею-заповеднику передан родовый дом семьи Чеховых, где еще предстоит провести ремонтно-реставрационные работы. В период с 2014 по 2015 гг. Таганрогскому музею-заповеднику также переданы земельные участки в Неклиновском районе для строительства народного военно-исторического музейного комплекса «Самбекские высоты» [13].

В рамках государственных программ «Доступная среда» и «Культура России» музеи области получают возможность технического оснащения фондохранилищ и экспозиций, пополняется автопарк музеев, в работу музеев внедряются информационные и телекоммуникационные технологии.

Музеями издается большой объем печатной продукции: каталоги, научные издания, путеводители выставок. К числу наиболее интересных и востребованных специалистами и любителями-краеведами относятся серия «Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону» (ИАИАИАНД) Азовского музея-заповедника (28 выпусков); сборник «Известия Ростовского областного музея краеведения» (изданы 20 номеров); крупные издательские проекты, представляющие уникальные коллекции музея («Сокровища Дона» (1999), «Образы старого Ростова» (1999), «Сокровища донских степей» (2004), «Казачий Дон» (2005)) В рамках программы «Культура Дона» подготовлены к изданию альбомы: «Серебряная подкова Дона» (1998), «Донское наследие» (2002, 2007, 2008), «Реликвии донского казачества» (2003), «Народы Дона» (2005), «Ростовская область: 70 лет созидания» (2007), «Люди земли Донской» (2008), «Дон гостеприимный» (2010).

Научные сотрудники музея также участвовали в подготовке изданий «От крепости до столицы», первого учебника по истории города. Проект с Избирательной комиссией Ростовской области «Музей и власть» дал возможность издать каталоги хранящихся в фондах печатных изданий, агитплаката, фотографий по теме «Выборы и власть на Дону» и сборников «Город и власть», «23 века демократии» [14].

Новочеркасским музеем выпускаются сборники «Краеведческие записки» (11 выпусков). Кроме того изданы каталоги, наборы открыток, монографические альбомы, посвященные творчеству Грекова, Дубовского, городу Новочеркаску [15].

Музеи ведут активную научно-исследовательскую деятельность и участвуют в грантовых конкурсах Российского государственного научного фонда и Российского фонда фундаментальных исследований. По результатам исследований ежегодно проводятся научные конференции и семинары.

В мае 2016 г. Министерством культуры Ростовской области был впервые проведен Фестиваль музеев Дона, который привлек внимание общественности, СМИ и властей к музейному делу.

В музеях области активно ведется реставрационная деятельность. Она позволяет не только сохранить музейный предмет, но и выявить его историко-культурную и художественную ценность. За последние пять лет музеями проведена реставрация

6229 единиц хранения. Тем не менее 47 800 предметов основного фонда требуют срочной реставрации. В 2016 г. впервые с 2008 г. из областного бюджета 6 государственным музеям Ростовской области выделено 2,5 млн рублей на реставрацию музейных предметов [16].

За последние 5 лет организовано более 3 тысяч новых выставок. Их создание, монтаж и экспонирование проходило с применением современных информационных технологий. Во исполнение Указа Президента России от 7 мая 2012 № 597 [17] с 2013 г. в государственных музеях области проведено 7 обменных выставок с музеями Российской Федерации. На их организацию из областного бюджета направлено 5,6 млн рублей [18].

В настоящее время наиболее посещаемыми музеями Ростовской области являются Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник, Таганрогский государственный литературный и историко-архитектурный музей-заповедник, Ростовский областной музей краеведения, Новочеркасский музей истории донского казачества и Волгодонский эколого-исторический музей.

Благодаря проведению уже ставших традиционными музейных акций, таких как «Ночь в музее», «Ночь искусств», в последние годы для жителей донского региона стало хорошим тоном регулярно посещать музеи. Все больше сюда приходит молодежи – школьников и студентов. Совершенствование форм музейной педагогики является одним из приоритетных направлений в работе государственных и муниципальных музеев.

Развитие туризма в южнороссийском регионе также во многом обязано существованию ярких и самобытных донских музеев, которые реализуют интереснейшие культурные программы и событийные мероприятия для различных целевых групп. Именно на базе государственных музеев Ростовской области сложились и развиваются фестивальные туристические бренды Дона.

Международное сотрудничество государственных музеев Ростовской области продолжается на протяжении всего анализируемого периода. В 1990–2000-е гг. Азовский музей-заповедник стал известен не только в России, но и в мире. Основой для развития партнерских отношений с зарубежными музеями стали его палеонтологическая и археологическая коллекции. Начиная с 1991 г. азовский музей активно сотрудничал с ведущими музеями страны – Музеем изобразительных искусств им. Пушкина, Музеем народов Востока, Эрмитажем и др. Результатом стали совместные выставки во Франции, Швейцарии, Шотландии и Японии. В 1997 г. в Японии экспонировали скелет слона-трогонтерия. В 2009 г. в австрийском городе Леобен, в музейном центре «Кунстхалле», а в 2010 г. – в городе Маннгейм (Германия) работала выставка «Сокровища степей». На ней были представлены 9201 музейных предметов из азовской коллекции [19].

Тесное международное сотрудничество археологического музея-заповедника «Танаис» заключается в совместной работе с немецкими и польскими коллегами. Важнейшая роль в становлении и развитии музея-заповедника принадлежит полувековому творческому союзу заповедника и Нижне-Донской археологической экспедиции, ставшей с 1993 г. международной, благодаря работе отрядов Германского института археологии и Института археологии Варшавского университета [20].

Ростовский областной музей краеведения активно участвует в международных выставках и проектах. В 1990-е гг. музей экспонировал свои собрания в Японии, Франции, Шотландии. В 2000-е гг. принял участие в международном проекте «Золото амазонок». Проект осуществлялся совместно с другими музеями Ростовской области – Азова, Новочеркаска, Таганрога – и Краснодарского края. Уникальная археологическая коллекция была представлена в Париже и Тулузе. Подобные проекты привлекают внимание любителей и ценителей древностей и дают возможность музеям включаться в систему международного и российского туризма.

Деятельность донских музеев неоднократно награждалась на крупных культурных форумах. Так, в международном фестивале музеев «Интермузей» в 2012 г. премиями награждены археологический музей-заповедник «Танаис» и Новочеркасский музей истории донского казачества. В 2016 г. в полуфинал международного фестиваля музеев «Интермузей» вышли три донских музея: азовский и таганрогский музей-заповедники, археологический музей-заповедник «Танаис».

Музейное профессиональное сообщество определило музей как «некоммерческое учреждение на постоянной основе, действующее на благо общества и его прогресса,

открытое для публики, которое приобретает, сохраняет, исследует, пропагандирует и экспонирует в целях образования и удовлетворения материальные и нематериальные свидетельства человека и окружающей среды» [21]. Ряд современных исследователей (Л.М. Шляхтина, И.А. Щепеткова, Е.Н. Крайнер) обеспокоены тем, что вектор взаимодействия музеев с музейной аудиторией в последние годы меняется. Происходит переход от просветительно-образовательной к развлекательной функции. Дескать, музеи больше удовлетворяют потребность в развлечениях, приятном досуге, театрализации [22].

*Рис. 2. Демонстрация исторического костюма для посетителей музея.
Армянский костюм XVIII в. (фото из архива автора)*

Автор, проведя анализ деятельности музеев Ростовской области, считает такой подход несостоятельным. Действительно, модернизация музеев, современные технические средства, включенность в культурно-туристический кластер основных музеев, а также вызовы времени являются причиной проведения в рамках музея различных театральных постановок, акций, праздников и перфомансов. Однако музейная жизнь и работа – не только и не столько перфоманс. Современные музеи должны выполнять и выполняют свои основные функции – собирать, сохранять, изучать и представлять посетителям артефакты. Вся музейная жизнь направлена на этот процесс. Работа музейщиков, энтузиастов и настоящих профессионалов своего дела – хранителей, экспозиционеров, научных сотрудников, музейных педагогов – наполняет современный музей жизнью. Ведутся исследования, происходит обмен выставками, разрабатываются новые интересные проекты. Досуговость, театрализация представления музейных выставок, конечно, необходимы как формы работы с некоторыми группами посетителей. Однако научность, историзм и объективность остаются стержнем работы современных музеев.

Выводы

В результате анализа работы музеев Ростовской области в 1990–2000-е гг. можно с уверенностью утверждать, что музеи преодолели социально-экономический кризис 1990-х гг. В эти годы сотрудники сумели сберечь лучшие традиции прежних лет. В основном были сохранены музейные фонды области. В кризисные годы музейщики обратились к новым формам музейной работы, приобрели умения и навыки, ставшие необходимостью в новых экономических условиях. Благодаря успешной проектной деятельности был актуализирован институт дарителей музеев. Международное сотрудничество музеев области выражается в организации целого ряда проектов с ведущими музеями Франции, Японии, Швейцарии, Германии и Австрии. За постперестроечные годы не исчезли муниципальные и школьные музеи. Они продолжают выполнять важную образовательную функцию, транслируют опыт прошлых лет. Консолидирующее и патриотическое значение продолжают иметь музеи при военкоматах и ведомственные музеи. Таким образом, утверждение о том, что в эпоху всеобщей модернизации музей был и остается основой сохранения исторической памяти, остается неизменным. И это несмотря на разнообразие форм музейной работы и современные средства коммуникации.

Благодарности

Работа выполнена в рамках реализации государственного задания по проведению фундаментальных исследований на 2016 г. № 0260-2014-0006 «Историко-культурное наследие юга России в условиях модернизации».

Примечания

1. Булатова З.М. Проблемы и задачи работы с муниципальными музеями Ростовской области // Известия Ростовского областного музея краеведения. Вып. 10. Ростов н/Д: Областной музей краеведения, 2002. С. 72–79.

2. Семенова О.В. Школьные музеи и их роль в сохранении исторической памяти о Великой Отечественной войне // Значение сражений 1941–1945 гг. на Юге России в Победе в Великой Отечественной войне: материалы Всероссийской научной конференции (Ростов-на-Дону, 3–6 июня 2015 г.) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2015. С. 525–530.

3. Областной закон от 10 мая 2012 № 858-ЗС «О порядке проведения на территории Ростовской области поисковой работы в целях увековечения памяти погибших при защите Отечества». URL: <http://www.donland.ru/documents/O-poryadke-provedeniya-na-territorii-Rostovskoj-oblasti-poiskovoj-raboty-v-celyakh-uvekovecheniya-pamyati-pogibshikh-pri-zashhite-Otechestva>?pageid=128483&mid=134977&itemId=22552 (дата обращения: 06.12.2016).

4. Семенов В.С., Семенова О.В. Память о Великой Отечественной войне в контексте деятельности военных комиссариатов Юга России: проблемы и перспективы // Память и время: влияние войн и вооруженных конфликтов XX в. на российское общество: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (г. Новороссийск, 12–15 сентября 2016 г.) / отв. ред.: Т.В. Лохова, С.Г. Новиков. Пенза: Изд-во ПГУ, 2016. С. 360–365.

5. Иноземцева Р.Е. Научно-методический отдел и государственные музеи Ростовской области // Известия Ростовского областного музея краеведения. Вып. 10. С. 37–48.

6. Иноземцева Р.Е. Научно-методический отдел и государственные музеи Ростовской области. С. 45.

7. Иноземцева Р.Е. Научно-методический отдел и государственные музеи Ростовской области. С. 46.

8. Абрамова Т.Н. Проект «Дон – наш общий дом» как опыт внедрения музейных технологий в дело воспитания идей толерантности и национального согласия в многонациональном регионе // Известия Ростовского областного музея краеведения. Вып. 10. С. 94–101.

9. Литвиненко О.В. Программа «Мир народам Северного Кавказа» как метод объединения музеев Южного федерального округа по стабилизации обстановки в регионе // Известия Ростовского областного музея краеведения. Вып. 10. С. 102–110.

10. Римская З.Н. Проект «Музею XXI века на память от меня» (клубная работа как способ комплектования коллекций музея) // Известия Ростовского областного музея краеведения. Вып. 10. С. 111–122.

11. Афанасенко В.И. Из опыта работы научно-экспозиционного отдела по военно-патриотическому воспитанию // Известия Ростовского областного музея краеведения. Вып. 10. С. 133–138.

12. О развитии музейного дела в Ростовской области. Заседание Правительства Ростовской области. Доклад министра культуры Ростовской области А.А. Резванова 18 мая 2016 г. URL:

<http://www.donland.ru/Donland/Pages/View.aspx?pageid=125270&mid=130587&itemId=257> (дата обращения: 06.12.2016).

13. О развитии музейного дела в Ростовской области.

14. Научная и издательская деятельность // Ростовский областной музей краеведения. URL: <http://www.rostovmuseum.ru/about/science.php> (дата обращения: 06.12.2016).

15. Новочеркасский музей истории донского казачества. URL: <http://www.novochmuseum.ru/> (дата обращения: 06.12.2016).

16. О развитии музейного дела в Ростовской области.

17. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35261> (дата обращения: 06.12.2016).

18. О развитии музейного дела в Ростовской области.

19. Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник. URL: <http://mkro.donland.ru/Default.aspx?pageid=54905> (дата обращения: 06.12.2016).

20. История // Археологический музей-заповедник «Танаис». URL: <http://www.museum-tanais.ru/istoriya> (дата обращения: 06.12.2016).

21. Кодекс музейной этики // Министерство культуры Российской Федерации. URL: <http://mkrf.ru/culture-workers/proff-jetika/detail.php?ID=286800> (дата обращения: 06.12.2016).

22. Шляхтина Л.М. Современный музей: идеи и реалии // Вопросы музеологии. 2011. № 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-muzej-idei-i-realii> (дата обращения: 06.12.2016).

References

1. Bulatova Z.M. Problemy i zadachi raboty s municipal'nymi muzejami Rostovskoj oblasti // *Izvestija Rostovskogo oblastnogo muzeja kraevedenija*. Vyp. 10. Rostov n/D: Oblastnoj muzej kraevedenija, 2002. S. 72–79.

2. Semenova O.V. Shkol'nye muzei i ih rol' v sohranenii istoricheskoy pamjati o Velikoj Otechestvennoj vojne // *Znachenie srazhenij 1941–1945 gg. na Juge Rossii v Pobede v Velikoj Otechestvennoj vojne: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii (Rostov-na-Donu, 3–6 ijunja 2015 g.)* / otv. red. akad. G.G. Matishov. Rostov n/D: Izd-vo JuNC RAN, 2015. S. 525–530.

3. Oblastnoj zakon ot 10 maja 2012 № 858-ZS “O porjadke provedenija na territorii Rostovskoj oblasti poiskovoj raboty v celjah uvekovechenija pamjati pogibshih pri zashhite Otechestva”. URL: <http://www.donland.ru/documents/O-poryadke-provedeniya-na-territorii-Rostovskojj-oblasti-poiskovojj-raboty-v-celyakh-uvekovecheniya-pamyati-pogibshikh-pri-zashhite-Otechestv?pageid=128483&mid=134977&itemId=22552> (дата обращения: 06.12.2016).

4. Semenov V.S., Semenova O.V. Pamjat' o Velikoj Otechestvennoj vojne v kontekste dejatel'nosti voennyh komissariatov Juga Rossii: problemy i perspektivy // *Pamjat' i vremja: vlianie vojn i vooruzhennyh konfliktov XX v. na rossijskoe obshhestvo: sb. st. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Novorossijsk, 12–15 sentjabrja 2016 g.)* / otv. red.: T.V. Lohova, S.G. Novikov. Penza: Izd-vo PGU, 2016. S. 360–365.

5. Inozemceva R.E. Nauchno-metodicheskij otdel i gosudarstvennye muzei Rostovskoj oblasti // *Izvestija Rostovskogo oblastnogo muzeja kraevedenija*. Vyp. 10. S. 37–48.

6. Inozemceva R.E. Nauchno-metodicheskij otdel i gosudarstvennye muzei Rostovskoj oblasti. S. 45.

7. Inozemceva R.E. Nauchno-metodicheskij otdel i gosudarstvennye muzei Rostovskoj oblasti. S. 46.

8. Abramova T.N. Proekt “Don – nash obshhij dom” kak opyt vnedrenija muzejnyh tehnologij v delo vospitanija idej tolerantnosti i nacional'nogo soglasija v mnogonacional'nom regione // *Izvestija Rostovskogo oblastnogo muzeja kraevedenija*. Vyp. 10. S. 94–101.

9. Litvinenko O.V. Programma “Mir narodam Severnogo Kavkaza” kak metod ob#edinenija muzeev Juzhnogo federal'nogo okruga po stabilizacii obstanovki v regione // *Izvestija Rostovskogo oblastnogo muzeja kraevedenija*. Vyp. 10. S. 102–110.

10. Rimskaja Z.N. Proekt “Muzeju XXI veka na pamjat' ot menja” (klubnaja rabota kak sposob komplektovaniya kollekcij muzeja) // *Izvestija Rostovskogo oblastnogo muzeja kraevedenija*. Vyp. 10. S. 111–122.

11. Afanasenko V.I. Iz opyta raboty nauchno-jekspozicionnogo otdela po voenno-patrioticheskomu vospitaniju // *Izvestija Rostovskogo oblastnogo muzeja kraevedenija*. Vyp. 10. S. 133–138.

12. O razvitii muzejnogo dela v Rostovskoj oblasti. Zasedanie Pravitel'stva Rostovskoj oblasti. Doklad ministra kul'tury Rostovskoj oblasti A.A. Rezvanova 18 maja 2016 g. URL: <http://www.donland.ru/Donland/Pages/View.aspx?pageid=125270&mid=130587&itemId=257> (дата обращения: 06.12.2016).

13. O razvitii muzejnogo dela v Rostovskoj oblasti.

14. Nauchnaja i izdatel'skaja dejatel'nost' // *Rostovskij oblastnoj muzej kraevedenija*. URL: <http://www.rostovmuseum.ru/about/science.php> (дата обращения: 06.12.2016).

15. Novoчеркасский музей истории донского казачества. URL: <http://www.novochmuseum.ru/> (дата обращения: 06.12.2016).
16. О развитии музейного дела в Ростовской области.
17. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 г. № 597 “О мероприятиях по реализации государственной социальной политики”. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35261> (дата обращения: 06.12.2016).
18. О развитии музейного дела в Ростовской области.
19. Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник. URL: <http://mkro.donland.ru/Default.aspx?pageid=54905> (дата обращения: 06.12.2016).
20. История // Археологический музей-заповедник “Танайс”. URL: <http://www.museum-tanais.ru/istoriya> (дата обращения: 06.12.2016).
21. Кодекс музейной этики // Министерство культуры Российской Федерации. URL: <http://mkrf.ru/culture-workers/proff-jetika/detail.php?ID=286800> (дата обращения: 06.12.2016).
22. Шлjahtина Л.М. Современный музей: идеи и реалии // Вопросы музеологии. 2011. № 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyj-muzey-idei-i-realii> (дата обращения: 06.12.2016).

УДК 351.851+908+379.81

Основные тенденции развития современных музеев в Ростовской области (1990–2016 гг.)

Ольга Валерьевна Семенова

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований
Южного научного центра Российской академии наук, Российская Федерация
344006 Ростов-на-Дону, проспект Чехова, 41
Кандидат философских наук
E-mail: oliko_sov@mail.ru

Аннотация: Статья представляет собой анализ деятельности музеев Ростовской области в постперестроечное время (1990–2000-е гг.). В основе анализа – обширный материал, охватывающий различные виды музейной работы: фондовая и выставочная деятельность, работа с посетителями, проектная и научно-издательская работа, материально-техническая база. Автор определяет различия в тенденциях развития музеев в 1990-е и 2000-е гг., дает оценку роли сотрудников музеев, раскрывает необходимость тесного взаимодействия музеев и граждан. В статье охвачены не только государственные музеи области, но и муниципальные, школьные, а также музеи военкоматов. В процессе осмысления роли музеев в современном обществе приходит осознание важности всех возможных музейных практик в поддержании и бережном сохранении исторической памяти.

Ключевые слова: архив, выставка, издательская деятельность, историческая память, музей, музейные работники, работа с посетителями, Ростовская область, фонды.

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402x
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 20, Is. 4, pp. 275-281, 2016

DOI: 10.13187/rs.2016.20.275
www.ejournal15.com

UDC 930+908

Ethnographical Heritage of the Rostov Region in the Museum Expositions

Oleg A. Grom

Institute for Social and Economic Research and Humanities
Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences
Russian Federation
41, Chekhova Avenue, Rostov-on-Don, 344006
E-mail: gromescu@gmail.com

Abstract

The article deals with the reflection of the historical and ethnographic diversity in the museum collections and expositions of the Rostov Region. The author studied the history of the largest region's museums funds formation. The Cossack subject remains a prevailing topic of museum exposition, however recently in some museums the transition from the Cossack-centric narratives towards the display of the region's ethnic diversity was mentioned.

Keywords: Don peoples, ethnography, expositions, museums, Rostov.

Введение

К предметам этнографии можно отнести вещи, несущие специфику тех этнографических групп, к которым принадлежали их создатели. При этом надо учитывать, что в реальных условиях музейных экспозиций такие, как правило кустарные, предметы чаще всего соседствуют с изделиями серийного производства, выявить «этническую принадлежность» которых строго говоря невозможно. Это вполне закономерно, поскольку большая часть коллекций музеев Ростовской области представлена предметами второй половины XIX – начала XX вв., когда изделия промышленного производства стали широко проникать не только в городской, но и в сельский быт.

Материалы и методы

Основой написания статьи послужили экспозиции музеев Ростовской области. Также были использованы материалы официальных сайтов музеев, официальные страницы в социальных сетях и материалы музейных изданий.

При анализе музейных коллекций и экспозиций важно выяснить, как и когда формировалась коллекция того или иного музея, насколько полно она отражает местные этнографические особенности и какой образ региона/города формирует.

Обсуждение и результаты

Крупнейшим музеем области является Ростовский областной музей краеведения (РОМК). Фонды музея, в том числе и его этнографической коллекции, имеют сложную историю. Начало собрания было положено еще до революции. В начале 1910-х гг. была

выделена отдельная этнографическая секция, в которой хранились и экспонировались предметы буддистского культа донских калмыков, а также предметы быта донских казаков. Из этих предметов в настоящее время сохранилась только латунная статуя Будды [1]. Большая часть собрания музея была утрачена в годы революции и Гражданской войны. С 1926 по 1933 гг. в Ростове, тогдашнем центре всего Северо-Кавказского края, действовал Музей горских народов. Для него был собран огромный материал, отражающий быт и культуру народов Северного Кавказа, в то время как местной этнографии уделялось меньше внимания. Однако в 1933 г. музей, который так и не начал полноценную выставочную деятельность, был закрыт [2]. В 1936 г. экспонаты Ростовского музея были переданы в Ставропольский краеведческий музей [3]. Часть коллекции осела в национальных республиках Северного Кавказа, а коллекция, посвященная быту донских армян, была вывезена в Ереван [4]. В 1937 г. вместе с образованием Ростовской области в Ростове был создан областной музей, коллекцию которого фактически пришлось формировать заново. Но и эта коллекция понесла существенные потери в годы немецкой оккупации Ростова.

Большая часть хранящихся и экспонируемых ныне предметов музея собрана в послевоенные годы в результате экспедиций в районы области [5]. Практически все этнографические экспедиции Ростовского музея были так или иначе связаны с донскими казаками. Большую часть предметов составляли относящиеся к верховым казакам [6]. При этом собирание подобного материала и его экспонирование были сопряжены с рядом идеологических трудностей, поскольку в доперестроечный период казачья тематика как «реакционная» в целом не приветствовалась [7]. Музеи, по замыслу советской номенклатуры, должны были в первую очередь отражать успехи строительства социализма, революционные преобразования и партийную историю. Доходило до полного абсурда, когда сугубо этнографическая коллекция, посвященная казачеству, могла собираться под видом сбора материалов под заглавием «Сталинский план преобразования донского села» [8].

Если наложить географию экспедиций РОМК на этнографическую и лингвистическую карту региона, отражающую реалии того времени, то станет очевидно, что собирательская деятельность практически не затрагивала районы области, где доминировало неказачье население. Неудивительно, что другие этнические группы представлены в фондах музея заметно хуже. Исключение, пожалуй, составляют армяне, которые жили в непосредственной близости от Ростова. Относительно систематически материалы о других народах Ростовской области стали собираться только на рубеже 2000-х гг., в частности в рамках программы «Дон – наш общий дом» и аналогичных проектов. Эта переориентация совпала по времени с пиком обострения межнациональных отношений в области и Северокавказском регионе в целом. Как писала заместитель директора музея Т.Н. Абрамова, «РОМК пришел к выводу об определенной доле ответственности за возникновение зон национальной напряженности в регионе, что выразилось в превалировании в экспозициях материалов по истории и этнографии только донского казачества, показа военных действий на Кавказе – над материалами, пропагандирующими уникальный многовековой опыт бесконфликтного проживания на одной территории, в условиях постоянной военной опасности, людей разных национальностей, говорящих на разных языках и исповедующих различные религии» [9]. В этой связи в начале 2000-х гг. в музее была проведена большая работа по переориентации этнографической части экспозиции с казачьей тематики на многонациональную.

В настоящее время этнографии в экспозиции РОМК посвящено два зала. Первый называется «История, традиции и быт донского казачества». Экспозиция посвящена формированию на Дону казачьих поселений, включению казачьих областей в состав России, образованию Области Войска Донского. Помимо историко-этнографического материала, в данном зале широко представлены предметы, связанные с участием донского казачества в войнах XVIII–XX вв. [10].

Следующий зал, называющийся «Дон – наш общий дом», знакомит посетителей музея с предметами быта, отражающими историю народов, традиционно проживающих на территории области: калмыков, татар, армян, русских, белорусов, украинцев, греков, евреев, немцев, корейцев, народов Кавказа. Здесь представлены преимущественно национальные костюмы и вышивка. Но также есть предметы декоративно-прикладного искусства, керамика и предметы религиозных культов [11]. Вполне ожидаемо в зале, помимо прочих

этнических групп, широко представлены казаки, в чем «общий» зал как бы «дублирует» предыдущий.

В целом диспропорция формирования фондов выровнена за счет разнообразия материала, представленного широкой публике, а музейные работники смогли реализовать идею показать разнообразие местной культуры, а не сводить все к казачеству. Но все же именно с казаками связано более половины представленных этнографических предметов.

Отдельно следует отметить филиал РОМК – Музей русско-армянской дружбы Сурб-Хач, открытый в 1972 г., в котором представлены предметы традиционной культуры донских армян, а также воспроизведен городской быт Нахичевани-на-Дону. В музее хранится более 3 тыс. предметов – одежда, посуда, книги, фотографии и т.д. [12].

Ростовский областной музей краеведения также активно занимается организацией тематических выставок и мероприятий. Здесь интересно проанализировать, какое место в рамках этой деятельности занимает этнографическая тематика. Надо отметить, что этнография редко становится частью тематических выставок (если не считать периодического использования околоказачьего антуража, который зачастую никак не связан с тематикой мероприятия). Среди новостей на сайте музея и в социальных сетях за последние годы удалось обнаружить одно исключение – тематическое мероприятие «Ростов Серебряного века», в ходе которого посетители музея (в основном дети) «узнали будущее у самых настоящих цыганок, отведали чая из самовара или кофе из старинной кофейной мельницы, научились прясть шерстяную нить на веретене и носить воду коромыслом и попробовали овладеть казачьим оружием – шашкой и нагайкой» [13]. При проведении мероприятия широко использовались костюмы и предметы, легко ассоциируемые с народами, жившими в Ростове в конце XIX – начале XX вв., – казаками, русскими, малороссами, цыганами, армянами и т.д.

В целом можно предположить, что этнография, видимо, не очень хорошо монетизируется (не стоит забывать, что подобная деятельность для музеев – это во многом способ заработать и привлечь дополнительных посетителей). Большая часть тематических выставок и мероприятий РОМК посвящена военной тематике, прежде всего связанной с Великой Отечественной войной (что вписывается в общую линию формирования исторической памяти в современной России). Неизменной популярностью пользуются бесчисленные выставки «сокровищ» – золотых и серебряных предметов, драгоценных камней и пр. Также часто проводятся выставки на историко-бытовую тематику, например, посвященные истории моды. Хочется надеяться, что в будущем музей сможет лучше использовать свой потенциал и сделать свое богатое этнографическое собрание более доступным.

Старейшим музеем области является Новочеркасский музей истории донского казачества. Начало формирования этнографической коллекции относится к последней трети XIX в. Музей понес существенные потери в годы Гражданской и Второй мировой войн. С тех пор сохранилась только часть собрания. В настоящий момент в фондах музея хранится более 1000 предметов этнографического характера, охватывающих период с первой половины XIX по начало XX вв. [14] Большая часть этнографического собрания связана с донскими казаками.

Новочеркасский музей, по сути, конструирует казакоцентричную версию историю Ростовской области. Примечательно в этом отношении, какое название составители экспозиции дали залам, не связанным с историей казачества: «Дон до казачества». Практически все залы музея посвящены в основном военной и околовоей истории казаков. Предметы быта, отражающие этнографическое своеобразие, рассеяны и не составляют целостного комплекса. У посетителя создается впечатление, что казаки – практически единственная этносоциальная группа на Дону. Хотя по переписи населения 1897 г. в Области Войска Донского невеликоросы (к которым чаще всего принадлежали казаки) составляли более трети жителей [15], при этом процент принадлежавших к войсковому сословию не превышал 40–45.

Много внимания в экспозиции уделено социальным движениям, «крестьянским войнам» и пр. Здесь чувствуется сохранение сильного влияния «классового подхода», характерного для формирования экспозиций музеев времен СССР. Довольно характерный пример такого рода нарративов можно встретить в описании залов музея на официальном

сайте: «В конце зала представлен интерьер одной из комнат бедного казака. Здесь почти нет никакой мебели, деревянные скамьи, самые необходимые вещи, предметы быта, простая одежда» [16]. В этом пассаже чувствуется стремление показать казаков — людьми «низов», а вовсе не привелегированным сословием.

Из временных экспозиций интерес представляет проходившая в конце 2012 – середине 2013 гг. выставка «Гордые бузавы. Калмыки в составе войска Донского». Мероприятие проходило по программе «Культура Дона» в рамках года народов Дона при содействии Национального музея республики Калмыкии. На выставке были представлены многие уникальные предметы из калмыцкой коллекции Новочеркасского музея истории донского казачества [17].

Подобно Новочеркасскому музею, ориентированы на казачью этнографию и другие музеи области, как например, Старочеркасский историко-архитектурный музей заповедник, содержащий наиболее объемную коллекцию предметов этнографии (более 13 тыс.), преимущественно народных костюмов [18]. Этнографические коллекции также есть в Волгодонске (Музей истории донской народной культуры, ремесел и быта в бывшей станице Красноярской), Каменске (Каменский музей декоративно-прикладного искусства и народного творчества), а также в других городах. Следует особо отметить Раздорский музей, который специализируется исключительно на этнографии донского казачества.

Особняком на фоне большинства казако-ориентированных музеев области стоят азовский и таганрогский музеи. Азовский специализируется на палеонтологии и археологии, а историко-этнографическая часть постоянной экспозиции довольно посредственна. И это несмотря на то, что Азов исторически находился как бы на стыке проживания двух этнографических групп – казаков, живших по берегу Дона, и малороссов, селившихся к югу от города. В музее хранится более 9,5 тыс. этнографических предметов. Наибольший интерес представляет коллекция тканей и текстиля [19].

Таганрог и его округа исторически сильно отличались в этнографическом отношении от других районов области. Сельские районы были заселены преимущественно крестьянами – выходцами из Украины, а сам город имел смешанное, крайне пестрое население, где заметную роль играли диаспоры, прежде всего греческая.

В Таганрогском государственном литературном и историко-архитектурном музее-заповеднике (ТГЛИАМЗ) содержится достаточно богатая коллекция этнографических материалов, которая охватывает период с первой половины XIX по первую четверть XX вв. [20]. Начало формирования фондов музея приходится на дореволюционный период. В 1920–1930 гг. собрание пополнялось в том числе за счет экспедиций в соседние районы [21]. Хотя на тот момент этнография не была приоритетом в формировании коллекции, в большей степени собрание пополнялось бытовыми предметами из города и округи. Примечательно, что таганрогский музей, в отличие от большинства музеев области, меньше всего пострадал от революций и войн XX в.

В постоянной экспозиции этнографии отведен один из залов музея. Первый (и самый крупный стенд) посвящен донскому казачеству, причем представленные экспонаты относятся почти исключительно к казакам-некрасовцам. На территории Таганрога и Таганрогского округа казачье население исторически практически отсутствовало. Казаки жили вокруг станицы Новоалександровской (современный Новоазовск), где были имения элиты Области Войска Донского, а также в нескольких отдельных поселениях по берегу Азовского моря (Натальевка, Приморка). В самом городе казачество до революции было представлено малочисленными расквартированными войсками. Казаки-некрасовцы же к городу и его округе вообще не имели никакого отношения. В этой связи такое внимание к этой этнографической группе может быть объяснено только общеобластным музейным трендом в постсоветский период – попыткой сформировать образ Ростовской области как исконно-казачьей или преимущественно казачьей территории.

Не менее оригинален следующий стенд с точки зрения местной истории и этнографии, посвященный традиционной культуре калмыков. Появился он, вероятно, как продолжение одного экспоната – статуи Будды. Эта статуя – один из старейших по времени поступления экспонатов музея и является неизменной частью экспозиции. В описании стенда также подчеркнута связь калмыков с казачеством.

Далее следует стенд, посвященный украинцам. Украинцы исторически играли важнейшую роль в истории города и ближайшей округи. По данным переписи 1897 г. малороссы составляли более 71 % населения Таганрогского округа. В самом городе тоже было много этнических украинцев. До революции в городе действовало украинское общество, большой популярностью пользовались спектакли на малороссийском наречии. После революции до 1925 г. Таганрог вместе с округом входил в состав УССР, а в течение небольшого промежутка времени город выполнял функции временной столицы Советской Украины [22] (эти примечательные сами по себе моменты никак не отражены в музейной экспозиции). В экспозиции музея представлены в основном предметы сельского быта – традиционный костюм, рушники, музыкальные инструменты. Интересно, что украинский стенд лишен каких-либо подписей. Также не подписаны предметы, относящиеся к армянской культуре. Вероятно, по мнению музейных работников, предметы быта этих народов не нуждаются в специальном представлении.

Следующий стенд изображает этноконфессиональное разнообразие Таганрога, характерное для XIX в. Здесь представлены предметы, рассказывающие об истории диаспорных народов, населявших Таганрог преимущественно в XIX – начала XX вв. – армянах, греках, евреях. Примечательно, что, например, армянская часть экспозиции, несмотря на то что до революции в городе жило и живет много армян, имеет в основном не местное происхождение, а собрана в результате экспедиции в армянские села области [23]. Посетители также могут почерпнуть некоторую информацию о католической, протестантской общинах города. Вообще этот раздел представляет интерес, поскольку из всех городов Ростовской области Таганрог был наиболее космополитичным. Он заметно выделяется на фоне по преимуществу «русского» Ростова, «армянской» Нахичевани и «казачьего» Новочеркасска. Но с другой стороны, подобная пестрота была характерной для приморских городов азовско-черноморского юга Российской империи, в которых велась международная торговля.

В центре зала находится стенд, содержащий разные предметы сельского и городского быта, достаточно типовые для музеев Ростовской области, как крупных, так бесчисленных районных, муниципальных, школьных и т.п. Трудно сказать, с какой этнической традицией соотносили материал составители экспозиции, поскольку в настоящий момент подписи к данному стенду отсутствуют. Однако по некоторым косвенным признакам можно предположить, что он должен символизировать собственно русское (великорусское) население.

В целом экспозиция таганрогского историко-краеведческого музея отражает историко-этнографическую специфику города и прилегающих районов. При этом составители уделили внимание и сюжетам, не имеющим прямого отношения к городу.

Выводы

В целом этнографические коллекции музеев Ростовской области отражают этнический состав населения края на момент XIX – первой половины XX вв. Немаловажную роль играет географическое положение музея, а также история формирования фондов.

Музеи не только служат сохранению историко-культурного наследия, но и выступают инструментом формирования региональных и национальных идентичностей. Особую роль в этом играют этнографические экспозиции. Музеи не являются статичными, а отражают происходящие в обществе культурные, социально-политические и идеологические изменения. Так, если в советский период этнография была маргинальной темой музейных экспозиций, олицетворением «старого мира», противопоставленного героическим подвигам эпохи «строительства социализма», то в постперестроечный период роль этнографического наследия стала куда более значимой. В этом контексте следует рассматривать доминирование в современных музеях Ростовской области казачьей тематики. В каком-то смысле музеи стали вольными или невольными союзниками неказачьего движения. И это несмотря на гетерогенный этнический состав в прошлом, чересполосное проживание народов и доминирование в настоящее время русских, а также «молодых» диаспор, сформировавшихся относительно недавно. Лишь немногие музеи отходят от казакоцентричных нарративов (РОМК, Таганрогский краеведческий музей), но и в них существует тенденция акцентирования казачьего характера местной этнографии.

Благодарности

Работа выполнена в рамках реализации государственного задания по проведению фундаментальных исследований на 2016 г. № 0260-2014-0006 «Историко-культурное наследие юга России в условиях модернизации».

Примечания

1. Абрамова Т.Н. Из практики формирования этнографических коллекций // Известия Ростовского областного музея краеведения. Ростов н/Д, 2005. Вып. 12. С. 59–60.
2. Народы Дона: этнографические коллекции в собраниях музеев Ростовской области. Ростов н/Д, 2011. С. 12.
3. Государственный архив Ставропольского края. URL: <http://fonds.stavarhiv.ru/index.php?act=fund&fund=2387> (дата обращения: 02.11.2016).
4. Абрамова Т.Н. Из практики формирования этнографических коллекций. С. 60.
5. Народы Дона. С. 12.
6. Абрамова Т.Н. Из практики формирования этнографических коллекций. С. 65.
7. Абрамова Т.Н. Из практики формирования этнографических коллекций. С. 63.
8. Абрамова Т.Н. Из практики формирования этнографических коллекций. С. 64.
9. Абрамова Т.Н. Проект «Дон – наш общий дом» как опыт внедрения музейных технологий в дело воспитания идей толерантности и национального согласия в многонациональном регионе // Известия Ростовского областного музея краеведения. Ростов н/Д, 2002. Вып. 10. С. 95.
10. Основная экспозиция // Ростовский областной музей краеведения. URL: http://www.rostovmuseum.ru/exhibitions/?ELEMENT_ID=565 (дата обращения: 25.10.2016).
11. Этнография народов Дона // Ростовский областной музей краеведения. URL: http://www.rostovmuseum.ru/collections/collection.php?PAGE_NAME=section&SECTION_ID=63 (дата обращения: 25.10.2016).
12. Экспозиция отдела «Музей русско-армянской дружбы» // Ростовский областной музей краеведения. URL: http://www.rostovmuseum.ru/exhibitions/?ELEMENT_ID=889 (дата обращения: 25.10.2016).
13. Официальная группа РОМК. URL: <https://ok.ru/rostovskyo/topic/64002068747522> (дата обращения: 06.11.2016).
14. Народы Дона. С. 11.
15. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97_uezd.php?reg=390 (дата обращения: 09.10.2016).
16. Музей истории Донского казачества. URL: <http://doncossacks.ru/Expo/3.htm> (дата обращения: 01.10.2016).
17. Гордые бузавы. Калмыки в составе Войска Донского. URL: http://www.doncossacks.ru/Expo_2/kalm.htm (дата обращения: 15.10.2016).
18. Народы Дона. С. 15.
19. Народы Дона. С. 14.
20. Народы Дона. С. 13.
21. Кожевникова Е.А. Таганрогский государственный литературный и историко-архитектурный музей-заповедник: 110 лет истории // Вехи Таганрога. 2008. № 36. С. 11.
22. Николаенко А.И. Таганрог – столица Украины. 1918 // Вехи Таганрога. 2001. № 8. С. 21–24.
23. Народы Дона. С. 13.
24. Кожевникова Е.А. Таганрогский государственный литературный и историко-архитектурный музей-заповедник: 110 лет истории. С. 11.
25. Николаенко А.И. Таганрог – столица Украины. 1918.
26. Народы Дона. С. 13.

References

1. Abramova T.N. Iz praktiki formirovaniya jetnograficheskikh kollekcij // Izvestija Rostovskogo oblastnogo muzeja kraevedeniya. Rostov n/D, 2005. Vyp. 12. S. 59–60.
2. Narody Dona: jetnograficheskie kollekcii v sobranijah muzeev Rostovskoj oblasti. Rostov n/D, 2011. S. 12.
3. Gosudarstvennyj arhiv Stavropol'skogo kraja. URL: <http://fonds.stavarhiv.ru/index.php?act=fund&fund=2387> (data obrashheniya: 02.11.2016).
4. Abramova T.N. Iz praktiki formirovaniya jetnograficheskikh kollekcij. S. 60.
5. Narody Dona. S. 12.
6. Abramova T.N. Iz praktiki formirovaniya jetnograficheskikh kollekcij. S. 65.
7. Abramova T.N. Iz praktiki formirovaniya jetnograficheskikh kollekcij. S. 63.
8. Abramova T.N. Iz praktiki formirovaniya jetnograficheskikh kollekcij. S. 64.

9. Abramova T.N. Proekt «Don – nash obshhij dom» kak opyt vnedrenija muzejnyh tehnologij v delo vospitaniya idej tolerantnosti i nacional'nogo soglasija v mnogonacional'nom regione // Izvestija Rostovskogo oblastnogo muzeja kraevedeniya. Rostov n/D, 2002. Vyp. 10. S. 95.
10. Osnovnaja jekspozicija // Rostovskij oblastnoj muzej kraevedeniya. URL: http://www.rostovmuseum.ru/exhibitions/?ELEMENT_ID=565 (data obrashhenija: 25.10.2016).
11. Jetnografija narodov Dona // Rostovskij oblastnoj muzej kraevedeniya. URL: http://www.rostovmuseum.ru/collections/collection.php?PAGE_NAME=section&SECTION_ID=63 (data obrashhenija: 25.10.2016).
12. Jekspozicija otдела «Muzej rusko-armjanskoj družhby» // Rostovskij oblastnoj muzej kraevedeniya. URL: http://www.rostovmuseum.ru/exhibitions/?ELEMENT_ID=889 (data obrashhenija: 25.10.2016).
13. Oficial'naja gruppa ROMK. URL: <https://ok.ru/rostovskyo/topic/64002068747522> (data obrashhenija: 06.11.2016).
14. Narody Dona. S. 11.
15. Pervaja vseobshhaja perepis' naselenija Rossijskoj Imperii 1897 g. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97_uezd.php?reg=390 (data obrashhenija: 09.10.2016).
16. Muzej istorii Donskogo kazachestva. URL: <http://doncossacks.ru/Expo/3.htm> (data obrashhenija: 01.10.2016).
17. Gordye buzavy. Kalmyki v sostave Vojska Donskogo. URL: http://www.doncossacks.ru/Expo_2/kalm.htm (data obrashhenija: 15.10.2016).
18. Narody Dona. S. 15.
19. Narody Dona. S. 14.
20. Narody Dona. S. 13.
21. Kozhevnikova E.A. Taganrogskij gosudarstvennyj literaturnyj i istoriko-arhitekturnyj muzej-zapovednik: 110 let istorii // Vehi Taganroga. 2008. № 36. S. 11.
22. Nikolaenko A.I. Taganrog – stolica Ukrainy. 1918 // Vehi Taganroga. 2001. № 8. S. 21–24.
23. Narody Dona. S. 13.
24. Kozhevnikova E.A. Taganrogskij gosudarstvennyj literaturnyj i istoriko-arhitekturnyj muzej-zapovednik: 110 let istorii. S. 11.
25. Nikolaenko A.I. Taganrog – stolica Ukrainy. 1918.
26. Narody Dona. S. 13.

УДК 930+908

Этнографическое наследие Ростовской области в музейных экспозициях

Олег Андреевич Гром

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований
Южного научного центра Российской академии наук
Российская Федерация
344006, Ростов-на-Дону, проспект Чехова, 41
E-mail: gromescu@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена отражению историко-этнографического разнообразия в музейных коллекциях и экспозициях Ростовской области. Освещена история формирования фондов крупнейших областных музеев. Доминирующей тематикой в музейных экспозициях остается казачья, но в последнее время в некоторых музеях наметился переход от казакоцентричных нарративов к демонстрации этнического разнообразия региона.

Ключевые слова: этнография, народы Дона, музеи, экспозиции, Ростовская область.

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402x
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 20, Is. 4, pp. 282-289, 2016

DOI: 10.13187/rs.2016.20.282
www.ejournal15.com

UDC 069.15(470.61)

The Modern Russian Museum as Space for Intercultural Dialogue

Tatiana Yu. Vlaskina

Institute for Social and Economic Research and Humanities
Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences
Russian Federation
41, Chekhova Avenue, Rostov-on-Don, 344006
Museum of Cossacks, Ethnography, and Culture of the Azov Sea Area
Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences
Russian Federation
58a, Beregovaya Street, Kagalnik, Azovsky District, Rostov Region, 346770
E-mail: vlaskiny@mail.ru

Abstract

This article gives a brief overview of how the dialogical form is exploited in the museum work, reveals the essential aspects of the critical thinking on this form: a passion for innovative ways to show the artifacts, and at the same time the absence or deficiency of their social relevance. The author focuses attention on the needs of society in intercultural dialogue, carried out using a museum exhibition, and new challenges, which are caused by a change in the ways of perception and grasping information emerged with the spread of new technologies. The museum can resist the deconstruction of the worldview to a certain extent, creating expositions in a systematic order, which allow revealing causal relationships between events and exposing the factors that trigger different processes. The author characterizes the thematic sections in the museum of SSC RAS, which seem perspective to perform dialogical work with the visitors: The Great Patriotic War, the formation of the modern population of the Don delta, the traditional forms of natural resource management.

Keywords: Azov Sea Area, dialogue, excursion, historical memory, museum.

Введение

Одна из традиционных функций музея – выступать в роли диалогового пространства между экспозицией и посетителем. Но следует помнить о том, что содержательное наполнение этого диалога может быть весьма разнообразным. Оно может ограничиваться нейтрально-познавательной описательностью, как это было в музеях второй половины XIX – начала XX вв., когда прогуливающиеся посетители ненавязчиво расширяли свой кругозор этнографическими и географическими сюжетами, именно тогда возник образ гулких и пыльных музейных залов. Но диалог может быть и напористым, страстным, как это было в 1920–1930-е гг., в эпоху конструктивистского внедрения образа мира, охваченного классовой борьбой. Причем хронологически подобный взгляд на динамику человеческой цивилизации применялся и в отношении самых отдаленных эпох. В настоящей статье будут рассмотрены способы построения диалога с посетителем в региональном музее с учетом

опыта музейной деятельности XX в. и современных условий трансляции и восприятия информации.

Материалы и методы

Статья написана с использованием описательного, типологического методов, с опорой на материалы из фондов временного и постоянного хранения, а также экспозиции Музея казачества, этнографии и культуры Приазовья ЮНЦ РАН. В ходе исследования применялось выборочное интервьюирование посетителей музея ЮНЦ РАН и анкетирование в фокус-группах, выяснялись базовые исторические представления, уточнялись стереотипные оценки значимых событий прошлого, отслеживались типические реакции на введение информации нестандартного содержания.

Обсуждение и результаты

Особенное распространение диалогические формы музейной работы получили в хрущевское и брежневское время, когда в контексте экспозиции, посвященной Великой Отечественной войне, Октябрьской революции, социалистическому строительству организовывалось общение ветеранов как носителей истинного, первичного знания о прошлом и представителей подрастающего поколения – школьников, студентов. Данная форма широко используется и теперь, особенно в небольших районных, поселенческих или школьных музеях. Но зачастую обращение к проверенным временем практикам взаимодействия с посетителями оценивается как пример «морально обветшалого» «игнорирования музейными работниками новых способов прочтения прошлого» [1].

Однако это вовсе не означает, что в процессах модернизации диалоговая форма не востребована. В последние 10–15 лет музеи активно используют прямой контакт с посетителем при разработке игровых и театрализованных программ. Широкую известность получили такие интерактивные экскурсии, как, например, «В боярском тереме» (Русский исторический музей), «Ёлка у губернатора» (Петрозаводский краеведческий музей), «Посвящение в танаиты» (Археологический музей-заповедник «Танаис») и т.п. Популярны событийные реконструкции, организованные с участием сотрудников и использованием объектов музеефикации. Музеи создают условия для удовлетворения как массовых, так и индивидуальных информационных запросов, используя для этого электронные видео- и аудиоустройства, анимацию и гейм-технологии.

Вместе с тем первоначальное увлечение наращиванием инновационных форм при отсутствии или дефиците социальной релевантности все чаще становится объектом критического осмысления. «Большинство музеологов и музейщиков забыли о социальной важности музея и склонны путать ее с количеством посетителей, они концентрируют свое внимание на технике презентации, а не на том послании, которое должно быть передано с ее помощью» [2], – констатируют специалисты. Несмотря на то что для музейщиков, в отличие от других общественных институтов, трансляция и символическая репрезентация прошлого являются «имманентно присущими свойствами», мемориальная политика российских музейщиков до настоящего времени остается, мягко говоря, недостаточно продуманной в теоретическом отношении [3].

То есть проблема видится в идеологической скудности содержательного наполнения диалога с посетителем, при том что в деле внедрения инновационных форм трансляции заметные результаты уже достигнуты. И здесь необходимо обратить внимание на то, что в обществе давно ощущается потребность в диалоге, который в широком смысле можно назвать межкультурным. Для такого острого и актуального диалога музей по нескольким критериям представляет продуктивную и естественную площадку.

Прежде всего, работая с посетителем, музей должен и может обращаться к его исторической культуре и по мере возможности (и необходимости) заниматься общеобразовательной коррекцией, поскольку в последние десятилетия в этой важнейшей для массового сознания области возникло множество химер.

Историческая культура или характерные для того или иного сообщества устойчивые принципы восприятия прошлого – важнейший инструмент познания, конструирования мировоззрения и поддержания коллективной идентичности. Историческая культура задает приоритеты и механизмы формирования исторических представлений, которые, в свою

очередь, способны воздействовать на личностное позиционирование, а также обеспечивать гражданскую гармонию в обществе либо возбуждать конфликты. Прямое порождение исторической культуры – историческая память – «наряду с языком, культурой и проч. выступает одной из основ формирования и развития единой нации, единой страны» [4].

В настоящее время можно констатировать развитие системного кризиса классической неопозитивистской исторической культуры, который имеет если не мировой, то общеевропейский характер. На идеологическом уровне это связано с множеством сложных общественно-политических процессов, среди которых не последнее место занимает ревизия итогов важнейших событий XX в. На методологическом – с постмодернистскими тенденциями в науке и общественном сознании: корпускулярным дроблением предметного поля, распространением альтернативных, конспирологических и спекулятивных теорий прошлого, а также с возникновением информационного пространства нового типа.

В нашей стране ситуация конкретизирована постсоветской идеологической деструкцией и незавершенностью актуальной, исторически обусловленной мировоззренческой концепции. Исследователи отмечают тот факт, что «изменение общественных идеалов, полный отказ от прежних ценностно-смысловых ориентиров, радикально изменивших оценки исторического пути развития страны, привели к расколу в духовной жизни общества» [5]. Не первый год продолжается дискуссия о роли музея как общественного института в распространении «эпидемии переоценок», ставшей визитной карточкой последних двадцати лет. Специалисты приходят к неутешительному выводу: «Вольно или невольно музеи были вовлечены в опасный процесс разрушения исторического сознания нашего общества» [6].

Накануне распада Советского Союза и особенно после, в связи с конструированием в молодых постсоветских республиках национальных идеологий, противопоставленных концепциям общего прошлого (не только советского, но и дореволюционного имперского), возникла тенденция этноцентрического протестного толкования многих историко-политических и социокультурных сюжетов. Эта практика уже привела к негативным последствиям в области межгосударственных отношений и в экономической интеграции. Более того, поскольку ни один из сегментов распавшейся страны не является моноэтническим образованием, постсоветское пространство ввергло в пучину межнациональных конфликтов, грозящих привести к еще более катастрофическому итогу. С течением времени ко многим государственным лидерам пришло осознание опасности подобного развития ситуации, однако обострения национального эгоизма стали благодатной почвой как для внутривнутриполитических спекуляций, так и для внешнего манипулирования. Самое же печальное – в обществе произошла резкая актуализация этнических стереотипов, всколыхнулось то самое дремучее и потенциально действенное ядро архаического противопоставления «свой – чужой», которое способно взорвать изнутри любую страну и любой регион мира.

В связи с этим необыкновенно ценным являются возможности музея продемонстрировать посредством подлинных, не вызывающих критической рефлексии артефактов культурную значимость достижений различных народов, красоту и благородство традиций, но особенно – позитивный опыт взаимоотношений, разрешения конфликтов и консолидации во имя общих целей. Продуктивным интерактивным решением может стать экскурсия, нацеленная на полиэтническую аудиторию, с последующей открытой дискуссией. Такая дискуссия требует для сотрудников музея специальной подготовки. Построенная на основе взаимного уважения, она должна открыть участникам единообразие большинства позиций в этнических системах ценностей, выявить общие или схожие причины бедствий, пережитых предками, и акцентировать внимание участников на том, что многие события, которым приписывается этноконфликтный характер, таковыми не являются. Огромную роль в подобной дискуссии могут сыграть представители старшего поколения, которые помнят не только «минусы», но и «плюсы» периода, когда разные граждане СССР ощущали себя частью общности «советский народ». В конечном счете работа музея с представителями национальных диаспор должна ориентироваться на генерирование представлений о совокупном вкладе в развитие страны и безусловной ценности гармоничного полиэтнического, поликонфессионального мира, созданного вопреки многим бедам и тяготам.

Общество нуждается в межкультурном диалоге не только в плане укрепления межэтнических и межконфессиональных отношений, но и в плане работы над

межпоколенческим взаимопониманием. В настоящее время разница между старшим и младшим поколениями россиян сопоставима с отличиями между гражданами СССР, родившимися на рубеже XIX–XX вв. и в 1920–1930-е гг. Фактически современные молодые люди и их дедушки-бабушки, а зачастую и родители – это носители разных культур: советской и постсоветской, которые отличаются ценностными установками, представлениями об истории, культуре и мироустройстве в целом.

Рис. 1. Ю. Московец проводит экскурсию в Музее казачества, этнографии и культуры Приазовья ЮНЦ РАН. Фото Б. Панасюка. Июль 2014 г.

Отдельную проблему представляют неоднозначные последствия распространения прогрессивного в целом явления – компьютерных технологий – и двух десятилетий проводимой в стране реформы образования. Молодое поколение все больше не походит на родителей принципами восприятия и переработки информации. В результате изменения системы образования, внедрения электронных технологий, практик смс-общения и т.п. выросло поколение визуалов с клиповым мышлением, воспринимающих информацию в виде комиксов. Их представления о мире не составляют гармоничной системы, они мозаичны, разрознены и лишены идеи развития. Индивидуумы с мозаичным сознанием характеризуются случайным, хаотическим восприятием разнородной информации, в результате чего эта информация не организуется в иерархически упорядоченные структуры, а состоит «из разрозненных обрывков, связанных простыми, чисто случайными отношениями близости по времени усвоения, по созвучию или ассоциации идей. Эти обрывки не образуют структуры, но они обладают силой сцепления, которая не хуже старых логических связей придает “экрану знаний” определенную плотность, компактность, не меньшую, чем у “тканеобразного” экрана гуманитарного образования» [7]. Однако в противовес пронизанной ценностными вертикалями традиционной гуманитарной культуре мозаичный мир «воспринимается человеком почти произвольно, в виде кусочков, выхватываемых из омывающего человека потока сообщений» [8].

Музей может в определенной степени противостоять процессам деструктуризации мировосприятия, создавая системные экспозиции, которые позволяют выявлять причинно-следственные связи между событиями, обнажать факторы, запускающие различные процессы, и т.п.

Рис. 2. Выставка к 100-летию начала Первой мировой войны в Музее казачества, этнографии и культуры Приазовья ЮНЦ РАН. Фото Г. Арутюнова. Октябрь 2014 г.

Использование этого потенциала во многом связано с особенностями конкретного музея, его тематикой и характером социальной интеграции. Проще всего прибегнуть к описанию примера. Возьмем музей ЮНЦ РАН, который находится на территории береговой экспедиционной базы в селе Кагальник Азовского района Ростовской области. Его несомненным преимуществом является возможность опираться в своей деятельности на научный потенциал специалистов ЮНЦ РАН, а одна из важных особенностей – укорененность в местной культурно-бытовой и исторической среде. Фактически это один из немногих действующих в настоящее время в нашей стране этнографических стационаров. Поэтому музей ЮНЦ РАН можно с полным основанием считать региональным и по тематике, и по характеру взаимодействия с населением. Практически с самого открытия существует своеобразная обратная связь между музеем и посетителями: местные жители

участвуют в формировании фондов и активно корректируют и комментируют экспозицию, охотно идут на контакт с другими посетителями. Благодаря наблюдениям удалось выделить несколько особенно продуктивных тем или, скорее, тематических блоков для работы в формате диалога. Таких блоков три: Великая Отечественная война, формирование современного населения дельты Дона, традиционные формы природопользования.

Тематический блок «Великая Отечественная война» в экспозиции музея предполагает сочетание классических и дискуссионных сюжетов: боевые действия в регионе, героизм, фашистская оккупация, диверсанты и подпольщики, коллаборационизм, «восточные рабочие».

Тематический блок «формирование современного населения дельты Дона» раскрывается через описание отношений между русскими и украинскими переселенцами.

Тематический блок «Традиционные формы природопользования» предусматривает рассмотрение особенностей хозяйственной деятельности в условиях береговых и островных поселений; выявление структуры рыболовецкого промысла, изучение связанных с ним правовых проблем и браконьерства.

Рис. 3. Ветеран Великой Отечественной войны Г. Малюк на экскурсии в Музее казачества, этнографии и культуры Приазовья 8 мая 2015 г. Фото В. Белоцерковской.

Выводы

Таким образом, музей ЮНЦ РАН представляет собой прямой, не опосредованный различными педагогическими адаптациями канал связи между исследователями и учащейся молодежью, в этом его уникальность. Но общие принципы превращения музея в площадку для межкультурного диалога могут быть взяты на вооружение в самом широком смысле.

Благодарности

Работа выполнена в рамках государственного задания ЮНЦ РАН, номер госрегистрации АААА-А15-11510201027-3 (Программа фундаментальных исследований Президиума РАН № 13 «Пространственное развитие России в XXI веке: природа, общество и их взаимодействие. Проблемы развития полиэтничного макрорегиона в условиях дестабилизации Каспийско-Черноморского зарубежья», проект «Музейные и архивные технологии в патриотическом воспитании молодежи»).

Примечания

1. Сыченкова Л.А. О способах представления истории в музейных экспозициях // Вопросы музеологии. 2010. № 2. С. 131.
2. Наварро О. История и память в современном музее: несколько замечаний с точки зрения критической музеологии // Вопросы музеологии. 2010. № 2. С. 9.
3. Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В. Музей и историческая память в современной России // Вопросы музеологии. 2014. № 2. С. 16.
4. Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В. Музей и историческая память в современной России.
5. Божченко О.А. Музей в формировании исторической памяти: автореф. дис. ... канд. культурологии. СПб., 2012. С. 3.
6. Сыченкова Л.А. О способах представления истории в музейных экспозициях. С. 124.
7. Моль А. Социодинамика культуры. М.: Прогресс, 1973. С. 44.
8. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2005. С. 48.

References

1. Sychenkova L.A. O sposobah predstavlenija istorii v muzejnyh jekspozicijah // Voprosy muzeologii. 2010. № 2. S. 131.
2. Navarro O. Istorija i pamjat' v sovremennom muzee: neskol'ko zamechanij s točki zrenija kritičeskoj muzeologii // Voprosy muzeologii. 2010. № 2. S. 9.
3. Rostovcev E.A., Sidorčuk I.V. Muzej i istoričeskaja pamjat' v sovremennoj Rossii // Voprosy muzeologii. 2014. № 2. S. 16.
4. Rostovcev E.A., Sidorčuk I.V. Muzej i istoričeskaja pamjat' v sovremennoj Rossii.
5. Bozhchenko O.A. Muzej v formirovanii istoričeskoj pamjati: avtoref. dis. ... kand. kul'turologii. SPb., 2012. S. 3.
6. Sychenkova L.A. O sposobah predstavlenija istorii v muzejnyh jekspozicijah. S. 124.
7. Mol' A. Sociodinamika kul'tury. M.: Progress, 1973. S. 44.
8. Kara-Murza S.G. Manipuljacija soznaniem. M.: Jeksmo, 2005. S. 48.

УДК 069.15(470.61)

Современный российский музей как площадка для межкультурного диалога

Татьяна Юрьевна Власкина

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований
Южного научного центра Российской академии наук
Российская Федерация
344006, Ростов-на-Дону, проспект Чехова, 41
Музей казачества, этнографии и культуры Приазовья
Южного научного центра Российской академии наук
Российская Федерация
346770, Ростовская область, Азовский район
село Кагальник, улица Береговая, 58а
E-mail: vlaskiny@mail.ru

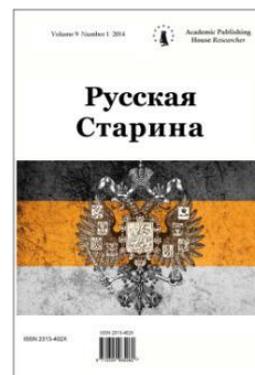
Аннотация. В настоящей статье дается краткий обзор использования диалогической формы музейной работы, раскрываются основные аспекты критического осмысления потенциала данной формы: увлечение наращиванием инновационных способов подачи материала при отсутствии или дефиците социальной релевантности. Акцентируется внимание на потребности общества в межкультурном диалоге, осуществляемом с привлечением средств музейной экспозиции, и новых вызовах, которые обусловлены изменением способов восприятия и усвоения информации, связанным с распространением новых технологий. Музей может в определенной степени противостоять процессам деструктуризации мировосприятия, создавая системные экспозиции, которые позволяют выявлять причинно-следственные связи между событиями, обнажать факторы, запускающие различные процессы. Автор выявляет тематические блоки в экспозиции музея ЮНЦ РАН, в отношении которых работа с посетителями в диалоговой форме видится наиболее продуктивной: Великая Отечественная война, формирование современного населения дельты Дона, традиционные формы природопользования.

Ключевые слова: диалог, историческая память, музей, Приазовье, экскурсия.

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402x
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 20, Is. 4, pp. 290-296, 2016

DOI: 10.13187/rs.2016.20.290
www.ejournal15.com

UDC 069.02:93/99

Memory of the Caucasian War in the Museums of the South of Russia

Ksenia R. Mukhametshina

Institute for Social and Economic Research and Humanities
Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
41, Chekhova Avenue, Rostov-on-Don 344006
E-mail: kseniam@ssc-ras.ru

Abstract

The absence of the shared position about the significance of the Caucasian War becomes the reason for the continuing research discussion on the museum exhibitions devoted to this historical period. The author comes to the conclusion that contemporary conditions of the museum life determine the main ideas of the exhibitions. The events in their focus are presented in a way that prevents any negative reaction of the concerned visitors. In other words, while organizing the new exhibition, museums should take into account many factors with the current historical memory of the population of the region as the main point.

The article characterizes the temporary and permanent exhibitions about the Caucasian War in the Southern Russian museums. Also, the author analyzes several events organized there to the 150th anniversary of the end of the Caucasian War.

Keywords: Caucasian war, historical memory, museum, South of Russia.

Введение

Говоря о Юге России, необходимо учитывать его сложное историческое прошлое, последствия ряда событий мы ощущаем по сегодняшний день. Кавказская война занимает особое место в сознании народов, проживающих в данном регионе. Память о ней несмотря на давность событий по-прежнему актуальна. В этой связи особую роль приобретают местные музеи, в задачи которых входит хранение и трансляция исторической памяти. Они также, наряду с другими социальными институтами, выступают центрами культуры, посредниками между человеком и культурной средой, донося до общества духовные ценности, идеи, эмоции, традиции того или иного народа. Тем самым музей включает каждого человека в общий культурно-исторический процесс [1].

Музеи как источники информирования российской общественности о прошлом значительно уступают учебникам, кинофильмам, материалам средств массовой информации. В последние годы значительно выросло число российских интернет-пользователей, что, возможно, послужило одной из причин уменьшения числа посетителей музеев [2, 3]. Но не стоит недооценивать роль музеев, ведь именно у них есть возможность показать историю предметно. В музейных экспозициях один и тот же экспонат может быть представлен с разных точек зрения, что, конечно, способствует более глубокому

воздействию на эмоции посетителя. К тому же музейные выставки несут еще и образовательную функцию.

Материалы и методы

Статья основана на анализе ранее опубликованных исследований, а также материалов, размещенных на официальных сайтах музеев и в новостных ресурсах. Исследование опирается на традиционные для исторической науки принципы научной объективности, системности и историзма, использован источниковедческий анализ документов. При цитировании документов сохранены их стилистические особенности, включая написание прописных и строчных букв, не всегда соответствующее современным правилам.

Обсуждение и результаты

Одним из крупнейших музеев, обладающим обширной коллекцией экспонатов о Кавказской войне, является Дагестанский краеведческий музей. Благодаря настойчивости руководства Дагестана и музейного комитета, музей еще в советский период получил бесценные реликвии. Коллекции и экспонаты были переданы из Государственного музейного фонда Москвы и Петрограда, а также из Тифлиса¹. Время передачи коллекций совпало с периодом активного национально-культурного строительства на территории Кавказа. Создание национальных автономий на Северном Кавказе в начале 1920-х гг. сопровождалось соответствующими преобразованиями в музейной сфере, такими как открытие республиканских музеев [4]. Так, в 1923 г. при Дагестанском краеведческом музее был создан Музейный комитет, одной из целей которого был перевод музейных коллекций «Храма Славы», находящихся архиве Грузии, в Дагестан. Более 100 ценных экспонатов по истории и этнографии народов Дагестана XIX в. Дагестанский музей получил в 1925 г., в том числе подлинное полотно Ф.А. Рубо, такие как «Взятие Гуниба», «Пленение Шамиля», «Взятие Ахульго», портрет Шамиля и участников Кавказской войны, а также исторические реликвии — знамена Гази-Магомеда, Шамиля, Хаджи-Мурата и др. [5].

В настоящее время Дагестанский государственный объединенный исторический и архитектурный музей обладает большим количеством экспонатов, относящихся к периоду Кавказской войны, ей посвящено несколько этажей [6]. Это и портреты исторических личностей, и документы, рассказывающие об их деятельности, при этом представлены участники с обеих сторон конфликта (шейх Мансур, П.И. Багратион, А.А. Вельяминов, И.Ф. Паскевич, Гази-Магомед Гимринский, Гамзат-бек, Хаджи-Мурат, М.С. Воронцов). Отдельный стенд посвящен последнему имаму Чечни и Дагестана Шамилю, где выставлены его личные вещи, письма и документы. Видное место занимают в экспозиции знамена имамов, оружие, снаряжение и личные вещи [7].

Но в большинстве своем музеи Юга России не обладают такими обширными постоянными выставками по названной теме, возможно, в силу того что музеи не имеют достаточного количества материала. Так, Национальный музей Республики Адыгея обладает рядом ценных экспонатов, например черкесскими знаменами (натухаевским и шапсугским). Однако музей не имеет постоянной выставки, посвященной Кавказской войне, хотя ежегодно принимает участие в майских мероприятиях, посвященных данной теме, готовя экспозиции [8].

¹ Историю тифлиских коллекций, связанных с отражением эпизодов Кавказской войны, подробно описывает А.Н. Максимчик [9]. Музей в Тифлисе был построен в 1892 г., одновременно с завершением строительства здания был начат сбор экспонатов. Заказаны, куплены художественные полотна, отображающие ключевые события в продвижении России вглубь Кавказа. Это работы таких мастеров, как Н.С. Самокиш, Ф.А. Рубо, И.К. Айвазовский и др. Портреты наиболее видных участников войны были выполнены художниками В.М. Нестеровым, Л.К. Лонго, П.П. Колчиным, А.И. Шамшиновым и др. Значительную помощь в наполнении музея оказали Артиллерийский исторический музей, императорский Эрмитаж, Московская оружейная палата, Петропавловский собор Санкт-Петербурга, Чудов монастырь Московского кремля и т.д. В декабре 1914 г. (в связи с событиями Первой мировой войны) было принято решение об эвакуации музея. В 1915 г. музейные экспонаты были доставлены в Ставрополь, позже, в 1923 г., вернулись в Тифлис, но оказались там невостребованными и были помещены в центральный архив. После ряда переговоров экспонаты, имевшие отношение к истории Дагестана, были переданы во вновь созданный музей в Махачкале.

В Чеченском национальном музее также нет постоянной выставки, посвященной данному вопросу, но, как и Адыгейский музей, музей в Грозном имеет зал этнографии, в котором присутствует ряд экспонатов времен Кавказской войны. Однако музей активно проводит различные мероприятия, посвященные данной теме: выставки, лекции, викторины. При этом основной аудиторией таких мероприятий являются учащиеся школ и студенты [10].

Геленджикский историко-краеведческий музей обладает коллекцией периода Кавказской войны, которую составили гальванические, скульптурные портреты русских военачальников и декабристов, служивших на Кавказе [11]. Предметы, относящиеся к периоду Кавказской войны, представлены в контексте истории самого города, отдельной экспозиции, посвященной данному вопросу, музей не имеет. Экспонатом номер один Геленджикского музея его хранители называют подлинную, сохранившуюся со времен Кавказской войны 6-фунтовую артиллерийскую пушку из Геленджикского укрепления. Пушка долго находилась в фондах музея, и лишь в 2016 г. она заняла свое место в экспозиции, рядом с диорамой «Геленджикское военное укрепление 1831–1854 гг.» [12].

Также в фондах музея, помимо экспонатов, отражающих данный период истории Геленджика, хранится уникальный географический атлас на французском языке «Путешествие вокруг Кавказа у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и в Крыму», изданный в 1843 г. Атлас по праву может считаться библиографической редкостью, так как в России сохранилось всего три экземпляра этого издания [13].

В настоящее время в Музее истории города-курорта Сочи действует новая стационарная экспозиция, отражающая историю Черноморского побережья Кавказа и города Сочи с древнейших времен до современности. Расположена она в 14 залах. Зал «Основание Сочи» погружает посетителей во времена присоединения Черноморского побережья Кавказа к России, рассказывает о Сочи, основанном как военное укрепление Александрия 21 апреля 1838 г. Зал «Переселенческое движение в Сочинский округ во второй половине XIX века» отражает процесс формирования нового многонационального состава региона, его этнической карты [14].

Экспозиция музея истории Адлерского района города Сочи располагается в 5 залах, охватывает период с доисторических времен до современности. В одном из залов рассказывается о создании Черноморской береговой линии: высадке русского десанта 7 июня 1837 г. на мыс Константиновский, возведении крепости Святого Духа – событиях, положивших начало нынешнему Адлеру. В экспозиции много документов и предметов, знакомящих с историей освоения региона в конце XIX – начала XX вв. [15].

Различные предметы периода Кавказской войны содержит Туапсинский историко-краеведческий музей имени Н.Г. Полетаева [16].

Говоря о музеях, нельзя ограничиваться только лишь их функциями или экспонатами. Необходимо понимать, почему одна экспозиция менее успешна, несмотря на потраченные усилия на ее создание, нежели другая. Нужно учитывать и социальный, исторический, политический контекст, в котором существует тот или иной музей.

В настоящее время отечественные музеи реформируются и изменяются с целью привлечения большей аудитории, выставочная деятельность становится очень важным видом деятельности музеев. Работа этих учреждений культуры стала широко освещаться в средствах массовой информации. Обновление экспозиций осуществляется путем привлечения частных коллекционеров, других музеев. Не так давно российские музеи стали участвовать в ряде всемирных акций, таких как «Ночь музеев», что позволяет привлекать большее количество посетителей.

Названные тенденции находят свое отражение и в освещении в музеях темы Кавказской войны. Учитывая то, что эта тема крайне актуальна среди народов, живущих на Юге России, музеи открывают выставки, принимают участие в различных мероприятиях, посвященных круглым датам и памятным дням Кавказской войны.

Так, например, практически все музеи Юга России ежегодно в мае участвуют в проведении ряда мероприятий, приуроченных ко дню окончания Кавказской войны. Особенно примечательным был 2014 г. – год 150-летия окончания Кавказской войны, что создало вокруг этих мероприятий дополнительный интерес. Мероприятия были проведены

в Краснодарском крае, Адыгее, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. Были проведены митинги, шествия, выставки и т.д.

В городе Майкопе (Республика Адыгея) 20 мая 2014 г. в Северо-Кавказском филиале Государственного музея Востока открылась выставка «Кавказ глазами художников XIX в.», где были представлены более 70 репродукций работ русских и европейских художников, организаторы выставки отбирали их по принципу участия в событиях войны. Были представлены работы Ф.А. Рубо, Т. Горшельта, И.К. Айвазовского, К.Г.Г. Гейслера, М.Ю. Лермонтова, Л.Ф. Лагорио и др. Вниманию зрителей были предложены две экспозиции. Одна из них, графическая, была основана на коллекции доктора философии Батирая Едыджа. Другая составлена на основе репродукций произведений. Данная выставка стала возможна благодаря привлечению к сотрудничеству других музеев, таких как Третьяковская галерея, Русский художественный музей, Дагестанский музей изобразительных искусств, Дагестанский государственный объединенный исторический и архитектурный музей, Национальный музей Кабардино-Балкарской Республики, Николаевский областной художественный музей им. В.В. Верещагина, Пензенская областная галерея им. К.А. Савицкого [17]. Куратор выставки Фатима Сулейманова, говоря о ее актуальности, подчеркнула что «сложные этнополитические процессы, происходящие сегодня на Северном Кавказе, требуют объективного исследования прошлого в единстве и взаимосвязи факторов, связанных с ролью и значением Кавказской войны». Выставка была включена в перечень мероприятий, приуроченных к 150-летию со дня окончания Кавказской войны, согласно приказу министра культуры Республики Адыгея Мухамеда Кулова. Выставка была задумана как передвижная, ее экспонаты позднее были представлены в музеях Кабардино-Балкарии и Дагестана [18].

В Национальном музее Республики Адыгея также в это время была открыта выставка, которая, по информации с официального сайта музея, была посвящена «трагической странице в истории адыгского народа – Русско-Кавказской войне и последовавшей утрате тысячами черкесов своей родины». На выставке были представлены фотографии, документы, рисунки участников и свидетелей войны, как европейских путешественников, так и русских офицеров, холодное и огнестрельное оружие, что должно было отразить социокультурные черты адыгского общества перед войной, его консолидацию и мобилизацию в период войны и трагедию утраты родины [19]. По задумке создателей, выставка должна была способствовать расширению знания об адыгском народе, его истории, традициях и обычаях, верности родине и сохранении национального самосознания и менталитета.

В Нальчике, Кабардино-Балкарском музее изобразительных искусств им. А.Л. Ткаченко, в 2014 г. работала выставка из фондов музея «Люблю я Кавказ», которая также была приурочена к 150-летию окончания Кавказской войны. На выставке были представлены работы художников, которые сопровождали русскую армию во время Кавказской войны. 21 мая того же года в Национальном музее Кабардино-Балкарской Республики была открыта выставка, посвященная Дню памяти адыгов – жертв Кавказской войны: «Адыги. Судьба сквозь столетия» [20].

В Новороссийске также прошли памятные мероприятия: Новороссийский исторический музей-заповедник вместе с Морским государственным университетом им. адмирала Ф.Ф. Ушакова и Новороссийский колледж строительства и экономики провели семинар «Свет и тени Кавказской войны» (Причерноморье Кавказа), приуроченный к 150-летию окончания Кавказской войны [21].

В мае 2014 г. образовательно-просветительские мероприятия были организованы и в Геленджикском историко-краеведческом музее. Они включали лекции для студентов о редких экспонатах из фондов музея (в частности о географическом атласе «Путешествие вокруг Кавказа» Ф. Дюбуа де Монпере), об истории формирования Геленджикского укрепления, основанного в 1831 г. [22].

Выводы

Выставки, экспозиции и другие мероприятия, проводимые на платформе рассмотренных музеев, иллюстрируют в большей степени традиционные взгляды на события, происходившие в XIX в., учитывая интересы автохтонных народов, проживающих

на территории нахождения этих учреждений культуры. Другими словами, по мнению автора, социальные, исторические, политические контексты, в рамках которых на данный момент музеи существуют, определяют тот посыл, который они несут. Музеи не просто представляют ряд экспонатов, но и интерпретируют их, тем самым транслируют определенную картину мира. В этой связи их роль сложно переоценить. История Кавказской войны – сложный и во многом болезненный вопрос, именно поэтому он требует научного осмысления и открытости для граждан, именно это необходимо развивать на платформе музея.

Благодарности

Работа выполнена в рамках реализации государственного задания по проведению фундаментальных исследований на 2016 г. № 0260-2014-0006 «Историко-культурное наследие юга России в условиях модернизации».

Примечания

1. Грусман В.М. Музей как институт формирования исторической памяти // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Т. 8. Вып. 35. С. 93.
2. ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3108. «Ночь музеев» – 2016. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115695> (дата обращения: 09.11.2016).
3. Ростовцев Е.А., Федорчук И.В. Музей и историческая память в современной России // Вопросы музеологии. 2014. № 2 (10). С. 16.
4. Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф. История, политика и нациестроительство на Северном Кавказе. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. С. 222.
5. Дандамаева З.Э. Деятельность Алибека Тахо-Годи по становлению и развитию дагестанского краеведения и музейного дела // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2014. № 164. С. 11.
6. Дагестанский музей представляет ряд экспонатов о жизни горцев в период Кавказской войны // Республиканская государственная вещательная компания «Дагестан». URL: <http://www.rgvktv.ru/obshchestvo/1078> (дата обращения: 09.11.2016).
7. Абдуллаева Н. Краеведческий музей Махачкалы // Открытый Дагестан: интернет-портал. URL: <http://www.opendag.ru/article/o-dagestane-i-dagestantsakh/kraevedcheskiy-muzei-makhachkaly/> (дата обращения: 09.11.2016).
8. Экспозиции // Национальный музей Республики Адыгея. URL: <http://adyg-museum.ru/category/экспозиции/> (дата обращения: 09.11.2016).
9. Максимчик А.Н. Знамена Кавказской войны в собрании Кавказского военно-исторического музея: история и судьба коллекции // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2015. № 3. С. 53–72.
10. ГБУК «Национальный музей Чеченской Республики». Министерство культуры Чеченской Республики. URL: <http://nasmuzeychr.ru/component/search/?searchword=кавказская%20война&searchphrase=all&Itemid=394> (дата обращения: 09.11.2016).
11. Музеи Кубани / авт.-сост. Н.В. Карева, А.Г. Еременко. Краснодар: Традиция, 2011. С. 70.
12. Соловьева С. Экспонат № 1 Геленджикского историко-краеведческого музея // Геленджикский историко-краеведческий музей. URL: <http://гелмузей.рф/index.php/stati-publikatsii/291-ekspонат-1-gelendzhikskogo-istoriko-kraevedcheskogo-muzeya> (дата обращения: 09.11.2016).
13. Небиеридзе Т.А. Сокровища из фондов Геленджикского историко-краеведческого музея // Геленджикский историко-краеведческий музей. URL: <http://гелмузей.рф/index.php/stati-publikatsii/73-sokrovishcha-iz-fondov-gelendzhikskogo-istoriko-kraevedcheskogo-muzeya> (дата обращения: 09.11.2016).
14. Музеи Кубани. С. 159–161.
15. Музеи Кубани. С. 169.
16. Музеи Кубани. С. 181.
17. Крайнова Н. В Майкопе открылась выставка, посвященная 150-летию Кавказской войны // Кавказский узел. URL: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/242893/> (дата обращения: 09.11.2016).
18. Крайнова Н. В Майкопе открылась выставка, посвященная 150-летию Кавказской войны.
19. Кавказская война. Страницы памяти // Национальный музей Республики Адыгея. URL: <http://adyg-museum.ru/кавказская-война-страницы-памяти/> (дата обращения: 09.11.2016).
20. Программа основных мероприятий, посвященных 150-летию окончания Кавказской войны // Министерство культуры Кабардино-Балкарской Республики. URL: http://pravitelstvo.kbr.ru/oigv/minkult/index.php?ELEMENT_ID=922 (дата обращения: 09.11.2016).

21. Свет и тени Кавказской войны // Новороссийский исторический музей-заповедник. URL: <http://novomuseum.ru/novosti/svet-i-teni-kavkazskoj-vojny.html> (дата обращения: 09.11.2016).
22. 150 лет окончания Кавказской войны // Геленджикский историко-краеведческий музей. URL: <http://index.php/meropriyatiya/74-150-let-okonchaniyu-kavkazskoj-vojny> (дата обращения: 10.11.2016).

References

1. Grusman V.M. Muzej kak institut formirovaniya istoricheskoy pamjati // *Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena*. 2007. T. 8. Vyp. 35. S. 93.
2. VCIOM. Press-vypusk № 3108. "Noch' muzeev" – 2016. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115695> (дата обращения: 09.11.2016).
3. Rostovcev E.A., Fedorchuk I.V. Muzej i istoricheskaja pamjat' v sovremennoj Rossii // *Voprosy muzeologii*. 2014. № 2 (10). S. 16.
4. Hlynina T.P., Krinko E.F. Istorija, politika i naciestroitel'stvo na Severnom Kavkaze. Rostov n/D: Izd-vo JuNC RAN, 2014. S. 222.
5. Dandamaeva Z.Je. Dejatel'nost' Alibeka Taho-Godi po stanovleniju i razvitiju dagestanskogo kraevedenija i muzejnogo dela // *Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena*. 2014. № 164. S. 11.
6. Dagestanskij muzej predstavljaet rjad jeksponatov o zhizni gorcev v period Kavkazskoj vojny // *Respublikanskaja gosudarstvennaja veshhatel'naja kompanija "Dagestan"*. URL: <http://www.rgvktv.ru/obshchestvo/1078> (дата обращения: 09.11.2016).
7. Abdullaeva N. Kraevedcheskij muzej Mahachkaly // *Otkrytyj Dagestan: internet-portal*. URL: <http://www.opendag.ru/article/o-dagestane-i-dagestantsakh/kraevedcheskiy-muzej-makhachkaly/> (дата обращения: 09.11.2016).
8. Jekspozicii // *Nacional'nyj muzej Respubliki Adygeja*. URL: <http://adyg-museum.ru/category/jekspozicii/> (дата обращения: 09.11.2016).
9. Maksimchik A.N. Znamenaja Kavkazskoj vojny v sobranii Kavkazskogo voenno-istoricheskogo muzeja: istorija i sud'ba kollekcii // *Vestnik Instituta istorii, arheologii i jetnografii*. 2015. № 3. S. 53–72.
10. GBUK «Nacional'nyj muzej Chechenskoj Respubliki». Ministerstvo kul'tury Chechenskoj Respubliki. URL: <http://nacmuzeychr.ru/component/search/?searchword=kavkazskaja%20vojna&searchphrase=all&Itemid=394> (дата обращения: 09.11.2016).
11. Muzei Kubani / avt.-sost. N.V. Kareva, A.G. Eremenko. Krasnodar: Tradicija, 2011. S. 70.
12. Solov'eva S. Jeksponat № 1 Gelendzhikskogo istoriko-kraevedcheskogo muzeja // *Gelendzhikskij istoriko-kraevedcheskij muzej*. URL: <http://gelmuzej.rf/index.php/stati-publikatsii/291-eksponat-1-gelendzhikskogo-istoriko-kraevedcheskogo-muzeya> (дата обращения: 09.11.2016).
13. Nebieridze T.A. Sokrovishha iz fondov Gelendzhikskogo istoriko-kraevedcheskogo muzeja // *Gelendzhikskij istoriko-kraevedcheskij muzej*. URL: <http://gelmuzej.rf/index.php/stati-publikatsii/73-sokrovishcha-iz-fondov-gelendzhikskogo-istoriko-kraevedcheskogo-muzeya> (дата обращения: 09.11.2016).
14. Muzei Kubani. S. 159–161.
15. Muzei Kubani. S. 169.
16. Muzei Kubani. S. 181.
17. Krajnova N. V Majkope otkrylas' vystavka, posvjashhennaja 150-letiju Kavkazskoj vojny // *Kavkazskij uzal*. URL: <http://www.kavkaz-uzal.eu/articles/242893/> (дата обращения: 09.11.2016).
18. Krajnova N. V Majkope otkrylas' vystavka, posvjashhennaja 150-letiju Kavkazskoj vojny.
19. Kavkazskaja vojna. Stranicy pamjati // *Nacional'nyj muzej Respubliki Adygeja*. URL: <http://adyg-museum.ru/kavkazskaja-vojna-stranicy-pamjati/> (дата обращения: 09.11.2016).
20. Programma osnovnyh meroprijatij, posvjashhennyh 150-letiju okonchanija Kavkazskoj vojny // *Ministerstvo kul'tury Kabardino-Balkarskoj Respubliki*. URL: http://pravitelstvo.kbr.ru/oigv/minkult/index.php?ELEMENT_ID=922 (дата обращения: 09.11.2016).
21. Svet i teni Kavkazskoj vojny // *Novorossijskij istoricheskij muzej-zapovednik*. URL: <http://novomuseum.ru/novosti/svet-i-teni-kavkazskoj-vojny.html> (дата обращения: 09.11.2016).
22. 150 let okonchanija Kavkazskoj vojny // *Gelendzhikskij istoriko-kraevedcheskij muzej*. URL: <http://index.php/meropriyatiya/74-150-let-okonchaniyu-kavkazskoj-vojny> (дата обращения: 10.11.2016).

УДК 069.02:93/99

Память о Кавказской войне в музеях Юга России

Ксения Рустамовна Мухаметшина

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований
Южного научного центра Российской академии наук
Российская Федерация
344006, Ростов-на-Дону, проспект Чехова, 41
E-mail: kseniam@ssc-ras.ru

Аннотация. В связи с отсутствием единого мнения о значении Кавказской войны, музейные экспозиции, посвященные данной тематике, представляют особый исследовательский интерес. Автор приходит к выводу, что в настоящее время условия, в которых существуют рассмотренные музеи, определяют основную идею выставок. И события XIX в. должны быть показаны в них так, чтобы не вызвать негативной реакции у заинтересованных лиц. Другими словами, музеям необходимо учитывать массу факторов для организации выставки, и одним из определяющих является сложившаяся историческая память местного населения.

В статье дается характеристика экспозиций, посвященных Кавказской войне, организованных на временной и постоянной основе в музеях Юга России, проводится анализ мероприятий, проведенных этими музеями в 2014 г. и приуроченных к 150-летию окончания Кавказской войны.

Ключевые слова: историческая память, Кавказская война, музей, Юг России.

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402x
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 20, Is. 4, pp. 297-304, 2016

DOI: 10.13187/rs.2016.20.297
www.ejournal15.com

UDC 725.94+93(470.61)“1941/1945”

Memory of the Great Patriotic War in the Monuments of Aksay and the Aksay District

Nikolay N. Apanasenko

Aksay Museum of Military History, Russian Federation
110, Gulayev Street, Aksay, Rostov Region 346720
E-mail: avim.kola@yandex.ru

Abstract

This article is an attempt to give the general review about the war monuments of the Aksay District, about that memory of the Great Patriotic War which is concluded in these constructions. The author tries to trace the general tendencies and the directions of development of memorial memory in our country throughout all post-war time and also to note some features inherent in separate monuments in the Aksay district.

Keywords: Aksay, Aksay district, Great Patriotic War, memorial, memory, soldier.

Введение

Великая Отечественная война как составная часть Второй мировой оказала огромное воздействие на историю нашей страны. Мы порой в обиходной речи, говоря о каком-либо событии XX в., используем фразы: «это было до войны» или, наоборот, «это было уже после войны». И все понимают без объяснения, что за война подразумевается. Война, в которой Советский Союз оказался победителем, но при этом понес самые значительные людские потери среди всех участников Второй мировой. С одной стороны, триумф победителя и с другой – скорбь о миллионах погибших. По всей территории бывшего СССР память о Великой Отечественной увековечена в тысячах больших и малых памятников. За прошедшие десятилетия менялся подход к увековечиванию этих событий, менялись и сами памятники. На территории современного Аксайского района Ростовской области также осталось немало памятных обелисков в честь героев прошедшей войны. Безусловно, подавляющее большинство из них созданы в советское время и содержат дух того времени. По ним можно проследить, как менялось восприятие Великой Отечественной и память о ней.

Материалы и методы

Рассматривая, анализируя и сравнивая памятные сооружения Аксайского района, можно в общей форме увидеть, как шло увековечивание событий Великой Отечественной не только в данном районе, но и в СССР в целом, какие при этом проявлялись тенденции и как менялся этот процесс. Материалами для данной статьи послужили интернет-ресурсы, где содержатся фотографии и различная информация о памятниках Аксайского района. Хорошим подспорьем в этом деле может служить появившийся в 2015 г. всероссийский школьный проект «Карта памяти». Особенностью его является то, что информацию и описание памятников Великой Отечественной войны готовят российские учителя

и школьники. Как правило, они описывают памятники своего населенного пункта, собирают информацию и ведут краеведческую работу. Таким образом, локальная историческая информация через данный ресурс получает широкое распространение. В добавление к нему были использованы материалы региональной периодической печати: прежде всего газета Аксайского района «Победа» и ростовская газета «Наше время». Для сравнения и анализа процессов мемориального строительства в СССР и непосредственно в Аксайском районе была привлечена статья двух старших научных сотрудников Российского института культурологии Н.А. Конрадовой и А.Н. Рылеевой «Герои и жертвы. Мемориалы Великой Отечественной». Все эти материалы позволили пусть и в очень общей форме, но все же произвести обзор в отдельно взятом районе Ростовской области, выявить общие закономерности и отметить некоторые особенности в памятниках Аксайского района на протяжении всех послевоенных лет.

Обсуждение и результаты

Великая Отечественная война трижды прошла по территории современного Аксайского района. И если в первый раз, в ноябре 1941 г., боевые действия затронули лишь часть района, то события 1942 и 1943 гг. прошли кровавым катком уже по всей территории Аксайской земли. После них остались многочисленные солдатские могилы – как групповые, так и одиночные, особенно их много в местах интенсивных боев. Нередко эти могилы создавали местные жители, уже после того как стихали выстрелы. Похоронные команды далеко не всегда успевали, а иногда и физически не могли захоронить всех павших воинов. Вот и приходилось женщинам, старикам и подросткам брать на себя эту функцию. Естественно, такие могилы создавались без каких-либо общих планов. Хоронили там, где считали наиболее целесообразным. Использовались для этого дела даже снарядные воронки и окопы. Совсем не удивительно, что большинство бойцов в этих могилах остались безымянными.

После завершения Великой Отечественной войны страна лежала в руинах и, естественно, советское руководство было занято прежде всего хозяйственными вопросами. Хотя в это трудное время уже появляются первые порой довольно простенькие надгробия на солдатских могилах. Нередко они были деревянными, пирамидальной формы, с металлической звездой на небольшом шпиле [1]. В дальнейшем мемориальное строительство развивалось в Аксайском районе в общем русле советской идеологии, касающейся памяти о Великой Отечественной. Примерно с середины 1950-х гг., когда в целом разруха в СССР была преодолена, начинают устанавливаться типовые памятники. В сравнительно крупных населенных пунктах Аксайского района, таких как хутор Большой Лог, станицы Старочеркасская, Ольгинская, можно увидеть композиции из установленных на постаменте фигур двух солдат. На солдатах мы видим символические плащ-палатку, каску, автомат ППШ. Также частым символом на таких памятниках является боевое знамя. На лицах солдат читается либо серьезная сосредоточенность, либо скорбь по погибшим. Также в этих населенных пунктах мы видим памятники с фигурой женщины с венком в руках. Данные памятники также выражают память и скорбь по погибшим. Общее настроение, пожалуй, объединяет оба типа памятников [2].

Примерно с середины 1960-х гг. начинается новый этап в мемориализации Великой Отечественной. К этому времени уже подросло поколение, родившееся после войны и воспринимавшее ужасы военного времени не так близко, как те, кто их испытал на себе. В это же время происходит некоторая героизация Великой Отечественной. Также в данное время пишут свои мемуары и многие видные советские военачальники. Естественно, это отразилось и на возводимых памятниках Великой Отечественной. Данные мемориалы должны были уже не отражать скорбь о погибших, а возвеличивать победу в войне, указывать на мощь советского строя. Поэтому эти памятники и даже мемориальные комплексы не персонифицированы, в их основе – имеют в своей основе геометрические объемы: массивные, квадратные или прямоугольные постаменты, пирамидальную стелу как центральный символ. Нередко такие комплексы располагались на видных местах у администраций или на городских площадях и сопровождалась установкой Вечного огня [3].

Типичный пример такого комплекса мы видим в самом городе Аксае на площади Героев. Открыт этот комплекс был в мае 1975 г., к 30-летию юбилею Победы.

Рис. 1. Мемориал «Площадь Героев» г. Аксай. Фото с сайта Liveinternet (<http://www.liveinternet.ru/community/2411445/post71423460/>)

Строительство и открытие этого мемориала, как и везде в Советском Союзе, курировали местные власти при содействии ветеранских организаций. Именно ветеранские организации также вели активную деятельность в 1970–1980-е гг. не только по патриотическому воспитанию подрастающего поколения, но и по увековечиванию памяти Великой Отечественной [4]. В середине 1970-х гг. в хуторе Ленина при их активной деятельности был установлен памятник бойцам полковника Егорова из передового отряда механизированной группы «Дон», которые вели бои с противником в январе 1943 г. на территории хутора. Ветераны добились от Министерства обороны, чтобы для памятника выделили башню от танка Т-34. Ее установили на прямоугольном постаменте возле уже существовавшей тогда братской могилы воинов, освобождавших хутор Ленина в феврале 1943 г. [5].

Рис. 2. Памятник в хуторе Ленина. Фото с сайта «Карта памяти» (<http://memory-map.prosv.ru/#/memorial-4441/type=map&center=47.1124203809,39.859958227742&zoom=13>)

Следующий этап советского монументального зодчества был связан с очередным юбилеем победы. В дополнение к уже существовавшим памятникам появляются мемориалы, приуроченные к 40-летию Победы в Великой Отечественной войне. Как правило, такие памятники появлялись в более крупных населенных пунктах. На территории Аксайского района к ним можно отнести три наиболее характерных памятника: непосредственно в самом городе Аксае памятник «Переправа», в хуторе Большой Лог и станции Грушевской. При строительстве памятника «Переправа» в городе Аксае произошел довольно знаменательный случай. Тракторист, рывший котлован для памятника, под ковшом трактора обнаружил солдатские останки. Оказалось, что таким образом была найдена неизвестная могила. Удалось установить, что в этой могиле покоились останки двух солдат. Сотрудники аксайского музея решили установить имена погибших. В ходе длительных поисковых мероприятий удалось узнать данные на одного из найденных. Им оказался лейтенант – артиллерист Иван Алексеевич Волошин, погибший в Аксае 21 ноября 1941 г. Останки обоих найденных бойцов были торжественно перезахоронены в городе Аксае на площади Героев, а сам памятник был возведен на предполагаемом месте. Данный монумент был посвящен всем бойцам, связанным с аксайской переправой [6].

Рис. 3. Памятник «Переправа» в г. Аксае. Фото с сайта «Ростовский берег» (http://www.rostovbereg.ru/publ/nashi_puteshestvija/po_kraju_donskomu/aksajskaja_pereprava_v_1941_1942_g/7-1-0-352)

В хуторе Большой Лог к 40-летию Победы был установлен типичный мемориал, основным действующим лицом которого был солдат в шинели с автоматом ППШ. В отличие от памятников 1950-х гг., этот солдат стоит, раздвинув ноги на ширину плеч, правую руку с автоматом отставил далеко вправо, а левую высоко поднял вверх. На голове у него пилотка, а свой взгляд он устремил далеко вперед [7]. Здесь мы не видим трагизма войны, зато хорошо просматривается в позе и жестах этого солдата несколько пафосный героизм. Также в отличие от памятников предшествующего периода черты лица, мелкие детали обмундирования выполнены довольно схематично. Реализм отходит на второй план. Главными элементами, передающими смысл, являются поза солдата, жесты его рук. Солдат должен олицетворять железную мощь советской системы. Данные характеристики были присущи не только памятникам того периода, но и всей идеологической направленности, связанной с Великой Отечественной [8]. Практически такой же памятник мы видим в станции Грушевской. Несмотря на то что детали этих двух мемориалов отличаются, общая концептуальная направленность остается неизменной. Тот же автомат ППШ, высоко

поднятый над головой правой рукой, далеко отставленная левая рука, мощная грудь, взгляд, устремленный вперед [9].

Рис. 4. Памятник в хуторе Большой Лог. Фото с сайта «Карта памяти» (<http://memory-map.prosv.ru/#/memorial-5252/type=map&center=47.29893218675659,39.903673298567455&zoom=13>)

В 1991 г. Советский Союз распался. Вместе с ним рухнула вся идеологическая система. Начался новый этап истории в жизни нашей страны. Безусловно, это отразилось и на мемориальном строительстве. В памятниках, появившихся в постсоветскую эпоху, мы уже не видим четкой идеологической позиции, они порой разительно отличаются друг от друга. Это связано с тем что, государство, особенно в 1990-е гг., по сути, не предложило никакой внятной идеологии взамен коммунистической. Поэтому в памятниках 1990-х гг. сложно выделить какую-то общую направленность, и в такой ситуации возникали порой некоторые несуразности. Так, в 1996 г. в хуторе Верхнеподпольном благоустроили сельскую площадь и увековечили память погибших в Великой Отечественной войне – ни много ни мало – установкой на постаменте истребителя МИГ-25, разработанного и применявшегося в СССР в 1970-е гг. [10]. Из каких соображений исходили авторы этого монумента, сказать трудно. Видимо, просто была возможность установить в тот момент данный самолет, а над смысловой нагрузкой, скорее всего, особо не задумывались.

В поселке Красный Колос покоились останки 6 советских солдат. В 1960 г. над этой могилой был установлен классический памятник советского солдата. К 1990-м гг. он стал разрушаться, и было принято решение не восстанавливать его, а сделать новый. В итоге на месте старого памятника появилась совершенно другая композиция. На прежнем постаменте просто установили оружие ЗИС-3 [11] – простой и в то же время, пожалуй, самый дешевый способ создать памятный знак. В дальнейшем, уже в 2000-е гг. можно наблюдать некоторую тенденцию в увековечивании подвигов отдельных героев. В первую очередь в центре внимания оказываются, естественно, Герои Советского Союза. В городе Аксае еще с 1949 г. был установлен бюст дважды Героя Советского Союза Н.Д. Гулаева, в 2010 г. к нему добавили барельефы еще 11 героев – уроженцев и жителей Аксая и Аксайского района [12]. Остальные населенные пункты Аксайского района подхватили эту идею. В станице Старочеркасской рядом с уже существовавшим памятником, поставили бюсты трех героев – уроженцев станицы, таким образом дополнив общую композицию [13]. Другие населенные пункты, не имея больших средств, вынуждены были поступить скромнее. В станице Грушевской установили мемориальную плиту в честь уроженца станицы Героя Советского Союза Андрея Елиферовича Дубикова. Причем данная плита была установлена на средства

еще одного уроженца этой станицы – Сергея Николаевича Харитонов [14]. Также мемориальную мраморную плиту своему герою установили в станице Ольгинской. Ее прикрепили к пьедесталу уже существовавшего с советских времен памятника, таким образом тоже дополнив общую композицию [15]. По-видимому, данная тенденция сохранится и в дальнейшем. Советские памятники и мемориалы и позднее будут являться основным объектом увековечивания памяти о войне, а их лишь незначительно дополнят новые элементы.

Рис. 5. Памятник в станице Ольгинской. Фото с сайта «Карта памяти» (<http://memory-map.prosv.ru/#/memorial-4465/type=map&center=47.19931005721228,39.95281327133985&zoom=13>)

Выводы

Проанализировав представленный выше материал, мы видим, что память о Великой Отечественной войне довольно широко представлена в памятниках города Аксай и Аксайского района. Имеются здесь и мемориальные комплексы, и множество типовых памятников. Их дополняют индивидуальные бюсты Героев Советского Союза. В целом в этих памятниках отразились те процессы и тенденции, которые были присущи всему мемориальному зодчеству нашей страны в советский период. И лишь после распада СССР, когда жесткий идеологический контроль исчез, можно выделить большую вариативность и многообразие в стиле создаваемых памятников. Как правило, при создании данных памятных сооружений главную роль играли уже не идеологические, а скорее экономические вопросы. Проще было, например, установить на постаменте пушку, чем заказывать большой скульптурный памятник. Но в целом следует отметить, что памятники постсоветского периода являются уже дополняющим звеном в мемориальной памяти, логично продолжая общий путь развития памяти о Великой Отечественной войне.

Примечания

1. Трущелёв Ю. Вспомнить и не забывать // Победа. Общественно-политическая газета Аксайского района. URL: <http://www.pobeda-aksay.ru/2015/05/08/vspomnit-i-ne-zabyvat/> (дата обращения: 05.12.2016).
2. Братская могила в хуторе Большой Лог // Карта памяти. URL: <http://memory-map.prosv.ru/#/memorial-5248/type=map&center=47.301546483652636,39.90027064641467&zoom=13> (дата обращения: 05.12.2016).
3. Конрадова Н.А., Рылева А.Н. Герои и жертвы. Мемориалы Великой Отечественной // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ko16.html> (дата обращения: 05.12.2016).

4. Трущелёв Ю. Вспомнить и не забывать.
5. Братская могила в хуторе Ленина // Карта памяти. URL: <http://memory-map.prosv.ru/#/memorial-4441?type=map&center=47.10706720402126,39.85746290339829&zoom=13> (дата обращения: 05.12.2016).
6. Победа. Газета Аксайского района. 1986. 6 мая. С. 2.
7. Мемориал воинам-односельчанам, погибшим в Великой Отечественной войне // Карта памяти. URL: <http://memory-map.prosv.ru/#/memorial-5252?type=map&center=47.30152669 915055,39.942479756688705&zoom=13> (дата обращения: 05.12.2016).
8. Конрадова Н.А., Рылева А.Н. Герои и жертвы. Мемориалы Великой Отечественной.
9. Памятник землякам-станичникам, погибшим в годы Великой Отечественной войны // Карта памяти. URL: <http://memory-map.prosv.ru/#/memorial-9048?type=map&center=4 7.43934190688975,39.967472240279214&zoom=13> (дата обращения: 05.12.2016).
10. Историческая справка // Официальный сайт Верхнеподпольненского сельского поселения. URL: <http://verhnepodpolnenskoesp.ru/node/7> (дата обращения 05.12.2016).
11. Братская могила в поселке Красный Колос // Карта памяти. URL: <http://memory-map.prosv.ru/#/memorial-5329?type=map&center=47.381015042759905,39.92985557806619&zoom=13> (дата обращения: 05.12.2016).
12. Трущелёв Ю. Вспомнить и не забывать.
13. Каминская М. Не только фольклорная Мекка // Наше время. 2016. № 118. 26 апреля. URL: <http://www.nvgazeta.ru/news/12389/508331/> (дата обращения: 05.12.2016).
14. Мемориальная плита в честь Героя Советского Союза Дубикова Андрея Елиферовича // Карта памяти. URL: <http://memory-map.prosv.ru/#/memorial-9217?type=map&center=47.45312155379607,39.96976913960855&zoom=13> (дата обращения: 05.12.2016).
15. Братская могила – мемориал в станице Ольгинской // Карта памяти. URL: <http://memory-map.prosv.ru/#/memorial-4465?type=map&center=47.18421402624965,39.963024448580605&zoom=13> (дата обращения: 05.12.2016).

References

1. Trushhel'jov Ju. Vspomnit' i ne zabyvat' // Pobeda. Obshhestvenno-politicheskaja gazeta Aksaj'skogo rajona. URL: <http://www.pobeda-aksaj.ru/2015/05/08/vspomnit-i-ne-zabyvat/> (data obrashhenija: 05.12.2016).
2. Bratskaja mogila v hutore Bol'shoj Log // Karta pamjati. URL: <http://memory-map.prosv.ru/#/memorial-5248?type=map&center=47.301546483652636,39.90027064641467&zoom=13> (data obrashhenija: 05.12.2016).
3. Konradova N.A., Ryleva A.N. Geroi i zhertvy. Memorialy Velikoj Otechestvennoj // Neprikosvennyj zapas. 2005. № 2–3 (40–41). <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ko16.html> (data obrashhenija: 05.12.2016).
4. Trushhel'jov Ju. Vspomnit' i ne zabyvat'.
5. Bratskaja mogila v hutore Lenina // Karta pamjati. URL: <http://memory-map.prosv.ru/#/memorial-4441?type=map&center=47.10706720402126,39.85746290339829&zoom=13> (data obrashhenija: 05.12.2016).
6. Pobeda. Gazeta Aksaj'skogo rajona. 1986. 6 maja. S. 2.
7. Memorial voenam-odnosel'chanam, pogibshim v Velikoj Otechestvennoj vojne // Karta pamjati. URL: <http://memory-map.prosv.ru/#/memorial-5252?type=map&center=47.30152669915055,39.942479756688705&zoom=13> (data obrashhenija: 05.12.2016).
8. Konradova N.A., Ryleva A.N. Geroi i zhertvy. Memorialy Velikoj Otechestvennoj.
9. Pamjatnik zemljakam-stanichnikom, pogibshim v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Karta pamjati. URL: <http://memory-map.prosv.ru/#/memorial-9048?type=map&center=47.43934190688975,39.967472240279214&zoom=13> (data obrashhenija: 05.12.2016).
10. Istoricheskaja spravka // Oficial'nyj sajt Verhnepodpol'nenskogo sel'skogo poselenija. URL: <http://verhnepodpolnenskoesp.ru/node/7> (data obrashhenija 05.12.2016).
11. Bratskaja mogila v poselke Krasnyj Kolos // Karta pamjati. URL: <http://memory-map.prosv.ru/#/memorial-5329?type=map&center=47.381015042759905,39.92985557806619 &zoom=13> (data obrashhenija: 05.12.2016).
12. Trushhel'jov Ju. Vspomnit' i ne zabyvat'.
13. Kaminskaja M. Ne tol'ko fol'klornaja Mekka // Nashe vremja. 2016. № 118. 26 aprilja. URL: <http://www.nvgazeta.ru/news/12389/508331/> (data obrashhenija: 05.12.2016).
14. Memorial'naja plita v chest' Geroja Sovetskogo Sojuza Dubikova Andreja Eliferovicha // Karta pamjati. URL: <http://memory-map.prosv.ru/#/memorial-9217?type=map&center=47.45312155379607,39.96976913960855&zoom=13> (data obrashhenija: 05.12.2016).

15. Bratskaja mogila – memorial v stanice Ol'ginskoj // Karta pamjati. URL: <http://memory-map.prosv.ru/#/memorial-4465/type=map&center=47.18421402624965,39.963024448580605&zoon=13> (data obrashhenija: 05.12.2016).

УДК 725.94+93(470.61)“1941/1945”

**Память о Великой Отечественной войне в мемориалах города Аксая
и Аксайского района**

Николай Николаевич Апанасенко

Аксайский военно-исторический музей, Российская Федерация
346720 Ростовская область, Аксай, улица Гулаева, 110
E-mail: avim.kola@yandex.ru

Аннотация. Данная статья является попыткой дать общий обзор о памятниках Аксайского района, о той памяти о Великой Отечественной войне, которая заключена в этих сооружениях, попытаться отметить на данном материале общие тенденции и направления развития мемориальной памяти в нашей стране на протяжении всего послевоенного времени, а также подчеркнуть некоторые особенности, присущие отдельным памятникам в Аксайском районе.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Аксайский район, Аксай, солдат, память, мемориал.

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402x
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 20, Is. 4, pp. 305-312, 2016

DOI: 10.13187/rs.2016.20.305
www.ejournal15.com

UDC 069/02:94(47).084.8

Memory of the Mius-front in the Museum Culture of the South of Russia

Maxim V. Mededev

Institute for Social and Economic Research and Humanities
Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
41, Chekhova Avenue, Rostov-on-Don 344006
Institute of History and International Relations
Southern Federal University, Russian Federation
33, Bolshaya Sadovaya Street, Rostov-on-Don 344082
E-mail: m1max@mail.ru

Abstract

This article characterizes the exhibition on the history of the Mius-front. The author lists the artifacts relating to this topic in the Matveyev-Kurgan museum of local history, the Museum of Military and Labor Glory in the village Bolshekrepsinskaya, Military History Museum of the Southern Military District, the Museum of Mius Regional History in Kuibyshevo village, Taganrog Museum of Local Lore and History. Plans to create a museum complex at the memorial of Sambek heights are discussed. The information on memorials located along to the Mius-front line is discussed. The author briefly describes the activities of search squads and military-historical re-enactors in the southwest area of the Rostov Region. The conclusion is that the preservation of historical memory in the form of museum exhibitions, memorials, military-historical reconstruction has an important educational, educational and educational function.

Keywords: exhibits, exhibition, memory, Mius-front, museum.

Введение

Несколько районов Ростовской области представляют собой неформальный музей-заповедник, так как по их территории в годы Великой Отечественной войны проходил самый Миус-фронт [1, 2]. Территориально его линия начиналась с берегов реки Миус от Донбасса и продолжалась по западной части Ростовской области вплоть до Таганрогского залива (Матвеево-Курганский, Куйбышевский, Неклиновский и Родионово-Несветайский районы). На этом участке с октября 1941 г. по август 1943 г. располагалась укрепленная оборонительная полоса вермахта, надолго задержавшая продвижение советских войск. Решающий прорыв Миус-фронта войсками Южного фронта предопределил дальнейший ход событий на юго-западном участке советско-германского фронта осенью 1943 г.

В послевоенные годы в названных районах Ростовской области, а также в Шахтерском и Амвросиевском районах Донецкой области УССР проводилась музеефикация и мемориализация событий на Миус-фронте. В Донбассе были созданы мемориальная композиция «Миус-фронт» в городе Красный Луч и знаменитый мемориальный комплекс на Саур-Могиле [3], который был значительно поврежден летом 2014 г. в ходе вооруженного

конфликта. В настоящей статье представлен анализ практик мемориализации военных событий на названной территории.

Материалы и методы

В работе использовались интернет-ресурсы и научные публикации по данной проблематике. При помощи наблюдения и фотофиксации автор изучил музейную деятельность в нескольких районах Ростовской области, связанную с памятью о Миус-фронте. Методологической основой послужили историко-сравнительный и нарративный методы.

Обсуждение и результаты

В Ростовской области центром памяти о сражениях на Миус-фронте выступает Матвеево-Курганский район, где в послевоенные годы были установлены масштабные мемориалы и воинские памятники. Эти монументы являются неотъемлемой частью комплексной памяти о Миус-фронте. При въезде в поселок Матвеев Курган в 1972 г. был установлен памятник «Танк Т-34». Памятник увековечивает память подвига танкового экипажа лейтенанта А.М. Ерошина, первым ворвавшегося в Матвеев Курган в феврале 1943 г., за что командир был удостоен звания Героя Советского Союза. Неподалеку от памятника-танка, на повороте дороги в Матвеев Курган, в 1973 г. установлен памятник девушкам-регулировщицам 28-й армии генерал-лейтенанта В.Ф. Герасименко, прозванный в народе «Маруся-регулировщица». По рассказам жителей поселка, девушка-регулировщица в период прорыва Миус-фронта простояла на посту двое суток, пока не упала, потеряв сознание. В 1968 г. в районном центре был открыт мемориальный сквер. Установленные барельефы изображают различные сцены Великой Отечественной войны. На гранитных плитах выбиты имена погибших уроженцев Матвеева Кургана. Особенно выделяется в Матвеевом Кургане памятник «Якорь», установленный в 1973 г. в память о моряках 68-й, 76-й и 81-й отдельных морских стрелковых бригад, погибших в ходе трагического штурма высоты 101,0 в марте 1942 г. В 2000 г. в поселке был заложен храм Святого Блаженного Павла Таганрогского в память воинов, погибших на Миус-фронте. Строительство закончилось несколько лет назад.

История мемориализации Миус-фронта отразилась в экспозиции местного краеведческого музея. Матвеево-Курганский районный краеведческий музей открыт более полувека назад и на конец 2015 г. насчитывал 3167 единиц хранения. Из них 1749 предметов основного фонда и 1418 предметов научно-вспомогательного фонда. Особое место в музейной экспозиции отдается истории сражений на Миус-фронте в 1941–1943 гг. В главном зале развернута экспозиция именно по этому периоду истории района. Широко представлена живопись на сюжеты войны, значительное место занимают картины в память о сражениях на Миус-фронте на территории Матвеево-Курганского района, посвященные подвигу моряков 68-й, 76-й и 81-й отдельных морских стрелковых бригад в марте 1942 г., подвигу Героя Советского Союза А.М. Ерошина в феврале 1943 г., подвигу Героя Советского Союза П.Г. Пудовкина в августе 1943 г. (см. рис. 1). Картина «Бой за высоту “Черный ворон”» посвящена бойцам 248-й стрелковой дивизии под командованием полковника Н.З. Галая (см. рис. 2). В экспозицию входят портреты ветеранов – участников сражений на Миусской земле и Героев Советского Союза, получивших это звание посмертно за подвиги на Миус-фронте. В музее представлена стенгазета боевого пути 76-й отдельной морской стрелковой бригады, а также альбом с фотографиями ветеранов 248-й стрелковой дивизии [4].

В фондах музея хранится небольшая коллекция писем и открыток времен Великой Отечественной войны. Особый интерес вызывает переписка между Л.М. Шендеровой и ее мужем И.Д. Ворониным, который погиб на Миус-фронте в 1943 г. Фонд располагает фронтowymi благодарностями участников сражений Великой Отечественной войны. Имеются у музея памятные медали и знаки, фотографии, на которых изображены воинские мемориалы и памятники, посвященные главным сражениям на Миус-фронте на территории Матвеево-Курганского района.

Рис. 1. Подвиг Героя Советского Союза П.Г. Пудовкина в августе 1943 г. Автор неизвестен

Рис. 2. Бой за высоту «Черный ворон». Автор неизвестен

За пределами районного центра Матвеева Кургана на миусских высотах расположены другие памятные композиции Миус-фронта. Между хутором Подгорный и селом Петрополье на высоте «Черный ворон» в 1974 г. был установлен памятник-пушка, увековечивающий подвиг старшего сержанта 905-го стрелкового полка 248-й стрелковой дивизии Героя Советского Союза П.Г. Пудовкина, закрывшего собою вражеский дзот на этой высоте 18 августа 1943 г. На трассе Ростов – Донецк возле поселка Надежда Матвеево-Курганского района в 1983 г. был установлен памятник «Прорыв», автор композиции – В.И. Перфилов. Скульптура офицера жестом высокоподнятого автомата в руках символизирует решающее наступление войск Южного фронта в августе 1943 г. В поселке Сухореченском на месте братской могилы установлена мемориальная композиция в виде двух фигур солдат и обелиска. На отдаленных от населенных пунктов района местах, на участке уже не существующих хуторов Круглик и Зевин, в 2012 г. был установлен небольшой памятник, обозначающий места захоронения павших бойцов-десантников 33-й гвардейской стрелковой дивизии. На родине известного маршала авиации, дважды Героя Советского Союза П.С. Кутахова, в селе Малокирсановка, в его честь установлен бронзовый бюст.

В слободе Большекрепинской Родионово-Несветайского района Ростовской области находится краеведческий музей. Он основан в 1985 г. как «Музей боевой и трудовой славы», располагается в местной средней школе. Поддерживаемый энтузиастами, местный музей сохранил и приумножил свои экспонаты с периода основания. Среди многих тематических разделов представлены экспозиции, отражающие историю слободы и ее жителей в период войны: «Село в годы Великой Отечественной войны, наши освободители», «Ветераны войн и труда», «Герой Советского Союза П.А. Пода». Школьный музей сохраняет большой перечень экспонатов периода войны [5]. Основную помощь в формировании тематического раздела оказали местные жители. Их находки значительно пополнили фонд музея, например, солдатское снаряжение, предметы быта бойцов Красной армии, гильзы от различных видов оружия, фрагменты вооружения солдат Красной армии и вермахта, каски, котелки и многое другое. Находясь два года в оккупации, слобода потеряла много своих жителей. Участвуя в освобождении своего населенного пункта, погибли односельчане А.Д.Игнатенко, В.В. Артемьев, Н.М. Мелехов и др. Музей бережно хранит память о своих защитниках. Большекрепинское поселение не менее бережно относится к сохранению в порядке братских могил и памятников воинам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. В рамках музейного коллектива с момента появления музея действует историко-краеведческий клуб «Патриот». Учащиеся большекрепинской школы организуют различные патриотические мероприятия, поездки на Саур-Могилу и в другие памятные места Миус-фронта, школьники также принимают активное участие в поисковой работе.

По инициативе И. Третьякова, депутата Таганрогской городской думы, совместно с единомышленниками в 2009 г. была создана областная поисково-патриотическая организация «Последний след войны». Поддержанное Министерством обороны РФ, это патриотическое объединение занялось поисковыми работами на Миус-фронте в Неклиновском районе. Поисковики «Последнего следа войны» находят погибших советских солдат и проводят их перезахоронение. На первых этапах работы энтузиасты по разрешению Минобороны РФ организовали реставрацию образцов найденного советского и немецкого стрелкового оружия в качестве деактивированных макетов. Находки пулеметных лент, боеприпасов, фрагментов снаряжения воюющих сторон после обработки специалистами вошли в музейную коллекцию предметов войны. Найденные на Миус-фронте вещи заложили основу Музея вооружений времен Великой Отечественной войны в селе Вареновке Неклиновского района. Выделенные под музей две небольшие комнаты едва вмещают собранные поисковиками предметы. Музей наполняют: образец пистолета-пулемета Шпагина (ППШ), знаменитые винтовки Мосина, немецкие карабины, пистолет Вальтера и револьвер системы Нагана, стальные шлемы советских, немецких и румынских войск, имеются немецкие капсулы для агитационных листовок, а также сами листовки. В ходе одной из экспедиций в 2010 г. поисковики нашли в советском блиндаже ручной пулемет Дегтярева. Теперь этот экспонат вместе с немецким пулеметом дополнили предметный план диорамы сражения на Миус-фронте. В музее оборудован макет немецкого блиндажа. Сделанный из деревянных материалов в натуральную величину, блиндаж изображает быт немецких солдат в условиях войны [6].

В Ростове-на-Дону находится военно-исторический музей Южного военного округа Министерства обороны РФ. Музей был создан в ноябре 1967 г. по инициативе командующего Северо-Кавказским военным округом дважды Героя Советского Союза генерала армии И.А. Плиева. Ежегодно музей посещает более 10 тыс. человек. Кроме постоянной экспозиции, посвященной различным периодам военной истории Дона и занимающей восемь просторных залов с 7 тыс. экспонатов, в музее имеется значительное тематическое собрание, раскрывающее знаменательные события Великой Отечественной войны, насчитывающее 2500 единиц хранения и около 250 тематических блоков. Широко представлены уникальные экземпляры личного оружия знаменитых военачальников, знамена прославленных воинских частей и исторические документы [7]. Значительное место в экспозиции выделяется истории Миус-фронта, об этом рассказывают стенды с картами и фотографиями, такие как «Крах Миус-фронта», «Миусская операция 1943 г.» и др. Музей располагает экспозицией, посвященной 46-му гвардейскому ночному бомбардировочному авиационному полку, который до августа 1942 г. сражался в небе над

Миусом и Доном, а также участвовал в обороне Кавказа [8]. Среди многих Героев Советского Союза отдельно представлены фотографии получивших эту высокую награду за подвиги на Донской земле, их в Ростовской области насчитывается 34 человека [9]. Большинство отличившихся воинов Южного и Юго-Западного фронтов заслужили золотую звезду Героя СССР в боях на Миус-фронте и в Ростове-на-Дону.

В селе Куйбышево Ростовской области располагается музей истории Миусского края. Организовал музей в 2013 г. местный краевед А.Ф. Роменский. Энтузиаст объединил собранные экспонаты в несколько уникальных экспозиций. Не так давно основатель музея ушел из жизни, но дело продолжает жить под руководством его жены. Одна из экспозиций посвящена Миус-фронту 1941–1943 гг. Историческую информацию несут экспонаты военных лет. Предметы оружия, боеприпасов, элементов снаряжения и военного быта, найденные поисковиками, заняли главное место в постоянной выставке. Представлены карты, схемы и различные фотографии из истории боев на Миусе. Жители Куйбышево гордятся своим земляком, прославленным маршалом и дважды Героем Советского Союза, министром обороны СССР А.А. Гречко, в селе установлен его скульптурный бюст. В мае 2015 г. в районе села Куйбышево был торжественно открыт мемориал воинам-освободителям «Прорыв». Конструкция в виде красной звезды обозначает место расположения фронтового командного пункта советских войск в период прорыва Миус-фронта. Сзади расположены пилоны с наименованиями воинских частей и соединений Южного фронта, освобождавших эту землю в годы Великой Отечественной войны. В этой композиции находится вечный огонь, а в темное время суток звезда подсвечивается с помощью устройств, работающих на солнечных батареях [10]. В Куйбышевском районе Ростовской области числится 42 братские могилы, в которых захоронено 28 тыс. человек, среди них только 7 тыс. человек персонифицировано.

Накануне 70-летия Победы в Великой Отечественной войне, в апреле 2015 г., в Таганрогском историко-краеведческом музее открылась выставка «Огненные рубежи Миус-фронта». Подлинные фотографии и документы, оружие, награды, письма, а также военная форма, личные вещи участников войны вошли в экспозицию музея. Во время открытия выставки организаторы музея вручили ветеранам альманах «Летопись 1941–1945 гг.», содержащий в себе сведения из архивных документов, описывающих хронику оккупации, освобождения и послевоенную жизнь Таганрога [11]. В 2013 г., в 70-ю годовщину освобождения Ростовской области, при содействии различных общественных и патриотических организаций Правительством Ростовской области было утверждено решение о создании военно-исторического музейного комплекса, посвященного героям сражений на Миус-фронте в 1941–1943 гг. Задача осуществления проекта будущего музея выпала на Таганрогский музей-заповедник. В августе 2015 г. состоялась закладка камня в честь строительства музейного комплекса. Губернатор Ростовской области В.Ю. Голубев в мае 2016 г. поручил областному Министерству культуры к 2020 г. открыть военно-исторический музейный комплекс. Для материальной поддержки строительства народного музея был создан благотворительный фонд.

Музейный комплекс будет расположен у мемориала «Самбекские высоты». На интерактивной площадке планируется разместить образцы военной техники 1941–1943 гг. и макеты-декорации фортификационных сооружений. Площадь музейного комплекса должна составить 3500 кв. м. Планируется построить и оборудовать десять экспозиционных залов, зал для конференций на 200 мест, библиотеку, зону отдыха на благоустроенной местности, магазин сувенирных изделий, продумано техническое обеспечение работы музея для удобства обслуживания посетителей. Ключевым элементом станет экспозиция музея «Дон в Великой Отечественной войне 1941–1943 гг.» В залах планируется организовать тематические разделы: начало войны, Миусская оборонительная линия, захват Таганрога, Ростовская оборонительная операция, бои на Волковой горе, Тацинский рейд, организация и деятельность сопротивления в тылу врага (партизанские отряды на территории Матвеево-Курганского и Неклиновского районов, таганрогское подполье); сражения на ростовском направлении, бои за Миллерово, Красновку, Белую Калитву, освобождение Ростова-на-Дону, праздник Победы 9 мая 1945 г.

Элементами дополнительного музейного представления на «Самбекских высотах» являются памятники и мемориалы, расположенные по линии Миус-фронта. От села Самбек

до территории Матвеево-Курганского района на пути располагаются: танк «Т-34» в память танкистов 4-го гвардейского механизированного танкового корпуса, освобождавшего Матвеев Курган в феврале 1943 г., памятник «Марусе-регулировщице», а также знаменитая Волкова гора с памятником «Якорь» – символ скорби и памяти подвига моряков, штурмовавших эту высоту холодным мартом 1942 г. [12]. Музейный комплекс будет находиться на развилке дорог Ростов-на-Дону – Таганрог – Матвеев Курган, это позволит создать удобный туристический маршрут по вышеперечисленным памятным местам.

В последние годы особую популярность приобретает форма музеефикации военной истории через призму *living history* – «живая история». Сейчас такая практика организовалась в широкое международное движение военно-исторических реконструкторов. В Ростовской области традиционными стали военно-исторические реконструкции прорыва Миус-фронта. Первое такое мероприятие состоялось в 2007 г. в районе памятника «Якорь» в Матвеевом Кургане. Инициатором такой традиции стал частный Донской военно-исторический музей. Особенно широкомасштабно были проведены военно-исторические реконструкции «Прорыв Миус-фронта» в 2008 г., к 65-летию события в поселке Надежда Матвеево-Курганского района, и в 2013 г. к 70-летию освобождения области в селе Вареновка Неклиновского района. Воссоздание эпизодов сражений на Миус-фронте в форме военно-исторических реконструкций сохраняется и по сей день. Наряду с реконструкторами, большую работу по мемориализации проводят и поисковые объединения, отряды, клубы. Среди многих организаций такого рода которых выделяется поисковое объединение «Миус-фронт». Поднятая поисковиками со дна Миуса и с полей сражений и траншей военная техника неоднократно восстанавливалась мастерами-умельцами Донского военно-исторического музея, после чего эти экспонаты уже участвовали перед зрителями в военно-исторических реконструкциях.

Выводы

На примере характеристики памяти о Миус-фронте показано, что музейная культура продолжает совершенствоваться. Дошедшие до наших дней музейные экспозиции Миус-фронта приумножились новыми экспонатами, найденными поисковиками. Множество памятников и мемориалов Миус-фронта стали предметом музейной экскурсии. Диорамы миусских батальон в музеях продолжают завораживать своих посетителей. Регулярными посетителями музейных выставок бывают местные школьники. Они не только получают возможность наглядно изучать историю, но и слушают рассказы ветеранов – свидетелей реалити Великой Отечественной войны. Музеи выполняют образовательную функцию, после посещения музеев дети и подростки начинают придавать особое значение сохранению памяти о прошлом своей малой родины. С каждым годом, к сожалению, число ветеранов сокращается, а минимальный возраст ныне здравствующих участников войны в среднем не менее 90 лет. Живых участников сражений на Миус-фронте практически не осталось. Новое поколение в подавляющем числе случаев усваивает память об историческом прошлом через открытые интернет-ресурсы, которые не всегда являются продуктивным или качественным источником изучения истории. На смену живым свидетелям войны приходит воспитательная практика через наглядные примеры военно-исторических реконструкций. Люди имеют возможность увидеть военную технику и вооружение того периода в реальности. Взяв в руки массогабаритный макет оружия, зритель весомо почувствует свое приближение к истории. Многолетняя традиция проведения реконструкций «Прорыв Миус-фронта» собирает многотысячную аудиторию, куда приезжают люди из отдаленных уголков области и других регионов, которые ранее даже и не знали о существовании такого фронта. Возможное появление музейного комплекса на «Самбекских высотах» осуществит давнюю мечту многих историков и энтузиастов – показать истинный масштаб и значение сражений на Миус-фронте.

Благодарности

Работа выполнена в рамках реализации государственного задания по проведению фундаментальных исследований на 2016 г. № 0260-2014-0006 «Историко-культурное наследие юга России в условиях модернизации».

Примечания

1. Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф. Миус-фронт в Великой Отечественной войне. 1941/1942 гг. 1943 г. 2-е изд., исп. и доп. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 228 с.
2. Krinko E.F., Medvedev M.V. Mius-front: German Defense Line in the South of the USSR and Its Features (1941-1943)//Военный сборник. Российский военный журнал. 2013. Т. 1. № 1. С. 27-28.
3. Медведев М.В. Саур-Могила: место исторической памяти в эпицентре трагических событий (июнь – август 2014 г.) // Украинский кризис: предпосылки, формы и проявления: материалы круглого стола (1 октября 2014 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. С. 83–95.
4. Матвеево-Курганский районный краеведческий музей. URL: <http://rkm.rnd.muzkult.ru/fonds/?remove-mobile=1> (дата обращения: 22.09.2016).
5. Мотыжева Е. Удивительные истории «непримечательной слободы» // Mius.info. Информационно-развлекательный портал. URL: <http://mius.info/index.php?id=4779> (дата обращения: 29.09.2016).
6. Вахонин С. Железо, золото и кровь Миус-фронта // Наше время. 2011. 6 мая. № 153. URL: <http://www.nvgazeta.ru/news/12389/470480/> (дата обращения: 27.09.2016).
7. Музей Южного Военного округа. URL: https://localway.ru/rostov-on-don/poi/voenno_istoricheskij_muzei_yuzhnogo_voennogo_okruga_ministerstva_oborony_rf_267112 (дата обращения: 18.09.2016).
8. «Освобождение. Юг России 1941–1945 годы». Ростовская область. URL: <http://gorodskoyportal.ru/rostov/news/news/4449093/> (дата обращения: 01.10.2016).
9. Герои Советского Союза, удостоенные звания за подвиги на Дону // Донская государственная публичная библиотека. URL: http://dspl.ru/files/el_res/milash_2010/2010txt/news/Geroi_Podvigi.pdf (дата обращения: 01.10.2016).
10. Народный памятник открыли в Куйбышевском районе. URL: <http://dontr.ru/vesti/obshchestvo/narodny-j-pamyatnik-otkry-li-v-kujby-shevskom-rajone/> (дата обращения: 03.10.2016).
11. Сипетин В. В Таганроге открылась выставка «Огненные рубежи Миус-фронта» // Молот. 2015. 10 апреля. URL: <http://old.molotro.ru/?q=news/v-taganroge-otkrylas-vystavka-ognennye-rubezhi-mius-fronta> (дата обращения: 02.10.2016).
12. К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне // Администрация Матвеево-Курганского района Ростовской области. URL: <http://matveevkurgan.ru/pages/pobeda/> (дата обращения: 07.10.2016).

References

1. Matishov G.G., Afanasenko V.I., Krinko E.F. Mius-front v Velikoy Otechestvennoy voyne. 1941/1942 gg. 1943 g. [The Mius Front Line in the Great Patriotic War. 1941/1942 and 1943] 2-e izd., isp. i dop. Rostov-on-Don: SSC RAS Publishers, 2011. 228 p.
2. Krinko E.F., Medvedev M.V. Mius-front: German Defense Line in the South of the USSR and Its Features (1941-1943) // Voennyi sbornik. Rossiyskiy voennyi zhurnal. 2013. Vol. 1. No. 1. P. 27–28.
3. Medvedev M.V. Saur-Mogila: mesto istoricheskoy pamyati v epitsentre tragicheskikh sobytiy (iyun–avgust 2014 g.) [Saur-Mogila as the Place of Historical Memory at the Epicentre of the Tragic Events (June–August 2014)] // Ukrainskiy krizis: predposylki, formy i proyavleniya: materialy kruglogo stola (1 oktyabrya 2014 g., Rostov-na-Donu) [Ukrainian Crisis: Preconditions, Forms and Manifestations. Proceedings of the Round Table (Rostov-on-Don, 1 October, 2014)]. Rostov-on-Don: SSC RAS Publishers, 2014. P. 83–95.
4. Matveevo-Kurganskiy rayonnyy kraevedcheskiy muzey [Matveev-Kurgan Regional Museum of Local Lore]. URL: <http://rkm.rnd.muzkult.ru/fonds/?remove-mobile=1> (data obrascheniya: 22.09.2016).
5. Motyzheva E. Udivitelnye istorii “nepriemchatelnoy slobody” [Amazing Stories of the “Unremarkable Suburb”] // Mius.info. Informatsionno-razvlekatelnyy portal. URL: <http://mius.info/index.php?id=4779> (data obrascheniya: 29.09.2016).
6. Vakhonin S. Zhelezo, zoloto i krov Mius-fronta [Iron, Gold and Blood of the Mius-Front] // Nashe vremya. 2011. 6 maya. № 153. URL: <http://www.nvgazeta.ru/news/12389/470480/> (data obrascheniya: 27.09.2016).
7. Muзей Yuzhnogo Voennogo okruga [Museum of the Southern Military District]. URL: https://localway.ru/rostov-on-don/poi/voenno_istoricheskij_muzei_yuzhnogo_voennogo_okruga_ministerstva_oborony_rf_267112 (data obrascheniya: 18.09.2016).
8. “Osvobozhdenie. Yug Rossii 1941–1945 gody”. Rostovskaya oblast [“Liberation. The South of Russia. 1941–1945”. Rostov Region]. URL: <http://gorodskoyportal.ru/rostov/news/news/4449093/> (data obrascheniya: 01.10.2016).
9. Geroi Sovetskogo Soyuz, udostoennye zvaniya za podvigi na Donu [Heroes of the Soviet Union, Who Received This Rank for the Act of Bravery in the Don Region]// Donskaya gosudarstvennaya

publichnaya biblioteka. URL: http://dspl.ru/files/el_res/milash_2010/2010txt/news/Geroi_Podvigi.pdf (data obrascheniya: 01.10.2016).

10. Narodnyy pamyatnik otkryli v Kuybyshevskom rayone [The National Monument Was Presented in the Kuybyshev District]. URL: <http://dontr.ru/vesti/obshchestvo/narodny-j-pamyatnik-otkry-li-v-kujbyshevskom-rajone/> (data obrascheniya: 03.10.2016).

11. Sipetin V. V Taganroge otkrylas vystavka "Ognennye rubezhi Mius-fronta" [The Exhibition "Flaming Boundaries of Mius-Front" was launched in Taganrog] // Molot. 2015. 10 aprelya. URL: <http://old.molotro.ru/?q=news/v-taganroge-otkrylas-vystavka-ognennye-rubezhi-mius-fronta> (data obrascheniya: 02.10.2016).

12. K 70-letiyu Pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne [To the 70th Anniversary of the Victory in the Great Patriotic War] // Administratsiya Matveevo-Kurganskogo rayona Rostovskoy oblasti. URL: <http://matveevkurgan.ru/pages/pobeda/> (data obrascheniya: 07.10.2016).

УДК 069/02:94(47).084.8

Память о Миус-фронте в музейной культуре Юга России

Максим Валерьевич Медведев

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований
Южного научного центра Российской академии наук
Российская Федерация
344006 Ростов-на-Дону, проспект Чехова, 41
Институт истории и международных отношений
Южного федерального университета, Российская Федерация
344082 Ростов-на-Дону, улица Большая Садовая, 33
E-mail: m1max@mail.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена характеристике экспозиций, рассказывающих об истории Миус-фронта. Проанализирован состав экспонатов, относящихся к названной теме в Матвеево-Курганском районном краеведческом музее, Музее боевой и трудовой славы в слободе Большекрепинской, Военно-историческом музее Южного военного округа, Музее истории Миусского края в селе Куйбышево, Таганрогском историко-краеведческом музее, приводятся планы по созданию музейного комплекса у мемориала «Самбекские высоты». Дается информация о ряде памятников, расположенных по линии Миус-фронта. Автор вкратце описывает деятельность поисковых отрядов и военно-исторических реконструкторов на юго-западе области. Делается вывод о том, что сохранение исторической памяти в форме музейных выставок, мемориалов, военно-исторических реконструкций выполняет важную воспитательную, образовательную и просветительскую функцию.

Ключевые слова: Миус-фронт, музей, память, экспонаты, экспозиция.

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402x
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 20, Is. 4, pp. 313-321, 2016

DOI: 10.13187/rs.2016.20.313
www.ejournal15.com

Articles and Statements

UDC 398.3+391.9

Functions of Traditional Costume in Contemporary Russia

Varvara E. Dobrovolskaya

State Republican Center of Russian Folklore
FGBIC "Centre of cultural strategies and projecting "Roscultproekt", Russian Federation
6, Turchaninov Side-street, Moscow 119034
PhD (Philology)
E-mail: dobrovolska@inbox.ru

Abstract

The article deals with functions of traditional costume in modern Russian society. Folk costume had completely lost its utilitarian function, which is only partly preserved in closed confessional communities. Aesthetic function of costume is also almost completely lost and became subject of students of arts, collectors, restorers, etc. On the other hand, traditional costume acquired some new features. Traditional clothing is now actively used in ritual practices, plays the role of memory sign, sign of femininity or exclusiveness. Nowadays pseudo-traditional costume is an indispensable attribute of official functions, the active element of advertising campaigns, etc. At the same time, functions of traditional costume are partly taken by modern one.

Keywords: behavioral norms, beliefs, ethnography, folk costume, folklore, traditional narrative.

Введение

В 1937 г. вышла книга П.Г. Богатырева, посвященная функциям народного костюма Моравской Словакии [1] (русский перевод [2]). В этой работе впервые было отмечено различие между народным костюмом и городской одеждой: «Костюм по многим своим чертам является антиподом одежды, подчиняющейся моде. Одна из основных тенденций модной одежды – легко изменяться, причем новая модная одежда не должна походить на предшествовавшую ей. Тенденция же костюма – не изменяться, внуки должны носить тот же костюм, что и деды» [3].

На символическое значение одежды обращали внимание многие специалисты и до П.Г. Богатырева. Достаточно вспомнить статью Н.И. Гаген-Торн, вышедшую несколькими годами раньше, в которой она писала, что «одежда – паспорт человека, указывающий на его племенную, классовую, половую принадлежность, и символ, характеризующий его общественную значимость» [4]. Однако именно П.Г. Богатырев указал на необходимость «установить, какие функции приобретает деревенская одежда после того, как изменилась ее форма и материал, и она сблизилась или полностью слилась с городской одеждой» [5].

Материалы и методы

В работе использованы общелингвистические методы: семиотический метод, метод интертекстуального анализа, нарративный метод и методика «конкретного литературоведения». Статья основана на полевых материалах, собранных автором, а также хранящихся в архивах Государственного республиканского центра русского фольклора и Центра тверского краеведения и этнографии при Тверском государственном университете.

Обсуждение и результаты

Анализируя материалы, собранные во Владимирской, Ярославской, Московской и Тверской областях, можно с уверенностью сказать, что на этих территориях Центральной России народный костюм наделялся широким кругом значений и функций. Он служил маркером возраста, пола, семейного, социального, сословного и имущественного положения, а также этнической и конфессиональной принадлежности. Он мог указывать на профессию человека и его роль в различных ритуальных практиках и т.д. До настоящего времени представления о функциях народного костюма с известными оговорками сохраняются в народной памяти и вербализуются в форме поверий, запретов, предписаний и т.п. Многие функции традиционного костюма приписываются современной одежде [6].

Однако в современных условиях у народного костюма и его отдельных элементов стали не только меняться традиционно присущие ему функции, но и в некоторых случаях появляться новые, изначально ему не свойственные.

Прежде всего, традиционная одежда приобрела функцию, которой у нее никогда не было, – она стала знаком памяти. Так, почти все собиратели сталкивались с тем, что в семьях, где мужчины вернулись с войны, традиционные рубахи обычно не сохранились. И это понятно, вернувшись с войны в голодную и разоренную деревню, мужчины донашивали военную форму и старые довоенные вещи. Образ фронтовика, одетого в косоворотку или гимнастерку, активно эксплуатировался кинематографом и литературой. И недаром покупка «городской» одежды именно для мужчин стала неким знаком улучшения жизни, стабильности и относительного благополучия: «Папа вернулся с войны, ходил в рубахах, пестрых, еще бабка ткала, мама, из холстины, из домотканины. Нам там как уж... И вот на отрез копили – сами шили, или вот покупные платья. Тут копили. И нам, и маме. А папа все так и ходил. А потом ему, уж не знаю как, а вот костюм с рубашкой купили городской. Брюки и пиджак, и рубашку, как сейчас, на пуговках, раньше через голову одевали, а тут городская, на пуговках. И вот жизнь тут уж пошла. Наладилось после войны все как-то» [7].

Иная ситуация была в тех семьях, где муж не вернулся с фронта. Вдовы хранили рубахи, а иногда и полный праздничный костюм мужа в неприкосновенности. Особенно это распространено в тех семьях, где была получена не похоронка, а информация о том, что муж пропал без вести. Считая мужа живым, женщина хранила его одежду, не отдавала ее даже подросшим сыновьям. В данном случае хранению одежды приписывалась обережная функция: считалось, что пока одежда, принадлежащая человеку, который находится в опасных для жизни условиях, не используется другими, он будет жить (подробнее об этом см.: [8]).

Однако постепенно сохраняемая, но не используемая одежда прошлого, в том числе традиционная, становилась всё более коммеморативной по функции. Деревенские жители сохраняли некоторые вещи своих старших родственников уже не как оберег, а как память о них. Фразы «это рубашка папы», «это мамин праздничный платок», «это бабушкин сарафан» – приходится слышать довольно часто. Для многих фрагмент традиционного костюма – это некий знак, указывающий на осознаваемую данным человеком связь со своими родными. Постепенно, особенно у городских жителей первого или второго поколения, которые родились и выросли в деревне или проводили там много времени в детстве, традиционная одежда старших родственников начинает ассоциироваться с местом рождения, детством, проведенным в деревне и т.п.

Народный костюм сейчас ушел из повседневного быта большинства сельских жителей. Появление в повседневной деревенской жизни людей в традиционной одежде связано обычно с их конфессиональной принадлежностью. Так, в ряде старообрядческих общин традиционный костюм становится своеобразным знаком принадлежности к «своим». В тех

случаях, когда старообрядческие общины перестают строго придерживаться «правильной веры», традиционный костюм уходит из бытовой жизни, но сохраняется в религиозной жизни. Так, казаки-некрасовцы из п. Новокумский Левокумского района Ставропольского края надевают традиционный костюм только на моления, а в повседневной жизни в настоящее время одеваются так же, как и их соседи-никониане. Однако для местного населения традиционный костюм некрасовцев в значительной степени стал «представительской» одеждой и сценическим костюмом. И если для выступлений он пока еще используется нечасто¹, то как представительский, брендовый костюм региона, в рамках деятельности в области этнотуризма костюм некрасовцев задействован уже очень активно. Напротив, старообрядцы часовенного согласия из стран Южной Америки, особенно замужние женщины, используют народный костюм в повседневном быту так же, как и раньше, и костюм играет роль знака конфессиональной принадлежности [9].

В жизни большей части русского населения нашей страны традиционный костюм утратил свои практические функции. Действительно, сегодня традиционный костюм вряд ли можно рассматривать только с позиций бытового удобства – как наилучшим образом защищающий от жары, холода и соответствующий условиям сельского труда. В то же время на современную одежду не только была перенесена практическая функция традиционного костюма. Сформировался своеобразный комплекс женской одежды, считающейся наиболее приспособленной к сельскохозяйственным работам на приусадебном участке. Именно он осознается как одежда наиболее «правильная», соответствующая местным условиям труда и включающая людей в круг «своих»: «Когда городские покупают <дома>, их сразу видно. Они в чем работают – в джинсах там, в свитерах, ботинки. Неудобно, и за день развязать-завязать приходится... И вот то куртку наденут, то кофту. Наши одеты удобно и немарко. Приезжие говорят – рванье одеваем, это неправда, вещи добротные, не в рванье ходим. Вот в огороде удобно как: значит вот штаны спортивные, трико такие: шерстяные или потом вот хлопковые, носки шерстяные, калошки лакированные или, кто победнее, сапоги резиновые старые обрезают, там кофту какую, если холодно, а так рубаху, и сверху халат, поясицу закрывает и мошка не прокусит, и фартук. А на голову платок или, если холодно, шапку вязану, но платок он сподручней, утереться или что. Мы их для работ и покупаем, у нас лавка привозит или вот в городе покупаем, чтоб было» [10].

Как видно из этого описания, главная функция данной одежды – ее удобство: она не пачкается, точнее, на ней не видна грязь (немаркая), удобна (галоши не нужно развязывать, входя в дом, платком можно вытирать лицо, халат защищает от мошки и т.д.). Это собранный комплект, а не набор старых вещей, которые не жалко испачкать; они специально покупаются для работы. Таким образом, практическая функция данного комплекта совершенно очевидна. В то же время у него появляется и другая функция – идентифицирующая. Чужие работают в другой, «неправильной» одежде, по которой и можно определить, что они чужие. Надо отметить, что если по каким-либо причинам чужая одежда удобнее, она будет заимствоваться и станет «своей» (подробнее об этом см.: [11]).

Могут наблюдаться и обратные процессы. Так, у русских Тверской губернии существовал специальный костюм для уборки льна – «ленек», это была богато украшенная вышивкой рубаха, поверх которой не надевался сарафан. Сначала она была принадлежностью только костюма Бежицкого уезда, но постепенно распространилась по всей территории губернии и вошла в обиход не только русских, но и карельских крестьянок [12].

В настоящее время в активном бытовании сохранились две вещи, которые входили в традиционный костюмный комплекс: это фартук и платок. О платке и его функциях в современном обществе написано несколько работ (см., например, [13]). Работ о роли фартука в современном обществе мы не знаем, хотя отдельные замечания об этой вещи встречаются в исследованиях специалистов по костюму [14]. Между тем фартук, не сохранив ни традиционной орнаментики, ни даже свойственной традиции формы, остается значимой

¹ В аутентичных костюмах поют на сцене преимущественно участники этнографического ансамбля «Некрасовские казаки» (поселок Новокумский), хотя в аналогичных костюмах (иногда аутентичных, иногда представляющих собой реплику) могут появляться и другие ансамбли, зачастую не имеющие к некрасовцам никакого отношения.

частью одежды. Ни одна «уважающая себя» деревенская женщина не будет работать без фартука.

Если для пожилых крестьянок фартук – это, прежде всего, функциональная рабочая одежда, то для более молодых женщин – это элемент украшения. Он имеет не только практическую (нужен во время работы), но и эстетическую функцию (нарядная вещь).

Фартук начинает восприниматься как символ женственности и домашнего уюта не только в деревне, но и в городе. Если вспомнить фильм «Афоня», то в мечтах Афанасия Борщова Елена Орлова, «красавица из 38 квартиры», видится ему в клетчатом (по моде конца 1970-х гг.) фартуке. Постепенно женщина в переднике становится не просто символом женственности: у фартука появляется еще одна функция – эротического символа. Недаром горничная в кружевном переднике или школьница в белом фартуке становятся любимыми персонажами сексуальных игр. Если П.Г. Богатырев писал о слиянии эстетической и эротической функции одежды [15], то в настоящее время ситуация иная. Эротическая функция одежды не всегда соединяется с эстетической. Скорее можно говорить о том, что первая становится доминирующей, подавляет не только эстетическую, но и практическую функцию многих вещей.

Надо отметить, что традиционный костюм всегда четко делился на повседневный и праздничный, который также в свою очередь подразделялся на воскресный, свадебный, пасхальный, рождественский, для гуляний и т.д. Когда произошла замена традиционного костюма на городской тип одежды, первоначально деление на праздничный и повседневный наряд сохранялось. Однако постепенно ситуация изменилась. Применительно к повседневной одежде стали употреблять характеристику «приличная». Так, женщина должна ходить на работу в повседневной, но «приличной» одежде. «Приличную» одежду нужно отличать от нарядной и праздничной, с одной стороны, и от домашней, с другой. В процессе опроса исполнителей, проживающих в провинции, удалось составить представление о «приличной одежде». В такой одежде ходят только на работу, ею не могут быть брюки и даже брючные костюмы, она должна быть женственной, не должна быть «парадной», это не должно быть платье. Совершенно понятно, что речь идет о юбке и блузке, причем именно блузке, а не рубашке. Женщина должна появляться на работе в блузке, юбке, чуть выше или чуть ниже колена (длинные юбки не считаются «приличными» для большинства женщин, за исключением молодых секретарш, сидящих в приемных представителей администрации, но для этой категории существуют свои правила в одежде), туфлях на среднем каблуке (лучше всего, чтобы это были классические лодочки) и пиджаке (хотя он не обязателен). «У нас на работу в нарядном не ходят. Тут надо в приличное одеваться. Юбку – только солнце не носят, четырех- или шестиклинку, прямую, ну, можно колокольчик. Блузку, белую или там розовую, в полосочку, в горошек, стоечкой или там с отложным воротником. Ну можно пиджак, а можно и без него. Зимой можно вместо блузки джемпер такой нарядный одеть, не свитер, а такую как... ну с пуговками, с вставками какими-нибудь. Туфли на каблуке, ну не на шпильке высокой, а на таком устойчивом, но на каблуке. Ну, лодочки такие. Ну, шарфик или там бусики, сережки, кольцо <обручальное> – это обязательно, если замужем. Женщина на работу ходит как на работу, а на праздник – как на праздник. Одежда у нас для каждого случая своя» [16].

Таким образом, жители сел и малых городов выработали свой «дресс-код», в значительной степени противостоящий правилам крупных городов, для населения которых важны другие характеристики одежды. Жители больших городов, говоря об одежде для работы, скорее будут ориентироваться на ее удобство и престижно-символическое значение (соответствие моде и высокую цену), в провинции, напротив – на устоявшиеся представления о «красоте» и стандарте.

Надо отметить, что традиционный костюм, выйдя в настоящее время из повседневного обихода, продолжает активно функционировать в качестве «одежды избранных». Костюмы в этническом стиле начинают использоваться творческой интеллигенцией как оппозиция массовой одежде. Этнические элементы были связаны в основном с африканским или индейским стилем. Только высокая мода могла обращаться к русскому традиционному костюму. На рубеже XIX–XX вв. к нему обратилась Н.П. Ламанова. Позднее апологетом народного костюма стал В. Зайцев, в коллекциях которого активно задействованы идеи именно русского традиционного костюма. Нужно отметить, что после первых коллекций

В. Зайцева к традициям русского костюма обратились и западные модельеры. Особенно показательны в этом отношении коллекции домов моды Шанель и Валентино. В настоящее время традиции народной одежды активно используют в своем творчестве В.Н. Аверьянова и Алена Ахмадулина. Но в данном случае мы имеем дело не с народным костюмом, а с творчеством дизайнеров. Можно говорить, что в этом случае у народного костюма появляется еще одна функция – быть источником вдохновения и поставщиком идей для авторского творчества. Однако, если одежда в этническом стиле довольно популярна среди представителей определенных социальных групп, то надеть настоящий народный костюм (этнографический оригинал, копию или даже реплику) в повседневной жизни отваживаются немногие. И в данном случае причина кроется в понимании естественности и уместности традиционного костюма.

Совершенно очевидно, что в рамках определенных культурных проектов народный костюм уместен и даже необходим. Так, на различных выставках и показах этнографического костюма появление людей в подобного рода одежде не вызывает никакого удивления, даже если они не являются участниками показов. Есть проекты, участники которых показывают и традиционную одежду, и модели, созданные на основе народного костюма. Например, проект «Мода от народа» (г. Подольск) в своих коллекциях активно использует традиции народного костюма Южного Подмосковья. Необычайно уместен народный костюм в работе с детьми. Многие методисты, которые учат детей основам традиционных ремесел, ведут свои занятия в народных костюмах, соответствующих изучаемой традиции или традиции региона, в котором проходят занятия. Иногда проект подразумевает именно противопоставление повседневной одежды и традиционного костюма. Так, в фотопроекте Аллы Соловской «Против течения» модели в народных костюмах позировали на улицах Москвы среди повседневно одетых горожан, именно противопоставляя традиционный костюм современной одежде.

Наконец, в традиционных костюмах могут проходить выступления фольклорно-этнографических ансамблей. Во многих случаях аутентичность исполнения дополняется и аутентичностью костюма. Хотя и здесь возникают определенные вопросы. Например, появление женщин зрелого возраста в костюмах молодых замужних женщин. Понятно, что костюм молодухи чаще всего является самым ярким и красочным. Однако будучи надетым на женщину не той возрастной группы, которой он предназначен (пусть даже прекрасно выглядящую), костюм выглядит неестественно и создает ощущение некой «ряжености». В этом отношении очень показателен пример ансамбля «Русская музыка», в котором в определенный момент одна из участниц поменяла поневу, вышитую красными нитками, и яркий фартук на комплект более спокойной расцветки: поневу, расшитую бордовыми нитками и темный фартук, объясняя это тем, что подобная расцветка больше соответствует ее возрасту. Этим принципом руководствуются и участники других ансамблей, меняя рубахи с богатой красной вышивкой, которые входят в костюм молодых женщин в Большебыково, на рубахи с менее богатым декором (хотя надо признать, что на вышивку белым по белому, которая характерна для одежды старух, пока не отважился никто). В ряде случаев традиционный костюм рассматривается самими исполнителями как неуместный. И речь не идет о каких-то популярных ансамблях, рассчитанных на массового зрителя. Так, ансамбль Н.Г. Бабкиной не выходит на сцену в традиционных костюмах в большинстве своих программ, руководствуясь тем, что они исполняют народные песни в обработке, определенным образом переосмысленные. И соответственно, исполняя неаутентичный материал, они могут позволить себе появляться в моделях, использующих фольклорные мотивы. Заметим, что совершенно другой по стилистике ансамбль – ансамбль Д.В. Покровского – тоже отнюдь не всегда появлялся на своих выступлениях в аутентичных народных костюмах. И причина этого также была связана с понятием уместности традиционной одежды в тех или иных условиях. Стремясь современными выразительными средствами и способами подачи материала познакомить людей с фольклорным наследием страны, участники ансамбля могли появиться на сцене и в аутентичных костюмах, и в своеобразных стилизациях под народную одежду, и использовать отдельные элементы традиционного костюма, и даже выступать в современной одежде. Все это было тесно связано с исполняемым репертуаром. Но в любом случае речь идет о бытовании

традиционного костюма на сцене, в некоем противопоставлении его носителя и смотрящего на него зрителя.

Совершенно иная ситуация – это появление человека в традиционной одежде или даже в каком-то элементе народного костюма на научной конференции. Безусловно, некоторые руководствуются тем, что согласно дипломатическому протоколу национальный костюм позволителен даже на официальных приемах. Однако, это своеобразное лукавство. Действительно в двух случаях дипломатический протокол позволяет появляться в национальной одежде. Во-первых, если мероприятие посвящено решению национальных вопросов и, во-вторых, если это оговорено в протоколе отдельным пунктом; как правило, это связано с необходимостью привлечь внимание к тому, что происходит в стране. Для научных конференций протокола обычно не существует, но проблема даже не в этом. Элементы народного костюма становятся некими маркерами «народности» и выполняют функцию средства противопоставления носителя такой одежды людям «далеким от народа». Например, М.А. Шолохов изображался на портретах в рубахах с вышивкой, что должно было быть знаком его социальной идентификации и связи с «глубинной народной культурой»; такими средствами создавался образ «писателя из народа». Д.М. Балашов ходил в косоворотке и сапогах, подчеркивая свою связь с тем укладом жизни, который был в России до 1917 г. Народный костюм начиная с середины XIX в. выступал как знак «вольномыслия», ориентации на народ в противовес официальной государственности (см. армяки славянофилов, косоворотку и сапоги М. Горького). Появление в одежде с этническими элементами и позднее являлось своего рода декларацией независимости от общей «линии партии».

Если человек не стремится противопоставить себя коллективу, а «просто любит» народный костюм, то его появление на официальном мероприятии в такой одежде выглядит странно. Прежде всего, потому что для России не существует понятия *национальный костюм*. В русской традиции костюм всегда узколокален, а, следовательно, он несет информацию о регионе, а не обо всей стране. И понятие национального костюма в России не сформировано. Так, говоря об испанском национальном костюме, мы имеем в виду одежду, которая стала фактом изобразительной культуры в XVIII–XIX вв. и формированию которой способствовала культура махо. Но костюм баска отличается от костюма жителя Валенсии, и оба они не похожи на костюмы крестьян Кордовы, но именно костюм махо становится знаком национальной самоидентичности испанцев. Когда мы говорим о национальном костюме шотландцев, то обычно говорим о килте, сшитом из тартана, хотя в полный комплект одежды входят куртка-дууплет, гольфы, плед, берет с помпоном, башмаки с металлическими пряжками и спорран. Для любого шотландца важен именно цвет тартана, который связан с определенным кланом, регионом или городом, знаменательным событием или военной частью, но для всех остальных эта информация не имеет значения. Аналогичная ситуация с баварским костюмом. Для окружающего мира его отличительными признаками являются кожаные штаны, рубашка, жилет, сюртук, шляпа и галстук. Для баварца важна длина сюртука, вышивка, цвета, украшения, но эти детали не важны для всех остальных. Как сказано выше, единого представления о русском национальном костюме нет, хотя представление о «русском народном» есть, но связано оно с образом девушки с хлебом-солью в руках, которая была неперенным атрибутом официальных встреч, а не этнографической реальностью какого-либо региона. Другое дело, что костюм, декларируемый как «русский народный», вряд ли мог таковым считаться, ибо был совершенно откровенной фантазией.

В последнее время народный костюм становится неперенным атрибутом неоязычников или реконструкторов. В первом случае костюм отнюдь не всегда соответствует традиции, а скорее является плодом фантазий на тему «костюм древневосточного славянина», зато для реконструкторов соблюдение канонов – дело чести.

Стилизация традиционного костюма активно эксплуатируется в рекламе, где русская традиционная одежда становится знаком этнической самоидентификации и национального превосходства. Сюда же, наверное, следует отнести и использование стилистики традиционного костюма в сувенирной продукции.

Выводы

Итак, в течение XX в. функции традиционного костюма существенно изменились. Народный костюм полностью утратил свою утилитарную и в значительной степени эстетическую функции. Утилитарная функция сохранилась преимущественно в закрытых конфессиональных общинах, а эстетическая функция костюма стала предметом изучения искусствоведов, коллекционеров, реставраторов и т.п.

Но в то же время у традиционного костюма появился целый ряд не свойственных ему черт. Так, народная одежда, независимо от того, для чего она предназначалась изначально, стала активно использоваться в обрядовых практиках, играть роль знака памяти, быть синонимом женственности или избранности. В современных условиях псевдотрадиционный костюм – непереносимый атрибут официальных приемов, активный элемент рекламных кампаний и т.д. (прецеденты такого рода, впрочем, имелись уже в конце XIX в., но потом десятилетиями не отмечались).

В то же время функции традиционного костюма отчасти переходят и на современную одежду. Так, у деревенских жителей складываются свои особые комплексы повседневной и рабочей одежды, на которые переносятся функции народного костюма, прежде всего практическая и эстетическая. Такая важная функция, как указание на национальную и региональную принадлежность владельца для современной одежды утрачена почти полностью, а вот указание на сословную принадлежность человека сохранилось, хотя и трансформировалось в указание на его финансовые возможности. Именно этим объясняется присущее современной моде желание подчеркнуть бренд, выставить на всеобщее обозрение лейбл и т.д. Необходимо отметить и еще одно. П.Г. Богатырев писал, что народный костюм «подлежит цензуре коллектива», в то время как городская одежда более свободна. В настоящее время мы можем говорить о том, что современная одежда оказалась зажатой в тиски коллективной цензуры и в некоторых сферах городской жизни, вследствие чего понятия «правильная», «приличная», «соответствующая принятой норме» становятся для одежды всё более актуальными. И если в больших городах особенно ярко это проявляется в дресс-коде, принятом в крупных компаниях, то в провинции активно действует та самая «коллективная цензура», о которой писал П.Г. Богатырев.

Примечания

1. Bogatyrev P.G. Funkcie kroja na Moravskom Slovensku. Turciansky Sv. Martin: Matica slovenská, 1937.
2. Богатырев П.Г. Функции национального костюма в Моравской Словакии // Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. М.: Искусство, 1971. С. 297–366.
3. Богатырев П.Г. Функции национального костюма в Моравской Словакии. С. 299.
4. Гаген-Торн Н.И. К методике изучения одежды в этнографии СССР // Советская этнография. 1933. № 3–4. С. 120.
5. Богатырев П.Г. Функции национального костюма в Моравской Словакии. С. 352.
6. Добровольская В.Е. Народный костюм и современная одежда: знаковые функции в прошлом и настоящем // Функционально-структурный метод П.Г. Богатырева в современных исследованиях фольклора. М.: ГИИ. 2015. С.284–292.
7. Респондент: Комиссарова А.М., 1921 г.р. Место проведения интервью: С. Владычное Пошехонского района Ярославской области // Архив Государственного республиканского центра русского фольклора (далее – ГРЦРФ). Коллекция 76-12-1996.
8. Добровольская В.Е. «Почему он с войны возвратился...»: запреты и предписания, обеспечивающие человеку возвращение с войны // Временник Зубовского института. 2011. № 6. С. 106–118.
9. Дынникова И.В. Младенческая и смертная одежда в культуре староверов-часовенных Латинской Америки // Живая старина. 2016. № 3. С. 37–41.
10. Респондент: Фадеева А.И., 1923 г.р. Место проведения интервью: пос. Спирово Спировского района Тверской области // Архив Центра тверского краеведения и этнографии при Тверском государственном университете (далее – Архив ЦТКиЭ). Ф. 9. П. 1. Ед. хр. 1.
11. Иванова А.А. Фольклор как идентификатор этнических сообществ (по материалам комплексных экспедиций в Пинежский район Архангельской области) // Культурный ландшафт Русского Севера: Пинежье, Поморье (Семинар «Культурный ландшафт»: первый тематический выпуск докладов). М.: ФМБК, 1998. С. 43–44.
12. Калмыкова Л.Э. Народная вышивка Тверской земли. Л.: Художник РСФСР, 1981. С. 176.

13. Веселова И.С. Покров Богородицы и бытование платка в русской женской субкультуре // Живая старина. 1996. № 3. С. 7–9.
14. Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. М.: Наука, 1984.
15. Богатырев П.Г. Функции национального костюма в Моравской Словакии. С. 337.
16. Респондент: Кривцова Е.Д., 1962 г.р. Место проведения интервью: г. Торжок Тверской области // Архив ЦТКиЭ. Ф. 10. П. 3. Ед. хр. 12.

References

1. Bogatyrev P.G. Funkcie kroja na Moravskom Slovensku. Turciansky Sv. Martin: Matica slovenská, 1937.
2. Bogatyrev P.G. Funkcii nacional'nogo kostjuma v Moravskoj Slovakii // Bogatyrev P.G. Voprosy teorii narodnogo iskusstva. M.: Iskusstvo, 1971. S. 297–366.
3. Bogatyrev P.G. Funkcii nacional'nogo kostjuma v Moravskoj Slovakii. S. 299.
4. Gagen-Torn N.I. K metodike izuchenija odezhdy v jetnografii SSSR // Sovetskaja jetnografija. 1933. № 3–4. S. 120.
5. Bogatyrev P.G. Funkcii nacional'nogo kostjuma v Moravskoj Slovakii. S. 352.
6. Dobrovolskaja V.E. Narodnyj kostjum i sovremennaja odezhda: znakovye funkcii v proshlom i nastojashhem // Funkcional'no-strukturnyj metod P.G. Bogatyreva v sovremennyh issledovanijah fol'klora. M.: GII. 2015. S. 284–292.
7. Respondent: Komissarova A.M., 1921 g.r. Mesto provedenija interv'ju: S. Vladychnoe Poshehonskogo rajona Jaroslavskoj oblasti // Arhiv Gosudarstvennogo respublikanskogo centra russkogo fol'klora (dalee – GRCRF). Kollekcija 76-12-1996.
8. Dobrovolskaja V.E. “Pochemu on s vojny vozvernulsja...”: zaprety i predpisanija, obespechivajushhie cheloveku vozvrashhenie s vojny // Vremennik Zubovskogo instituta. 2011. № 6. S. 106–118.
9. Dynnikova I.V. Mladencheskaja i smertnaja odezhda v kul'ture staroverov-chasovennyh Latinskoj Ameriki // Zhivaja starina. 2016. № 3. S. 37–41.
10. Respondent: Fadeeva A.I., 1923 g.r. Mesto provedenija interv'ju: pos. Spirovo Spirovskogo rajona Tverskoj oblasti // Arhiv Centra tverskogo kraevedenija i jetnografii pri Tverskom gosudarstvennom universitete (dalee – Arhiv CTKiJe). F. 9. P. 1. Ed. hr. 1.
11. Ivanova A.A. Fol'klor kak identifikator jetnicheskikh soobshhestv (po materialam kompleksnyh jekspeditsij v Pinezhskij rajon Arhangel'skoj oblasti) // Kul'turnyj landshaft Russkogo Severa: Pinezh'e, Pomor'e (Seminar “Kul'turnyj landshaft”: pervyj tematicheskij vypusk dokladov). M.: FMBK, 1998. С. 43–44.
12. Kalmykova L. Je. Narodnaja vyshivka Tverskoj zemli. L.: Hudozhnik RSFSR, 1981. S. 176.
13. Veselova I.S. Pokrov Bogorodicy i bytovanie platka v russkoj zhenskoj subkul'ture // Zhivaja starina. 1996. № 3. S. 7–9.
14. Maslova G.S. Narodnaja odezhda v vostochnoslavjanskikh tradicionnyh obyčajah i obrjadah XIX – nachala XX v. M.: Nauka, 1984.
15. Bogatyrev P.G. Funkcii nacional'nogo kostjuma v Moravskoj Slovakii. S. 337.
16. Respondent: Krivcova E.D., 1962 g.r. Mesto provedenija interv'ju: g. Torzhok Tverskoj oblasti // Arhiv CTKiJe. F. 10. P. 3. Ed. hr. 12.

УДК 398.3+391.9

Бытование русского народного костюма в современной России

Варвара Евгеньевна Добровольская

Государственный центр русского фольклора
 ФГБУК «Центр культурных стратегий и проектного
 управления (Роскультпроект)», Российская Федерация
 119034, Москва, Турчанинов переулок, 6
 Кандидат филологических наук
 E-mail: dobrovolska@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматриваются функции традиционного костюма в современном российском обществе. Народный костюм полностью утратил свою

утилитарную функцию, которая лишь отчасти сохранилась в закрытых конфессиональных общинах. Эстетическая функция костюма также утрачена почти полностью. Она стала предметом изучения искусствоведов, коллекционеров, реставраторов и т.п. Но в настоящее время у традиционного костюма появился целый ряд не свойственных ему изначально черт. Народная одежда стала активно использоваться в обрядовых практиках, играть роль знака памяти, быть синонимом женственности или избранности. В современных условиях псевдотрадиционный костюм – неперенный атрибут официальных приемов, активный элемент рекламных кампаний и т.д. В то же время функции традиционного костюма отчасти переходят и на современную одежду.

Ключевые слова: народный костюм, поведенческие нормативы, поверья, традиционный нарратив, фольклористика, этнография.

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402x
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 20, Is. 4, pp. 322-337, 2016

DOI: 10.13187/rs.2016.20.322
www.ejournal15.com

UDC 392.51(470.61)

Transformation of Researchers' Views on the Don Cossack Wedding Ritual in the 19th–21st Centuries

Tatyana E. Grevtsova

Institute for Social and Economic Research and Humanities
Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences
Russian Federation
41, Chekhova Avenue, Rostov-on-Don, 344006
E-mail: grevcova@ssc-ras.ru

Abstract

The article discusses the history of research on the Don Cossack wedding ritual and transformation of researchers' views on this fragment of traditional culture since the end of the 18th century up to the beginning of the 21st century. In different periods, understanding of the ceremonies accompanying a marriage in Don Region depended on personal and scientific beliefs of researchers emphasizing some parts of ritual and on a political situation of the 1930–1970s. Today, the most perspective line of the research of the Don Cossack wedding ceremony is an ethnolinguistic one, which allows reconstructing the Cossack notions of marriage using different sources (linguistic, ethnographic, folklore, historical).

Keywords: Don Cossacks, ethnolinguistics, researcher's view, traditional culture, transformation, wedding ritual.

Введение

Свадебный обряд донских казаков начинает изучаться еще с конца XVIII в. и в настоящее время остается одной из наиболее частых тем в работах этнографов, фольклористов, этнолингвистов, историков и краеведов. За более чем два столетия обращения ученых к этому фрагменту традиционной культуры казачества был накоплен огромный массив эмпирического материала и предприняты попытки его теоретического осмысления. В разные периоды в фокус внимания исследователей попадали различные компоненты ритуала, и каждый автор приходил к новым выводам о семантике, социальной роли и исторической динамике донской свадьбы. Это обусловлено зависимостью научных взглядов ученого как от господствовавшей научной парадигмы, так и от идеологических установок его эпохи. Вследствие этого традиционный свадебный обряд, сохранявший свои основные особенности с конца XVII до середины XX вв., рассматривался с разных сторон, в нем выделялись различные доминанты. Несмотря на наличие опубликованных работ по истории изучения традиционной культуры Дона [1, 2] и включение историографических обзоров во многие статьи, посвященные казачьей свадьбе, до сих пор нет специальных работ, рассматривающих трансформацию научных взглядов на донской свадебный обряд на протяжении всего периода его изучения. В данной статье мы рассмотрим историю изучения

свадебного обряда донских казаков и изменение исследовательских точек зрения на этот ритуал в период с конца XVIII до начала XXI вв.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили этнографические, фольклористические, этнолингвистические, краеведческие работы, посвященные отдельным сторонам донской свадьбы (обрядовым действиям, фольклору, лексике), а также обряду в целом от первых упоминаний о нем до современных исследований. В основе статьи лежит анализ взглядов исследователей на понятие «свадебный обряд» в разные периоды, их понимания состава свадьбы и изменения используемой ими методологии. В работе применялись описательный, сравнительный, текстологический, историко-типологический методы.

Обсуждение и результаты

В конце XVIII – начале XIX вв. в России поднимается волна интереса к народной жизни и творчеству, который был обусловлен проблемой интерпретации народной поэзии, названной М.К. Азадовским «борьбой за фольклор» [3]. Причиной этой «борьбы» был спор в обществе того времени о социальной, исторической и литературной сущности фольклора. Итогом этого спора стала работа по накоплению эмпирического материала по народной культуре и поэзии, а также осмысление методов собирания памятников народного творчества. В этот период появляются и первые труды по истории и быту донских казаков, в которые собиратели включали и сведения об обрядах, сопровождавших заключение брака. Неудивительно, что свадьба, являющаяся ярчайшим и наиболее продолжительным по исполнению обрядовым циклом, раньше других обращает на себя внимание историков, путешественников, краеведов. Исследовательский интерес выражается в эпитетах, характеризующих свадебные обряды: в этих работах их называют «любопытными» [4], «забавными» [5], «причудливыми» [6]. Однако уже в самых ранних публикациях признается территориальная неоднородность донских обрядов [7], а в целом казачья свадьба рассматривается как часть русской традиции [8].

Первые упоминания о свадебных обрядах донских казаков А.И. Ригельмана (1778 г.) и Е.Н. Кательникова (1818 г.) очень кратко сообщают читателю о женитьбе на кругу [9, 10]. Именно эти старинные обряды, овеянные «рыцарским» прошлым казаков и кардинально отличающиеся от обрядов, которые пришли им на смену с введением на Дону обязательного венчания, привлекают внимание авторов. И. Георги как путешественника интересуют современные свадьбы, однако он лишь упоминает об эпизоде приезда жениха за невестой [11].

Первое полное описание свадебного обряда донских казаков, составленное уроженцем Дона Василием Дмитриевичем Сухоруковым, было включено в исторический очерк «Общежитие донских казаков в XVII и XVIII столетиях» (первое издание вышло в 1824 г.) [12]. Автор, состоявший в «Тайном обществе» и разделявший идеи декабристов, которые видели в народной жизни и поэзии выражение «героического и свободолюбивого духа народа» [13], идеализировал «рыцарское» прошлое донских казаков. После введения обязательного венчания в церкви на смену заключению брака на кругу пришел свадебный обряд, включавший большое количество эпизодов, обрядовых действий и длившийся значительный промежуток времени.

В.Д. Сухоруков достаточно подробно описывает все этапы современного ему свадебного ритуала. Курсивом автор выделяет свадебную лексику, тем самым подчеркивая ее особый статус. Исследователь обращает внимание на традиционные речевые формулы, сопровождавшие весь ритуал («Отец и мать такого-то кланяются и просят принять хлеб-соль»; «Дай Бог, в добрый час»), названия обрядов (рукобитье, сговор) и обрядовых действий (взять руку, смотреть печи, положить на каравай), участников свадебного обряда (позыватые, сваты, старики, ведун) и его атрибутов (державка, повойник, вареное).

«Общежитие донских казаков в XVII и XVIII столетиях» В.Д. Сухорукова, изданное в Санкт-Петербурге, повлекло за собой интерес к казачьим обрядам в столице, а информация о свадебном ритуале, содержащаяся в этом труде, легла в основу некоторых последующих описаний донской свадьбы. Так, сведения о ней, помещенные в третьей части «Описания донской земли и Кавказских Минеральных Вод» В.Б. Броневского (1834 г.), втором томе

«Быта русского народа» А.С. Терещенко (1848 г.) практически повторяют описание В.Д. Сухорукова [14, 15]. Кратко этот же вариант обряда отражен в статье Х.П. Кирсанова «Старинные свадебные обряды донских казаков», опубликованной в «Северной Пчеле» в 1831 г. [16].

Во второй половине XIX в. продолжается активная работа по собиранию сведений о донском свадебном обряде. Авторами по-прежнему отмечается связь свадебного ритуала донских казаков с русской традицией, кроме того, приходит понимание того, что специфика донской свадьбы обусловлена проникшими в нее украинскими элементами, а также военным характером традиционной культуры казачества, географическими и историческими факторами [17–20]. Исследователи отмечали территориальную неоднородность донской свадебной традиции, указывая на различие обрядов как соседних станиц, так и целых округов [21]. Н.И. Краснов объяснял такое многообразие особенностями заселения Донской земли, население которой составили выходцы из разных регионов России [22].

А.М. Савельев собрал и издал в 1866 г. первое собрание донских народных песен. Отдельную главу автор посвятил свадебному обряду. Здесь свадебные песни вписаны в контекст каждого обрядового эпизода. Много внимания исследователь уделил чертам свадебного обряда, обусловленным военным характером традиционной культуры казачества: сравнение в свадебных приговорах невесты с крепостью, жениха – с войском, а самого сватовства – с ее штурмом, стрельба и гарцевание на свадьбе и т.д. [23].

В «Картинах из жизни донских казаков» (1871 г.) [24], которые являются не столько научным, сколько художественным произведением, свадебный обряд предстает как один из эпизодов, хотя и крайне значимый, в жизни казака. Бракосочетание и подготовка к нему описаны автором не как стоящий отдельно от других событий ритуал, оно вплетено в событийную канву жизни человека. Во временной промежуток этого ритуала, который может составлять до нескольких месяцев (от сватовства до дня свадьбы), включены события повседневности и забавные происшествия, о которых вспоминают герои. Такой способ изложения сведений о ритуале позволил автору передать не только фактические сведения о духовной культуре (и не только о свадьбе), но и о материальной культуре, общественном и семейном укладе, особенностях говора казаков.

С появлением на Дону первых периодических изданий на их страницах начинает освещаться частная жизнь казаков и их обряды. Свадебный обряд становится темой статей, опубликованных в «Донских областных ведомостях» в 1970-е гг. [25–28] и «Донской газете» [29]. В них, помимо исследований казачьей свадьбы, впервые появляются описания ритуала малороссов Области войска Донского [30–32]. Изучение свадеб донских малороссов продолжил А.В. Миртов, опубликовавший в 1918 г. сведения об обряде станицы Митякинской [33].

Ценным источником информации о донском свадебном обряде, а также о семейных отношениях казаков является работа Михаила Николаевича Харузина «Сведения о казачьих общинах на Дону: материалы для обычного права» (1885 г.). Использование широкого круга опубликованных источников, данных архивов, а также полевых записей, сделанных в разных местах Области войска Донского, придает работе научную достоверность. Будучи исследователем обычного права, М.Н. Харузин уделяет внимание не только обстоятельствам заключения брака, но и юридическим, финансовым аспектам свадьбы, имущественным и наследственным отношениям между супругами. Одним из первых автор обращается к обстоятельствам проведения свадеб старообрядцев и вдовцов [34].

Е.П. Савельев в «Истории донского казачества» (1915–1918 гг.) выдвигает гипотезу о значительном влиянии на формирование населения Дона выходцев из Новгорода [35]. В качестве одного из доказательств он приводит способ заключения брака казаками на кругу, сходный с бракосочетанием на вече [36]. Таким образом, этот обычай, рассматривавшийся исследователями конца XVIII – первой половины XIX вв. как отголосок вольной «рыцарской» жизни казаков, в труде Е.П. Савельева становится фактом, подтверждающим точку зрения автора о генезисе донского казачества. Делая акцент именно на браке на майдане и сменившем его церковном венчании, исследователь не останавливается на современных свадьбах.

В конце XIX в. начинается сбор материала по донскому свадебному обряду Александр Михайлович Листопадов, работы которого открыли новую эпоху и новый взгляд на донской казачий фольклор, заключавшийся в точной документальной передаче фольклорных произведений и научно-этнографическом подходе к собираемому материалу. Он вошел в историю донской науки как фольклорист, этнограф, музыковед, зафиксировавший не только тексты донских песен, но и их напевы, сделавший ценные наблюдения над характером исполнения казачьего фольклора и его мелодическими особенностями. Свадебный обряд и свадебные песни донских казаков были записаны исследователем в основном с 1897 по 1901 гг. в станице Екатерининской I Донского округа (сейчас – станица Краснодонецкая Белокалитвинского района). С 1902 по 1911 гг. дополнил свои материалы в ближайших к Екатерининской станицах [37]. Уже в 1911 г. вышел сборник песен донских казаков, куда А.М. Листопадовым было включено 16 свадебных песен, распределенных по этапам ритуала [38].

В 1947 г. была издана «Старинная казачья свадьба на Дону», в которой свадебный обряд представлен собирателем как единое действие, состоящее из нескольких частей. В отличие от предыдущих собирателей донского песнетворчества (А.М. Савельева, А. Пивоварова), значительно «редактировавших» фольклорные тексты, А.М. Листопадов стремился сохранить особенности синтаксиса, морфологии, лексики, фразеологии, а также некоторые фонетические черты казачьей речи [39]. Однако в силу технических причин в книгу не были включены нотные записи свадебных песен. По словам самого Листопадова, им зафиксирован обряд, исполнявшийся в 1870-х гг., когда «песни звучали полным голосом, когда обрядность здесь описываемая осуществлялась полностью» [40]. После этого, по мнению исследователя, наблюдается лишь сокращение и постепенная утрата обрядовых действий и текстов.

Описание свадебного обряда донских казаков, включающее тексты песен и их нотные записи, вошло в пятый том «Песен донских казаков» [41]. Донская казачья свадьба представлена как стройная, сопровождаемая песнями игра, состоящая из отдельных частей – обрядов [42]. Именно здесь А.М. Листопадову, который признавался, что никогда не отделял текста от напева [43], удалось показать ритуал в полном объеме. В этом труде свадебный обряд начинает «звучать». Здесь он показан в единстве ритуальных действий, фольклорных текстов и их музыкального исполнения.

С конца 1930-х гг. ростовским фольклористом Федором Викторовичем Тумилевичем производился сбор материала по фольклору и традиционной культуре казаков-некрасовцев – потомков донских казаков, ушедших после Булавинского восстания 1707–1708 гг. на Кубань, а затем в Турцию, проживших более двухсот лет в иноязычном окружении и вернувшихся на русскую землю уже в советское время. Считалось, что изолированное существование общины, оберегавшей культуру и язык своих предков от турецкого влияния, создало условия для сохранения фольклора и обрядности в том состоянии, в каком они были до ухода донских казаков вместе с Игнатом Некрасовым с Дона. Именно поэтому особенно актуальными стали экспедиционные выезды в населенные пункты, где проживали казаки-некрасовцы, спустя как можно более короткое время после их возвращения в Россию.

Ф.В. Тумилевич первым организовал экспедиции к некрасовцам после переезда общины в Россию. Одной из приоритетных тем в изучении этой группы казаков для исследователя был свадебный обряд. В сборник «Песни казаков-некрасовцев» (1947 г.) вошли 18 свадебных песен [44]. Итогом собирания сведений о некрасовском свадебном обряде стала статья «Старинная свадьба у некрасовцев», впервые вышедшая в 1941 г. в сборнике «Фольклор некрасовцев», весь тираж которого, кроме нескольких экземпляров, был уничтожен во время Великой Отечественной войны [45]. В переработанном виде этот материал был опубликован Ф.В. Тумилевичем в 1958 г. [46]. Автор, помимо собственно свадебных обрядов, уделил внимание выбору брачных партнеров, отношениям между мужем и женой, мнению некрасовцев о супружеских изменах [47]. Ф.В. Тумилевич отмечал, что свадебный обряд, в полной мере сохранявшийся некрасовцами на протяжении длительного периода времени, после возвращения в Россию постепенно утрачивается [48]. Исследователь описывает ход свадьбы, приводит свадебные песни, ритуальные диалоги, приговоры и лексику, сохраняя фонетические, морфологические, синтаксические особенности некрасовского говора.

1930–1970-е гг. в истории русской фольклористики характеризуются сужением методологической базы фольклора и преобладанием по сути одного метода – классового, исчезновением из поля зрения исследователей многих жанров фольклора, вниманием прежде всего к песенному наследию и игнорированием многих видов обрядовых практик [49]. Эти тенденции в науке повлияли и на работы донских исследователей. В публикациях этого периода, посвященных свадебному обряду, ход ритуала описывался сжато, зато как можно более полно отражался репертуар свадебных песен. Кроме того, казачьи свадьбы не дифференцировались территориально, обряд представлялся как однородный на всей территории бывшей Области Войска Донского.

Фольклорные материалы, собиравшиеся с 1936 по 1940 гг. в ходе фольклорно-диалектологических экспедиций и индивидуально, вошли в сборник «Фольклор Дона» (1941 г.), составленный Ф.В. Тумилевичем и М.А. Полторацкой. В него включена и «свадебная обрядовая поэзия» [50], которая, по словам авторов, «представлена обрядом и песней» [51]. Именно фокусированием внимания составителей сборника на фольклорном материале объясняется сжатое описание ритуала, записанного в станице Цимлянской и представленного как исполнявшегося на всей территории Дона. По мнению исследователей, свадебный обряд не содержит в себе «ничего лишнего и ненужного» и «играется как по написанному тексту» [52]. Таким образом, авторы отказывают донскому свадебному обряду в территориальной разнообразии, вариативности, возможности включения в него окказиональных элементов. Традиционный свадебный обряд представлялся составителям сборника формой угнетения женщины, значительно усилившегося после заключения брака [53], а свадебные песни – трансляторами социально-политических условий, которые «наложили тяжелый мрачный отпечаток на этот поэтический жанр» [54]. В этих словах выразились взгляды, царившие в науке этого периода, на всю народную обрядность как на часть дореволюционного сознания, являющегося пережитком прошлого и должного уступить место новой советской культуре.

Социальная роль свадебного обряда выходит на первый план и в статье Г.В. Головачева «Свадебная и хороводная обрядовая поэзия на Дону» (1963 г.). Исследователь высказывает мнение о том, что этот ритуал, утратив мистическую и религиозную составляющую, присутствовавшую в нем в прошлые времена, остался «школой общественного воспитания» [55]. Автор включает свадебный обряд в состав русского народного театра, считая его источником народной драматургии [56]. Вследствие этого вся донская свадьба рассматривается им как «игра», состоящая из определенного набора «сцен», а его участники – как ее «действующие лица» [57].

В статье представлено краткое описание обряда, являющееся обобщенным вариантом свадеб разных районов Дона, тексты свадебных песен приведены не полностью, а частями, подтверждающими те или иные суждения автора о поэтике и семантике свадебного фольклора. Автором прослежена трансформация свадебного обряда современного ему колхоза, проявившаяся в утрате ряда «сцен» и изменении самого характера многих эпизодов ритуала [58].

Е.Ф. Критска-Иванова подвела предварительные итоги изучения донской свадьбы, определила типологические и специфические черты казачьего обряда по сравнению с русским и украинским, проанализировала состав и сюжеты донских свадебных песен, а также сопоставила свадебный обряд и фольклор донских казаков и потомков казаков-некрасовцев, переселившихся с Дона в Румынию и Болгарию [59]. Широкому кругу советских читателей донская свадьба была представлена в книге «Как у нас-то было на Тихом Дону» (первое издание – 1985 г.) [60]. В разделе, посвященном донскому свадебному обряду, мы наблюдаем уход от изучения свадьбы как выражения социальных проблем и возврат к рассмотрению ее как «сложного, красочного и выразительного ритуала» [61]. В книге указывается на территориальную неоднородность казачьих обрядов [62]. Однако форма научно-популярного издания не позволила исследователям обозреть все локальные варианты донской свадьбы: в нем представлено компилятивное описание свадебного ритуала на Дону.

На рубеже XX–XXI вв. наступило время осмысления накопленного эмпирического и теоретического материала по донской свадьбе. В.Н. Королев в статье «Брак и семья донских казаков» рассмотрел не только ритуал заключения брака, но и историю его формирования

на Дону, сопоставив точки зрения историков, краеведов и этнографов XIX–XX вв. [63]. Исследователь сделал акцент на допетровские формы заключения брака «на кругу» и «венчание у вербы». Затрагивает автор и вопрос, до сих пор остающийся «белым пятном» в исследованиях о свадебном обряде донских казаков, – о переходе от брака на кругу к продолжительному и развернутому обряду, включающему большое количество эпизодов, участников, атрибутов и ритуальных действий [64]. Причины и особенности такой трансформации бракосочетания на Дону освещены в статье [65].

Донская свадьба и свадебные песни многократно становились объектом исследования ростовских этномузыкологов Т.С. Рудиченко и Т.А. Карташовой. Ими были проанализированы обрядовая лексика свадьбы [66], свадебные обряды отдельных локальных традиций Дона и донских малороссов [67, 68] и, конечно, музыкальная составляющая донского ритуала [69–71].

На сегодняшний день большой объем накопленного материала по донской традиционной культуре заставляет исследователей искать новые способы его теоретического осмысления. Наиболее востребованным направлением современного изучения казачьих обрядов является этнолингвистическое, целью которого является реконструкция древней славянской культуры с привлечением данных разного типа – языковых, этнографических, фольклорных, исторических. При таком подходе обряд понимается как текст, единство которого составляют три кода – вербальный (словесный), реальный (предметный) и акциональный (действенный) [72].

Статья Бориса Николаевича Проценко «Свадебный обряд донских казаков во времени и пространстве» стала итогом многолетнего изучения донской свадьбы [73]. Исследователь первым определил такие особенности казачьего обряда, как его общественный характер, патронажная роль мужа, минимальная сакрализация и большое количество украинских элементов [74]. Автор перечислил те черты донской свадьбы, которые появились в результате украинского влияния, а также проследил изменения, произошедшие в проведении обряда на протяжении XX в. [75].

В последние годы исследователи обращаются к этнолингвистическому анализу отдельных компонентов донской свадьбы. Б.Н. Проценко и Н.С. Поповой изучены предсвадебные обряды у казаков, Б.Н. Проценко – образ и функции донского свадебного колдуна, М.А. Карпун – элементы растительного кода в донском обряде, Т.Б. Диановой и Т.Е. Гревцовой (Шепеленко) – свадебное застолье и обрядовый хлеб [76–82]. Одной из характерных черт этнолингвистических работ является пристальное внимание к языковой составляющей обряда. Это нашло отражение и в работах по казачьей свадьбе. Т.Е. Гревцовой и Н.С. Поповой проанализирован язык донского свадебного обряда [83–85]. На основе этнолингвистического метода Е.В. Брысиной осуществлено комплексное описание этнокультурной идиоматики казачьей свадьбы [86, 87].

Продолжается исследование фольклорной и музыкальной составляющей донской свадьбы, региональных вариантов обряда, а также характеристика особенностей заключения брака на Дону в целом [88–90]. Такие исследования проводятся в том числе с целью анализа трансформации свадебного обряда донских казаков, произошедших в XX в. [91, 92]. А.Х. Гольденбергом, Р.И. Кудряшовой и М.А. Чернышовой впервые предпринята попытка изучения свадеб казаков-старообрядцев Волгоградской области [93]. Кроме того, ростовские исследователи продолжают обращаться к свадебному обряду донских малороссов [94, 95].

Не теряет своей актуальности исследование свадебных обрядов казаков-некрасовцев [96–101]. В рамках выполнения исследовательской работы по теме «Историческая динамика традиционной культуры казаков-некрасовцев» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» Н.А. Власкиной была проанализирована историческая динамика некрасовской свадьбы. Сопоставление материалов полевых записей, сделанных в Левокумском районе Ставропольского края, и опубликованных работ по данной проблематике, отражающих более ранний срез культуры этой группы казаков, позволил автору выделить факторы, обусловившие изменения в свадебном обряде казаков-некрасовцев, проследить их влияние на некрасовскую традицию и сделать вывод о том, что этот ритуал не оставался неизменным в период проживания некрасовцев в Турции, как это считалось ранее [102].

Выводы и перспективы исследования

Таким образом, более чем за два века истории обращения к свадебному обряду донских казаков был накоплен не только обширный фактический материал, но и ряд исследовательских подходов к его интерпретации.

В конце XVIII – начале XIX вв. донской свадебный обряд представлялся как интересное, любопытное действие, сохранившее в себе «дух старины», поэтому в первую очередь взгляды исследователей обращались не к современным им свадьбам, а к «рыцарскому» способу заключения брака на кругу. На протяжении XIX в. происходили активное собирание и публикация материала по свадебному обряду донских казаков и малороссов. Итогом этой работы стали представления о территориальной неоднородности ритуала на Дону, значительном влиянии украинской традиции и воинского характера духовной культуры казаков на формирование основных черт донской свадьбы.

Первую половину XX в. можно охарактеризовать как время подъема исследовательского интереса к казачьему свадебному обряду, что, несомненно, связано с работами А.М. Листопадова и Ф.В. Тумилевича. Политическая ситуация 1930–1970-х гг. наложила отпечаток и на суждения донских исследователей о свадьбе, религиозная и мифологическая составляющая которой считалась пережитком дореволюционного сознания народа, а сам обряд характеризовался как форма угнетения женщины в имперской России.

С поворотом исследований традиционной культуры казачества в «этнолингвистическое русло» наблюдается сужение и специализация работ, посвященных свадебному обряду донских казаков, изучение отдельных компонентов или кодов ритуала, его частей, свадеб ограниченных территорий. В этом нужно видеть закономерность, поскольку этот обрядовый цикл настолько сложен семантически, настолько насыщен символическими атрибутами и образами, что каждый из его компонентов может стать предметом крупных научных исследований.

В целом исследователи разных периодов отмечали, что во всей полноте свадьбы игрались «раньше», а зафиксированные ими ритуалы утратили часть ритуальных действий и целые эпизоды. Современная свадьба предстает в таких работах как «осколок» некоего древнего обряда. При этом в одних районах, по мнению авторов, свадебный обряд сохраняется в большем объеме, чем в других. Однако донская земля, «принявшая у себя» переселенцев из разных регионов России, характеризуется пестротой локальных вариантов свадебного обряда, и сложно считать какой-то из них более или менее полным. Мы не можем согласиться и с утверждением о тотальной утрате ритуала, поскольку, как и вся традиционная культура, свадебный обряд не остается неизменным, он трансформируется, и каким он предстанет для будущих исследователей, может показать только время.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания ФАНО России по проведению фундаментальных исследований по теме «Историко-культурное наследие народов юга России в условиях модернизации» (№0260-2014-0006).

Примечания

1. Архипенко Н.А., Власкина Т.Ю., Рудиченко Т.С. Исследование языка, фольклора и традиционной культуры Подонья: история и современность // Традиционная культура. 2004. №4(16). С. 3–15.
2. Рудиченко Т.С. Из истории изучения фольклора и этнографии донских казаков // Очерки традиционной культуры казачеств России / под общ. ред. проф. Н.И. Бондаря. М.–Краснодар: КГТНОУ «Кубанский казачий хор», 2002. Т. 1. С. 54–64, 125–128.
3. Азадовский М.К. История русской фольклористики: в 2 т. Т. 1. М.: Учпедгиз, 1958. С. 124.
4. Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, вероисповеданий и прочих достопамятностей. Ч. 4. СПб.: Императорская академия наук, 1799. С. 211; Кирсанов Х.П. Старинные свадебные обряды донских казаков // Северная Пчела. 1831. №258. С. 3.
5. Георги Г.И. Описание... С. 211.

6. Сухоруков В.Д. Общежитие донских казаков в XVII и XVIII столетиях. Исторический очерк. Издание газеты «Донская Речь». Новочеркасск: Областная войска Донского типография, 1892. С. 68.
7. Сухоруков В.Д. Общежитие ... С. 87; Броневский В.Б. История Донского войска. Ч. III. СПб.: Типография экспедиции заготовления государственных бумаг, 1834. С. 214.
8. Георги Г.И. Описание... С. 211.
9. Ригельман А.И. История или повествование о донских казаках 1778 года. М.: Университетская типография, 1846. С. 9.
10. Кательников Е. Историческое сведение Войска Донского о Верхне-Курмоярской станице // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. 1863. Кн. 3. С. 12–13.
11. Георги Г.И. Описание... С. 211.
12. Сухоруков В.Д. Общежитие... С. 68–87.
13. Азадовский М.К. История русской фольклористики. С. 180.
14. Броневский В.Д. История Донского войска...
15. Терещенко А.В. Быт русского народа. Т.2. Свадьбы. СПб.: Типография военно-учебных заведений, 1848. С. 606–617.
16. Кирсанов Х.П. Старинные свадебные обряды донских казаков... № 258–259.
17. Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России. Т. 7. Земля войска Донского. СПб.: Типография департамента Генерального штаба, 1863. С. 424.
18. Савельев А.М. Сборник донских народных песен. СПб.: Издание Донского Войскового Статического Комитета, 1866. С. 65.
19. Номикосов С.Ф. Статистическое описание Области Войска Донского. В 5 т. Т. 1. Новочеркасск: Областная войска Донского типография, 1884. С. 298–299.
20. Харузин М.Н. Сведения о казацких общинах на Дону. Материалы для обычного права. Вып. 1. М.: Типография М.П. Щепкина, 1885. С. 115.
21. Краснов Н.И. Материалы... С. 424; Номикосов С.Ф. Статистическое описание... С. 297–298.
22. Краснов Н.И. Материалы... С. 424.
23. Савельев А.М. Сборник донских народных песен... С. 65–72.
24. Картины из народной жизни донских казаков. М.: Типография Грачева и к., 1871. 72 с.
25. Авраамов. Свадебные обычаи в одной из станиц Черкасского округа (этнографический очерк) // Донские областные ведомости. 1875. № 50, 51, 57.
26. Маршалков С. Обряды малороссийской свадьбы в области Войска Донского // Донские областные ведомости. 1876. №12. С. 2–4.
27. Поляков. Старинная донская свадьба // Донские областные ведомости. 1975. №22. С. 2–3.
28. Пономарев С. Луганская станица (этнографический очерк): о праздниках, рукобитье, подвеселках и свадьбе Луганской станицы // Донские областные ведомости. 1876. № 50. С. 2–3.
29. Ребров Я. Старочеркасские свадебные обряды // Донская газета. 1875. № 30.
30. Маршалков С. Обряды малороссийской свадьбы в области Войска Донского...
31. Пономарев С. Луганская станица...
32. Антонов И. Слобода Криворожье // Донские областные ведомости. 1877. № 58–59.
33. Миртов А.В. Казачья свадьба на хуторах Митякинской станицы // Педагогическая мысль. Ростов н/Д, 1918. № 8.
34. Харузин М.Н. Сведения о казацких общинах на Дону ... С. 159–162.
35. Савельев Е.П. Древняя история казачества. М.: Вече, 2010. С. 264–265.
36. Савельев Е.П. Древняя история казачества... С. 267–268.
37. Листопадов А.М. Песни донских казаков: в 5 т. / Под общей редакцией Г. Сердюченко. Т. 5. М.: Музгиз, 1954. С. 135.
38. Песни донских казаков, собранные в 1902–1903 гг. А.М. Листопадовым и С.Я. Арефиным. Вып. 1. М.: Нотопечатня П. Юргенсона, 1911. С. 117–128.
39. Листопадов А.М. Старинная казачья свадьба на Дону (обряды и словесные тексты). Ростов н/Д: Ростовское областное книгоиздательство, 1947. С. 5.

40. Листопадов А.М. Старинная казачья свадьба на Дону. С. 5.
41. Листопадов А.М. Песни донских казаков. Т. 5. С. 35–298.
42. Сердюченко Г.П. А.М. Листопадов. М.: Государственное музыкальное издательство, 1955. С. 92.
43. Сердюченко Г.П. А.М. Листопадов. С. 29.
44. Тумилевич Ф.В. Песни казаков-некрасовцев. Ростов н/Д: Ростовиздат, 1947. 174 с.
45. Тумилевич Ф.В. Старинная свадьба у некрасовцев // Фольклор некрасовцев. Записал Ф.В. Тумилевич. Ростов н/Д: Ростовское областное книгоиздательство, 1941. С. 203–222.
46. Тумилевич Ф.В. Свадебный обряд у казаков-некрасовцев // Ученые записки Ростовского-на-Дону государственного университета. Том XXXXV. Труды историко-филологического факультета. Вып.6. Ростов н/Д: Ростиздат, 1958. С. 129–158.
47. Тумилевич Ф.В. Свадебный обряд у казаков-некрасовцев... С. 130–134.
48. Тумилевич Ф.В. Свадебный обряд у казаков-некрасовцев... С. 134.
49. Иванова Т.Г. История русской фольклористики XX века: 1900 – первая половина 1941 гг. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 8.
50. Фольклор Дона. Сборник второй / Сост. Ф.В. Тумилевич и М.А. Полторацкая. Ростов н/Д: Ростовское областное книгоиздательство, 1941. С. 3.
51. Фольклор Дона. С. 8.
52. Фольклор Дона. С. 8.
53. Фольклор Дона. С. 9.
54. Фольклор Дона. С. 12.
55. Головачев Г.В. Свадебная и хороводная обрядовая поэзия на Дону // Народная устная поэзия Дона (Материалы научной конференции по народному творчеству донского казачества 18–23 декабря 1961 г.). Ростов н/Д: Изд-во Ростовского университета, 1963. С. 179.
56. Головачев Г.В. Свадебная и хороводная обрядовая поэзия на Дону... С. 179.
57. Головачев Г.В. Свадебная и хороводная обрядовая поэзия на Дону... С. 180.
58. Головачев Г.В. Свадебная и хороводная обрядовая поэзия на Дону... С. 185.
59. Критска-Иванова Е.Ф. Свадебный обряд и свадебный фольклор донских казаков. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1978. 19 с.
60. Новак Л., Фрадкина Н., Мовчан А. Как у нас-то было на Тихом Дону. Историко-этнографические очерки. Ростов н/Д: Ростовкнига, 2013. С. 200–217.
61. Новак Л., Фрадкина Н., Мовчан А. Как у нас-то было на Тихом Дону. С. 201.
62. Новак Л., Фрадкина Н., Мовчан А. Как у нас-то было на Тихом Дону. С. 216.
63. Королев В.Н. Брак и семья у донских казаков // Абрамов М.Ю., Вальдин А.С., Королев В.Н., Корягин С.В. Астаховы и другие. Серия «Генеалогия и семейная история донского казачества». Вып. 16. М.: Русаки, 2001. С. 73–104.
64. Королев В.Н. Брак и семья у донских казаков. С. 87.
65. Королев В.Н. Брак и семья у донских казаков. С. 86–92.
66. Рудиченко Т.С. Специальная лексика акционального и персонажного кодов донской свадьбы // Вопросы этномузыкознания. 2014. №4(9). С. 6–14.
67. Рудиченко Т.С. Особенности свадебного ритуала казачьих поселений юга Донецкого округа (по экспедиционным материалам) // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 1999 год (Дикаревские чтения 6). Краснодар: КГТНОУ «Кубанский казачий хор», 2000. С. 91–95.
68. Карташова Т.А. Свадебный обряд донских малороссов // Памяти А.М. Листопадова. Ростов н/Д: Гефест, 1997 С. 132–139.
69. Рудиченко Т.С. Припевки-тирады в донской свадьбе (к изучению универсалий фольклора) // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2005 год. Дикаревские чтения (12). Краснодар: ООО РИЦ «Мир Кубани», 2006. С. 220–230.
70. Карташова Т.А. Особенности свадебных песен донских малороссов // Традиционная культура. 2004. №4. С. 91–98.
71. Карташова Т.А. Песенная традиция украинцев Дона в прошлом и настоящем: исследование / под ред. Т.С. Рудиченко. Ростов н/Д: Изд-во Ростовской государственной консерватории им. С.В. Рахманинова, 2014. С. 43–64.

72. Толстой Н.И. Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин // Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. С. 23.
73. Проценко Б.Н. Свадебный обряд донских казаков во времени и пространстве // Традиционная культура. 2004. №4. С. 26–34.
74. Проценко Б.Н. Свадебный обряд донских казаков во времени и пространстве... С. 28–29.
75. Проценко Б.Н. Свадебный обряд донских казаков во времени и пространстве... С. 29–34.
76. Проценко Б.Н. Предсвадебный этап в современной фольклорной традиции Дона. Из наблюдений над фольклорными текстами современного обряда // Традиционная культура. 2008. №2. С. 56–61.
77. Попова Н.С. «Подушки»: предсвадебный обряд донских казаков // Живая старина. 2012. №4. С. 6–8.
78. Проценко Б.Н. Донской свадебный колдун: образ, действия, функции, значение // Христианство и христианская культура в степном Предкавказье и на Северном Кавказе. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. гос. консерватории им. С.В. Рахманинова, 2000. С. 235–245.
79. Карпун М.А. Об одном из элементов нравственно-поведенческого кодекса донских казаков // Система ценностей современного общества. 2009. №5–1. С. 111–114.
80. Дианова Т.Б. Традиционное свадебное застолье на Дону // Традиционное русское застолье: сборник статей. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2008. С. 96–117
81. Шепеленко Т.Е. Наименования, формы и действия с хлебом в ритуале сватовства по донским этнолингвистическим материалам // Доклады молодых исследователей. Сборник научных статей. Ростов н/Д: НМЦ «Логос», 2009. С. 107–110
82. Гревцова Т.Е. Каравай как обрядовая реалья и культурный термин в свадьбе донских казаков // Стратегическое планирование в полиэтничном макрорегионе в условиях неравномерного развития и роста напряженности: Материалы Всероссийской научной конференции (3–4 октября 2013 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. С. 174–178.
83. Гревцова Т.Е. Свадебный хлеб как культурный термин: концепция статьи «Этнолингвистического словаря донского казачества» // Фестиваль Недели науки Юга России. Материалы Региональной студенческой конференции: в 3 т. Ростов н/Д: Изд-во Южного федерального университета, 2012. Т.3. С. 74–77.
84. Попова Н.С. О синкретическом характере языка традиционной свадьбы донских казаков (на примере предсвадебной обрядности в станице Раздорской) // VIII Ежегодная научная конференция студентов и аспирантов базовых кафедр Южного научного центра РАН: тезисы докладов (11–26 апреля 2012 г., г. Ростов-на-Дону). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. С. 412–413.
85. Гревцова Т.Е. Донские наименования обрядового хлеба первого дня свадьбы на восточнославянском фоне // Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография. 2013: сборник статей. СПб.: Нестор-История, 2013 С. 81–91.
86. Брысина Е.В. «У вас товар, у нас купец». Обрядовая фразеология донской казачьей свадьбы // Русская речь. 2003. №3. С. 91–98.
87. Брысина Е.В. Этнокультурная идиоматика донского казачества. Волгоград: Перемена, 2003. С. 61–71.
88. Дианова Т.Б. Песни тирадной структуры в составе свадебного обряда на Нижнем Дону // Традиционная культура. 2011. №3. С. 92–106.
89. Литвиненко О.В. Заметки о свадебных обрядах в северных районах Ростовской области (подготовка к публикации Т.С. Рудиченко) // Памяти Листопадова. Ростов н/Д: Гефест, 1997. С. 154–162.
90. Рудиченко Т.С., Рыблова М.А. Традиционная культура донского казачества в XIX – начале XX в. // Очерки истории и культуры казачества Юга России: коллективная монография / Под ред. Г.Г. Матишова, И.О. Тюменцева. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2014. С. 424–471.

91. Попова Н.С. Историческая динамика предсвадебных обрядов в локальной традиции (на примере станицы Раздорской) // Проблематика бытования русского языка и русской культуры на Юге России: история, современность и перспективы: Материалы Всероссийского научно-практического семинара (6–7 декабря 2011 г.). Ставрополь: Сервисшкола, 2012. С. 273–280.
92. Попова Н.С. Мониторинг состояния традиционной обрядности станицы Раздорской // Проблемы истории, филологии, культуры. 2013. №3(41). Москва – Магнитогорск – Новосибирск: Магнитогорский государственный университет. С. 342–349.
93. Гольденберг А.Х., Кудряшова Р.И., Чернышова М.А. Свадьба у казаков-старообрядцев Волгоградской области // Сельская Россия: прошлое и настоящее. Вып. 3. Доклады и сообщения девятой российской научно-практической конференции (Москва, декабрь, 2004). М.: Изд-во НКПО «Энциклопедия российских деревень», 2004. С. 204–208.
94. Карпун М.А. Об одном из элементов растительного кода (крокис) в структуре свадебного обряда малороссов Миллеровского района Ростовской области // Украинцы юга России: проблемы истории, культуры, социально-экономического развития: Материалы Международной научной конференции (3–4 октября 2013 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. С. 277–281.
95. Гревцова Т.Е. Названия, формы и функции обрядового свадебного хлеба русско-украинского пограничья на восточнославянском фоне (на материале Миллеровского, Тарасовского районов Ростовской области и Луганской области Украины) // Украинцы юга России: проблемы истории, культуры, социально-экономического развития: Материалы Международной научной конференции (3–4 октября 2013 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. С. 258–265.
96. Абрамова Т.Н. Традиционный комплекс женской одежды в свадебном обряде казаков-некрасовцев // Известия Ростовского областного музея краеведения. Ростов н/Д, 1989. Вып. 6. С. 116–124.
97. Абрамова Т.Н. О введении церковных элементов в свадебный обряд донских казаков // Культура донского края: страницы истории. Ростов н/Д: РГУ, 1993. С. 136–150.
98. Абрамова Т.Н. Некрасовские рогатые кички (к проблеме идентификации одежды казаков-некрасовцев) // Памяти А.М. Листопада: сборник научных статей. Ростов н/Д: Гефест, 1997. С. 82–90.
99. Медведева В.Н. Свадьба казаков-некрасовцев // Обрядовая поэзия. Кн. 2. Семейно-бытовой фольклор / сост., подгот. текстов и коммент. Ю.Г. Круглова. М.: Русская книга, 1997.
100. Якоби Л.А. Особенности свадебного обряда некрасовских казаков // Казаки-некрасовцы: язык, история, культура: сборник научных статей. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. С. 408–420.
101. Успенская Л.Н. Персональный код свадьбы казаков-некрасовцев в этнолингвистическом изучении // IX Ежегодная научная конференция студентов и аспирантов базовых кафедр Южного научного центра РАН: тезисы докладов конференции (г. Ростов-на-Дону, 11–24 апреля 2013 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. С. 348–349.
102. Власкина Н.А. Динамика свадебной обрядности казаков-некрасовцев // Историческая динамика традиционной культуры казаков-некрасовцев: отчет о НИР (заключительный) / Ин-т социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН; рук. Власкина Н.А.; исполн. Архипенко Н.А., Власкина Т.Ю., Гревцова Т.Е. Ростов н/Д, 2014. С. 30–41. № ГР 01201265611.

References:

1. Arhipenko N.A., Vlaskina T.Ju., Rudichenko T.S. Issledovanie jazyka, fol'klora i tradicionnoj kul'tury Podon'ja: istorija i sovremennost' // Tradicionnaja kul'tura. 2004. №4(16). S. 3–15.
2. Rudichenko T.S. Iz istorii izuchenija fol'klora i jetnografii donskih kazakov // Oчерki tradicionnoj kul'tury kazachestv Rossii / pod obshh. red. prof. N.I. Bondarja. M.–Krasnodar: KGTNOU «Kubanskij kazachij hor», 2002. T. 1. S. 54–64, 125–128.
3. Azadovskij M.K. Istorija russoj fol'kloristiki: v 2 t. T. 1. M.: Uchpedgiz, 1958. S. 124.
4. Georgi I.G. Opisanie vseh obitajushhij v Rossijskom gosudarstve narodov i ih zHITEjskih obrjadov, obyknovenij, odezhd, veroispovedanij i prochih dostopamjatnostej. Ch. 4. SPb.:

- Imperatorskaja akademija nauk, 1799. S. 211; Kirsanov H.P. Starinnye svadebnye obrjady donskih kazakov // Severnaja Pchela. 1831. №258. S. 3.
5. Georgi G.I. Opisanie... S. 211.
  6. Suhorukov V.D. Obshhezhitie donskih kazakov v XVII i XVIII stoletijah. Istoricheskij ocherk. Izdanie gazety "Donskaja Rech". Novocherkassk: Oblastnaja vojska Donskogo tipografija, 1892. S. 68.
  7. Suhorukov V.D. Obshhezhitie ... S. 87; Bronevskij V.B. Istorija Donskogo vojska. Ch. III. SPb.: Tipografija jekspedicii zagotovlenija gosudarstvennyh bumag, 1834. S. 214.
  8. Georgi G.I. Opisanie... S. 211.
  9. Rigel'man A.I. Istorija ili povestvovanie o donskih kazakah 1778 goda. M.: Universitetskaja tipografija, 1846. S. 9.
  10. Katel'nikov E. Istoricheskoe svedenie Vojska Donskogo o Verhne-Kurmojarskoj stanice // Chtenija v Imperatorskom obshhestve istorii i drevnostej rossijskih. 1863. Kn. 3. S. 12–13.
  11. Georgi G.I. Opisanie... S. 211.
  12. Suhorukov V.D. Obshhezhitie... S. 68–87.
  13. Azadovskij M.K. Istorija ruskoj fol'kloristiki. S. 180.
  14. Bronevskij V.D. Istorija Donskogo vojska...
  15. Tereshhenko A.V. Byt rusckogo naroda. T.2. Svad'by. SPb.: Tipografija voenno-uchebnyh zavedenij, 1848. S. 606–617.
  16. Kirsanov H.P. Starinnye svadebnye obrjady donskih kazakov... № 258–259.
  17. Krasnov N.I. Materialy dlja geografii i statistiki Rossii. T. 7. Zemlja vojska Donskogo. SPb.: Tipografija departamenta General'nogo shtaba, 1863. S. 424.
  18. Savel'ev A.M. Sbornik donskih narodnyh pesen. SPb.: Izdanie Donskogo Vojskovogo Statcheskogo Komiteta, 1866. S. 65.
  19. Nomikosov S.F. Statisticheskoe opisanie Oblasti Vojska Donskogo. V 5 t. T. 1. Novocherkassk: Oblastnaja vojska Donskogo tipografija, 1884. S. 298–299.
  20. Haruzin M.N. Svedenija o kazackih obshhinah na Donu. Materialy dlja obychnogo prava. Vyp. 1. M.: Tipografija M.P. Shhepkina, 1885. S. 115.
  21. Krasnov N.I. Materialy... S. 424; Nomikosov S.F. Statisticheskoe opisanie... S. 297–298.
  22. Krasnov N.I. Materialy... S. 424.
  23. Savel'ev A.M. Sbornik donskih narodnyh pesen... S. 65–72.
  24. Kartiny iz narodnoj zhizni donskih kazakov. M.: Tipografija Gracheva i k., 1871. 72 s.
  25. Avraamov. Svadebnye obychai v odnoj iz stanic Cherkasskogo okruga (jetnograficheskij ocherk) // Donskie oblastnye vedomosti. 1875. № 50, 51, 57.
  26. Marshalkov S. Obrjady malorossijskoj svad'by v oblasti Vojska Donskogo // Donskie oblastnye vedomosti. 1876. №12. S. 2–4.
  27. Poljakov. Starinnaja donskaja svad'ba // Donskie oblastnye vedomosti. 1975. №22. S. 2–3.
  28. Ponomarev S. Luganskaja stanica (jetnograficheskij ocherk): o prazdnikah, rukobit'e, podveselkah i svad'be Luganskoj stanicy // Donskie oblastnye vedomosti. 1876. № 50. S. 2–3.
  29. Rebrov Ja. Starocherkasskie svadebnye obrjady // Donskaja gazeta. 1875. № 30.
  30. Marshalkov S. Obrjady malorossijskoj svad'by v oblasti Vojska Donskogo...
  31. Ponomarev S. Luganskaja stanica...
  32. Antonov I. Sloboda Krivorozh'e // Donskie oblastnye vedomosti. 1877. № 58–59.
  33. Mirtov A.V. Kazach'ja svad'ba na hutorah Mitjakinskoj stanicy // Pedagogicheskaja mysl'. Rostov n/D, 1918. № 8.
  34. Haruzin M.N. Svedenija o kazackih obshhinah na Donu... S. 159–162.
  35. Savel'ev E.P. Drevnjaja istorija kazachestva. M.: Veche, 2010. S. 264–265.
  36. Savel'ev E.P. Drevnjaja istorija kazachestva... S. 267–268.
  37. Listopadov A.M. Pesni donskih kazakov: v 5 t. / Pod obshhej redakciej G. Serdjuchenko. T. 5. M.: Muzgiz, 1954. S. 135.
  38. Pesni donskih kazakov, sobrannye v 1902–1903 gg. A.M. Listopadovym i S.Ja. Arefinym. Vyp. 1. M.: Notopechatija P. Jurgensona, 1911. S. 117–128.
  39. Listopadov A.M. Starinnaja kazach'ja svad'ba na Donu (obrrjady i slovesnye teksty). Rostov n/D: Rostovskoe oblastnoe knigoizdatel'stvo, 1947. S. 5.
  40. Listopadov A.M. Starinnaja kazach'ja svad'ba na Donu. S. 5.
  41. Listopadov A.M. Pesni donskih kazakov. T. 5. S. 35–298.

42. Serdjuchenko G.P. A.M. Listopadov. M.: Gosudarstvennoe muzykal'noe izdatel'stvo, 1955. S. 92.
43. Serdjuchenko G.P. A.M. Listopadov. S. 29.
44. Tumilevich F.V. Pesni kazakov-nekrasovcev. Rostov n/D: Rostovizdat, 1947. 174 s.
45. Tumilevich F.V. Starinnaja svad'ba u nekrasovcev // Fol'klor nekrasovcev. Zapisal F.V. Tumilevich. Rostov n/D: Rostovskoe oblastnoe knigoizdatel'stvo, 1941. S. 203–222.
46. Tumilevich F.V. Svadebnyj obrjad u kazakov-nekrasovcev // Uchenye zapiski Rostovskogo-na-Donu gosudarstvennogo universiteta. Tom XXXXV. Trudy istoriko-filologicheskogo fakul'teta. Vyp.6. Rostov n/D: Rostizdat, 1958. S. 129–158.
47. Tumilevich F.V. Svadebnyj obrjad u kazakov-nekrasovcev... S. 130–134.
48. Tumilevich F.V. Svadebnyj obrjad u kazakov-nekrasovcev... S. 134.
49. Ivanova T.G. Istorija ruskoj fol'kloristiki XX veka: 1900 – pervaja polovina 1941 gg. SPb.: Dmitrij Bulanin, 2009. S. 8.
50. Fol'klor Dona. Sbornik vtoroj / Sost. F.V. Tumilevich i M.A. Poltorackaja. Rostov n/D: Rostovskoe oblastnoe knigoizdatel'stvo, 1941. S. 3.
51. Fol'klor Dona. S. 8.
52. Fol'klor Dona. S. 8.
53. Fol'klor Dona. S. 9.
54. Fol'klor Dona. S. 12.
55. Golovachev G.V. Svadebnaja i horovodnaja obrjadovaja pojezija na Donu // Narodnaja ustnaja pojezija Dona (Materialy nauchnoj konferencii po narodnomu tvorcestvu donskogo kazachestva 18–23 dekabnja 1961 g.). Rostov n/D: Izd-vo Rostovskogo universiteta, 1963. S. 179.
56. Golovachev G.V. Svadebnaja i horovodnaja obrjadovaja pojezija na Donu... S. 179.
57. Golovachev G.V. Svadebnaja i horovodnaja obrjadovaja pojezija na Donu... S. 180.
58. Golovachev G.V. Svadebnaja i horovodnaja obrjadovaja pojezija na Donu... S. 185.
59. Kritska-Ivanova E.F. Svadebnyj obrjad i svadebnyj fol'klor donskih kazakov. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. L., 1978. 19 s.
60. Novak L., Fradkina N., Movchan A. Kak u nas-to bylo na Tihom Donu. Istoriko-jetnograficheskie ocherki. Rostov n/D: Rostovkniga, 2013. S. 200–217.
61. Novak L., Fradkina N., Movchan A. Kak u nas-to bylo na Tihom Donu. S. 201.
62. Novak L., Fradkina N., Movchan A. Kak u nas-to bylo na Tihom Donu. S. 216.
63. Korolev V.N. Brak i sem'ja u donskih kazakov // Abramov M.Ju., Val'din A.S., Korolev V.N., Korjagin S.V. Astahovy i drugie. Serija "Genealogija i semejnaja istorija donskogo kazachestva". Vyp. 16. M.: Rusaki, 2001. S. 73–104.
64. Korolev V.N. Brak i sem'ja u donskih kazakov. S. 87.
65. Korolev V.N. Brak i sem'ja u donskih kazakov. S. 86–92.
66. Rudichenko T.S. Special'naja leksika akcional'nogo i personazhnogo kodov donskoj svad'by // Voprosy jetnomuzykoznanija. 2014. №4(9). S. 6–14.
67. Rudichenko T.S. Osobennosti svadebnogo rituala kazach'ih poselenij juga Doneckogo okruga (po jekspedicionnym materialam) // Itogi fol'klorno-jetnograficheskikh issledovanij jetnicheskikh kul'tur Kubani za 1999 god (Dikarevskie chtenija 6). Krasnodar: KGTNOU «Kubanskij kazachij hor», 2000. S. 91–95.
68. Kartashova T.A. Svadebnyj obrjad donskih malorossov // Pamjati A.M. Listopadova. Rostov n/D: Gefest, 1997 S. 132–139.
69. Rudichenko T.S. Pripevki-tirady v donskoj svad'be (k izucheniju universalij fol'klora) // Itogi fol'klorno-jetnograficheskikh issledovanij jetnicheskikh kul'tur Severnogo Kavkaza za 2005 god. Dikarevskie chtenija (12). Krasnodar: OOO RIC «Mir Kubani», 2006. S. 220–230.
70. Kartashova T.A. Osobennosti svadebnyh pesen donskih malorossov // Tradicionnaja kul'tura. 2004. №4. S. 91–98.
71. Kartashova T.A. Pesennaja tradicija ukraincev Dona v proshlom i nastojashhem: issledovanie / pod red. T.S. Rudichenko. Rostov n/D: Izd-vo Rostovskoj gosudarstvennoj konservatorii im. S.V. Rahmaninova, 2014. S. 43–64.
72. Tolstoj N.I. Jetnolingvistika v krugu gumanitarnyh disciplin // Tolstoj N.I. Jazyk i narodnaja kul'tura. Ocherki po slavjanskoj mifologii i jetnolingvistike. M.: Indrik, 1995. S. 23.
73. Procenko B.N. Svadebnyj obrjad donskih kazakov vo vremeni i prostranstve // Tradicionnaja kul'tura. 2004. №4. S. 26–34.

74. Procenko B.N. Svadebnyj obrjad donskih kazakov vo vremeni i prostranstve... S. 28–29.
75. Procenko B.N. Svadebnyj obrjad donskih kazakov vo vremeni i prostranstve... S. 29–34.
76. Procenko B.N. Predsvadebnyj jetap v sovremennoj fol'klornoj tradicii Dona. Iz nabljudenij nad fol'klornymi tekstami sovremennogo obrjada // Tradicionnaja kul'tura. 2008. №2. S. 56–61.
77. Popova N.S. «Podushki»: predsvadebnyj obrjad donskih kazakov // Zhivaja starina. 2012. №4. S. 6–8.
78. Procenko B.N. Donskoj svadebnyj koldun: obraz, dejstvija, funkcii, znachenie // Hristianstvo i hristianskaja kul'tura v stepnom Predkavkaz'e i na Severnom Kavkaze. Rostov n/D: Izd-vo Rostov. gos. konservatorii im. S.V. Rahmaninova, 2000. S. 235–245.
79. Karpun M.A. Ob odnom iz jelementov npravstvenno-povedencheskogo kodeksa donskih kazakov // Sistema cennostej sovremennogo obshhestva. 2009. №5–1. S. 111–114.
80. Dianova T.B. Tradicionnoe svadebnoe zastol'e na Donu // Tradicionnoe russkoe zastol'e: sbornik statej. M.: Gosudarstvennyj respublikanskij centr russkogo fol'klora, 2008. S. 96–117
81. Shepelenko T.E. Naimenovanija, formy i dejstvija s hlebom v rituale svatovstva po donskim jetnolingvisticheskim materialam // Doklady molodyh issledovatelej. Sbornik nauchnyh statej. Rostov n/D: NMC "Logos", 2009. C. 107–110
82. Grevcova T.E. Karavaj kak obrjadovaja realija i kul'turnyj termin v svad'be donskih kazakov // Strategicheskoe planirovanie v polijetnichnom makroregione v uslovijah neravnomernogo razvitija i rosta naprjazhennosti: Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii (3–4 oktjabrja 2013 g., Rostov-na-Donu). Rostov n/D: Izd-vo JuNC RAN, 2013. S. 174–178.
83. Grevcova T.E. Svadebnyj hleb kak kul'turnyj termin: koncepcija stat'i «Jetnolingvisticheskogo slovarja donskogo kazachestva» // Festival' Nedeli nauki Juga Rossii. Materialy Regional'noj studencheskoj konferencii: v 3 t. Rostov n/D: Izd-vo Juzhnogo federal'nogo universiteta, 2012. T.3. S. 74–77.
84. Popova N.S. O sinkreticheskom haraktere jazyka tradicionnoj svad'by donskih kazakov (na primere predsvadebnoj obrjadnosti v stanice Razdorskoj) // VIII Ezhegodnaja nauchnaja konferencija studentov i aspirantov bazovyh kafedr Juzhnogo nauchnogo centra RAN: tezisy dokladov (11–26 aprelja 2012 g., g. Rostov-na-Donu). Rostov n/D: Izd-vo JuNC RAN, 2012. S. 412–413.
85. Grevcova T.E. Donskie naimenovanija obrjadovogo hleba pervogo dnja svad'by na vostochnoslavjanskom fone // Sovremennaja russkaja leksikologija, leksikografija i lingvogeografija. 2013: sbornik statej. SPb.: Nestor-Istorija, 2013 S. 81–91.
86. Brysina E.V. "U vas tovar, u nas kupec". Obrjadovaja frazeologija donskoj kazach'ej svad'by // Russkaja rech'. 2003. №3. S. 91–98.
87. Brysina E.V. Jetnokul'turnaja idiomatika donskogo kazachestva. Volgograd: Peremena, 2003. S. 61–71.
88. Dianova T.B. Pesni tiradnoj struktury v sostave svadebnogo obrjada na Nizhnem Donu // Tradicionnaja kul'tura. 2011. №3. S. 92–106.
89. Litvinenko O.V. Zametki o svadebnyh obrjadah v severnyh rajonah Rostovskoj oblasti (podgotovka k publikacii T.S. Rudichenko) // Pamjati Listopadova. Rostov n/D: Gefest, 1997. S. 154–162.
90. Rudichenko T.S., Ryblova M.A. Tradicionnaja kul'tura donskogo kazachestva v XIX – nachale XX v. // Ocherki istorii i kul'tury kazachestva Juga Rossii: kollektivnaja monografija / Pod red. G.G. Matishova, I.O. Tjumenceva. Volgograd: Izd-vo Volgogradskogo filiala FGBOU VPO RANHiGS, 2014. S. 424–471.
91. Popova N.S. Istoricheskaja dinamika predsvadebnyh obrjadov v lokal'noj tradicii (na primere stanicy Razdorskoj) // Problematika bytovanija russkogo jazyka i russkoj kul'tury na Juge Rossii: istorija, sovremennost' i perspektivy: Materialy Vserossijskogo nauchno-prakticheskogo seminara (6–7 dekabrja 2011 g.). Stavropol': Servisshkola, 2012. S. 273–280.
92. Popova N.S. Monitoring sostojanija tradicionnoj obrjadnosti stanicy Razdorskoj // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2013. №3(41). Moskva – Magnitogorsk – Novosibirsk: Magnitogorskij gosudarstvennyj universitet. S. 342–349.

93. Gol'denberg A.H., Kudrjashova R.I., Chernyshova M.A. Svad'ba u kazakov-starobryadcev Volgogradskoj oblasti // Sel'skaja Rossija: proshloe i nastojashhee. Vyp. 3. Doklady i soobshhenija devjatoj rossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Moskva, dekabr', 2004). M.: Izd-vo NKPO «Jenciklopedija rossijskih dereven'», 2004. S. 204–208.
94. Karpun M.A. Ob odnom iz jelementov rastitel'nogo koda (krokis) v strukture svadebnogo obrjada malorossov Millerovskogo rajona Rostovskoj oblasti // Ukraincy juga Rossii: problemy istorii, kul'tury, social'no-jekonomicheskogo razvitija: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (3–4 oktjabrja 2013 g., Rostov-na-Donu). Rostov n/D: Izd-vo JuNC RAN, 2013. S. 277–281.
95. Grevcova T.E. Nazvanija, formy i funkcii obrjadovogo svadebnogo hleba russko-ukrainskogo pogranich'ja na vostochnoslavjanskom fone (na materiale Millerovskogo, Tarasovskogo rajonov Rostovskoj oblasti i Luganskoj oblasti Ukrainy) // Ukraincy juga Rossii: problemy istorii, kul'tury, social'no-jekonomicheskogo razvitija: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (3–4 oktjabrja 2013 g., Rostov-na-Donu). Rostov n/D: Izd-vo JuNC RAN, 2013. S. 258–265.
96. Abramova T.N. Tradicionnyj kompleks zhenskoj odezhdy v svadebnom obrjade kazakov-nekrasovcev // Izvestija Rostovskogo oblastnogo muzeja kraevedenija. Rostov n/D, 1989. Vyp. 6. S. 116–124.
97. Abramova T.N. O vvedenii cerkovnyh jelementov v svadebnyj obrjad donskih kazakov // Kul'tura donskogo kraja: stranicy istorii. Rostov n/D: RGU, 1993. S. 136–150.
98. Abramova T.N. Nekrasovskie rogatye kichki (k probleme identifikacii odezhdy kazakov-nekrasovcev) // Pamjati A.M. Listopadova: sbornik nauchnyj statej. Rostov n/D: Gefest, 1997. S. 82–90.
99. Medvedeva V.N. Svad'ba kazakov-nekrasovcev // Obrjadovaja pojezija. Kn. 2. Semejno-bytovoj fol'klor / sost., podgot. tekstov i komment. Ju.G. Kruglova. M.: Russkaja kniga, 1997.
100. Jakobi L.A. Osobennosti svadebnogo obrjada nekrasovskih kazakov // Kazaki-nekrasovcy: jazyk, istorija, kul'tura: sbornik nauchnyh statej. Rostov n/D: Izd-vo JuNC RAN, 2012. S. 408–420.
101. Uspenskaja L.N. Personazhnyj kod svad'by kazakov-nekrasovcev v jetnolingvisticheskom izuchenii // IX Ezhegodnaja nauchnaja konferencija studentov i aspirantov bazovyh kafedr Juzhnogo nauchnogo centra RAN: tezisy dokladov konferencii (g. Rostov-na-Donu, 11–24 aprelja 2013 g.). Rostov n/D: Izd-vo JuNC RAN, 2013. S. 348–349.
102. Vlaskina N.A. Dinamika svadebnoj obrjadnosti kazakov-nekrasovcev // Istoricheskaja dinamika tradicionnoj kul'tury kazakov-nekrasovcev: otchet o NIR (zakljuchitel'nyj) / In-t social'no-jekonomicheskikh i gumanitarnyh issledovanij Juzhnogo nauchnogo centra RAN; ruk. Vlaskina N.A.; ispoln. Arhipenko N.A., Vlaskina T.Ju., Grevcova T.E. Rostov n/D, 2014. S. 30–41. № GR 01201265611.

УДК 392.51(470.61)

Трансформация исследовательского взгляда на свадебный обряд донских казаков в XIX–XXI вв.

Татьяна Евгеньевна Гревцова

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований
Южного научного центра Российской академии наук, Российская Федерация
344006 г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
E-mail: grevcova@ssc-ras.ru

Аннотация. В статье рассматривается история изучения свадебного обряда донских казаков и трансформация взглядов исследователей на этот фрагмент традиционной культуры Дона с конца XVIII до начала XXI вв. Понимание обрядов, сопровождающих заключение брака на Дону, в разные периоды зависело как от личных и научных убеждений ученых, выделения ими некоторых сторон ритуала в качестве приоритетных, так и от

политической ситуации, как это происходило в 1930-1970-е гг. На сегодняшний день наиболее перспективным является исследование свадебного обряда донских казаков в этнолингвистическом ключе, позволяющее с помощью данных разного типа (языковых, этнографических, фольклорных, исторических) реконструировать представления казаков, связанные с заключением брака.

Ключевые слова: донские казаки, традиционная культура, свадебный обряд, исследовательский подход, трансформация, этнолингвистика

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402x
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 20, Is. 4, pp. 338-348, 2016

DOI: 10.13187/rs.2016.20.338
www.ejournal15.com

UDC 82.161.1(091)“18/19”

The Literary Heritage of A.P. Chekhov in the Cultural Life of the West and the East

Marina Ch. Larionova

Institute for Social and Economic Research and Humanities
Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences
Russian Federation
41, Chekhova Avenue, Rostov-on-Don 344006
Dr (Philology)
E-mail: larionova@ssc-ras.ru

Irina V. Bobyakova

Institute for Social and Economic Research and Humanities
Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences
Russian Federation
41, Chekhova Avenue, Rostov-on-Don 344006
E-mail: lacena37@yandex.ru

Abstract

The article discusses the opportunities of the modern literary criticism in connection with the “Western” and “Eastern” vectors of studies. The authors consider the perception of Anton Chekhov’s works abroad and show the so-called adaptation of the personality and work of this Russian writer to another cultural consciousness through the specific selection of the facts of his biography and the interpretation of his works. The article concludes that the foreign perception of Anton Chekhov’s works depends on the type of artistic and socio-political thought in the West and East.

Keywords: Chekhov, Comparative Literature, East, Hermeneutics, Russian Literature, receptive aesthetics, West.

Введение

Занимаясь творческим взаимодействием культур и народов, литературоведение не может оставаться в стороне от их исторического и общественного взаимодействия. Современная геополитическая ситуация оказывает влияние на филологическую науку и заставляет вновь обращаться к устоявшимся методам. Сравнительное литературоведение – одно из старейших направлений в российской филологии, которое уже в момент своего формирования, во второй половине XIX в., осознавало невозможность постижения одной культуры, пусть даже собственной, без сопоставления с другими, близкими или далекими.

В области сравнительного литературоведения к концу XX в. в связи с проблемами глобализации возник некоторый перекокс: «Особенное принесено в жертву общему.

Такова – на ее пределе – тенденция современной политкорректности, прямолинейной культурной уравниловки, для которой равенство едва ли не предполагает стирание любой индивидуальности. <...> Всякое “свое” подозревается в том, что оно может проявить себя как “чужое”, то есть враждебное» [1]. Поэтому в наши дни в сравнительном методе оказывается востребованным тот аспект, который связан не с заимствованиями, не с многочисленными фактами параллелей, а с изучением восприятия личности и творчества писателя в иноэтничной и иноязычной среде.

Материалы и методы

Материалами исследования служат произведения А.П. Чехова, критические и научные работы российских и зарубежных исследователей. Поскольку мы говорим о влиянии личности и творчества Чехова на культурную жизнь Запада и Востока, их восприятии и оценке, а также о формах адаптации и интерпретации, мы обращаемся к синтезу элементов сравнительного метода, герменевтического подхода и рецептивной эстетики.

Обсуждение и результаты

В.Э. Вацуро в статье, завершающей и комментирующей книгу М.П. Алексева «Пушкин и мировая литература», писал: «Процесс освоения русской культурной традиции иными культурными традициями – процесс, ближайшим и непосредственным образом входивший в компетенцию... сравнительного литературоведения». И далее он сформулировал одну из задач сравнительного метода: «...анализ освоения и усвоения инациональных культурных ценностей, неизбежно сопряженных с переосмыслением, изменением культурного контекста» [2]. Так ученый обозначил исследовательское пространство, где пересекаются интересы сравнительного метода, герменевтики и рецептивной эстетики. Об этом пересечении говорил и В.М. Жирмунский: творческая интерпретация чужого литературного наследия тесно связана с его теоретической интерпретацией, которая проявляется, в том числе, и в высказываниях критики [3]. Элементы сравнительного метода позволяют понять динамику литературного движения и формирования художественных ценностей в России и за рубежом.

Одна из основных посылок сравнительного метода – мысль о единстве и закономерности мировых литературных и общественных процессов. При всем отличии социально-исторических условий многих стран XX–XXI вв. от России рубежа XIX–XX вв. интерес к русской литературе и ее востребованность на Западе и Востоке свидетельствуют об их равноценности со стадийной точки зрения. А выявление стадийно-типологических аналогий – важная задача сравнительного метода, наряду с анализом международных взаимодействий литератур. Эти взаимодействия, по мнению Н.И. Конрада, могут изучаться следующим образом: выявление связей между разными литературами, выяснение их причин и характера, раскрытие последствий этих связей для отдельных литератур и мирового литературного процесса [4]. При этом в центре внимания оказывается, по убеждению Н.И. Конрада, «своя», в нашем случае – русская литература.

Всякое взаимодействие литератур закономерно и обусловлено. Для того чтобы оно стало возможным, необходимо, чтобы аналогичные «тенденции (идеи и настроения, темы и образы) уже наличествовали в данной стране», – писал В.М. Жирмунский [5]. Эту форму литературного взаимодействия П.А. Гринцер охарактеризовал так: «“Чужая” форма наполняется актуальным для воспринимающей литературы содержанием, а “чужое” содержание подается в более или менее привычной форме» [6]. «Адаптация» личности и творчества русского писателя к другому культурному сознанию проявилась в специфическом отборе фактов его биографии, истолковании его произведений, создании переложений и обработок с перенесением конфликтов, событий и героев на местную почву. И здесь мы вступаем в область рецепции (восприятия и осмысления) и герменевтики (понимания).

Рецептивная эстетика – одно из приоритетных направлений современного литературоведения – сформировалась в 60-е гг. XX в. на базе тезисов Х.-Р. Яусса [7]. Литературная рецепция, понимаемая как процесс «эстетического восприятия объективного историко-литературного факта», предполагает в качестве конечного результата либо индивидуальную интерпретацию произведения (корректность которой во многом зависит от

уровня литературоведческой компетентности реципиента), либо «творческое перевоплощение того или иного литературного прообраза, праидеи, исходного мотива в нечто качественно новое» [8]. Изучение литературы в рецептивном аспекте становится необходимостью вследствие выраженного влияния классической литературы – как непосредственного, так и опосредованного – на сознание современного носителя культуры.

Сразу оговоримся: теоретики рецептивной эстетики понимали под реципиентом человека той же культуры, того же «уровня», что и воспринимаемый текст. В нашем случае речь идет о разных ментальностях, о разных уровнях восприятия литературы. Литературы Востока, например, в начале XX в. только обретали свое современное лицо, их больше интересовали социальные, а не собственно художественные процессы. Поэтому из положений рецептивной эстетики нас в первую очередь привлекает мысль об историко-рецептивном анализе произведения, который проясняет его социально-историческую специфику бытования в инонациональной среде. Мы понимаем рецепцию, вслед за Юссом, скорее как интерпретацию литературного произведения в соответствии с эстетическим опытом и «горизонтом ожидания» читателя, как историю вхождения русской литературы в чужую культуру, как процесс исторического восприятия смысла данного произведения чужой культурой.

Смысл произведения исторически изменчив и зависит от принадлежности воспринимающего к той или иной рецептивной группе; опыт читателя имеет историческую, групповую и индивидуальную составляющие; ими определяется онтологический статус произведения – социальное положение, рейтинг, бытие в обществе [9]. Основным критерий оценки произведения – общественная практика, формой которой является читательская реакция. Из этого следует наше обращение к учению о понимании смысла литературного произведения как высказывания – к герменевтике. Герменевтика как самостоятельная научная дисциплина была разработана в трудах Г. Гадамера (Германия) и П. Рикёра (Франция), а в русской науке – М.М. Бахтина.

Главное понятие герменевтики – понимание. По Гадамеру, понимание речи – это не сумма пониманий отдельных слов, а усвоение смысла всего высказывания. Применительно же к произведению искусства мало понять его смысл, надо быть затронутым этим смыслом [10]. Понимание одновременно интуитивно и рационально. Рациональное понимание и есть истолкование, интерпретация текста. Герменевтика видит в интерпретации перекодировку произведения, перевод его на другой язык. В нашем случае это не метафора. Понимание творчества русских писателей в арабских странах – это перевод на арабский язык и адаптация к другой знаковой системе культуры, когда толкуемые произведения и литературные факты преобразуются в воспринимающем сознании и становятся отличными от оригинала, одновременно теряя и приобретая смыслы. Так чужая культура «овладевает» русскими писателями, «присваивает» их себе.

В этом случае мы имеем дело с «досотворением». В полном соответствии с мыслью П. Рикёра («понимание самого себя через понимание иного» [11]) через «досотворение», множественность смыслов, их редукцию и добавление происходит углубление русского понимания писателя и национального своеобразия русской литературы как метавысказывания. Русская и мировые литературы вступают в диалогические отношения, формой которых, согласно М.М. Бахтину, является не только спор, но и согласие. В таком диалоге читатель (критик, писатель) делает «чужое» «своим», получает возможность духовно обогатиться опытом другой культуры и выразить себя [12].

Одним из самых востребованных в мире русских писателей сегодня стал А.П. Чехов. Его пьесы ставят на мировых сценах чаще, чем Шекспира. Общим местом в филологической науке стало утверждение, что Чехов «запечатлел в русском – общечеловеческое, в разнообразии российских характеров и типов – все многообразие человеческой природы, во временном – вечное» [13]. Однако не до конца проясненным остается то, как понимается это общечеловеческое и вневременное в разных концах земли, что именно чеховское «присваивают» себе разные народы.

Особая тема – значение Чехова для Англии, поскольку именно в английских переводах Чехова узнавал весь мир. В самом начале 1900-х гг. вышли первые сборники рассказов Чехова в переводе Р.Э.К. Лонга. А в 1911 г. на лондонской сцене впервые был поставлен «Вишневый сад». Эта постановка, к сожалению, не увенчалась успехом. Популяризации

чеховских пьес больше содействовали их печатные издания. Пьесы Чехова были переведены М. Фелл, которая написала и предисловие для книги. Драматургия Чехова представлялась переводчику как ряд сцен, достоверно передающих русскую действительность «хмурых» 80–90-х годов XIX в. Она считала, что Чехов изобразил трагедию существования «образованных классов, поработанных бездельем и скукой» [14]. В переводе много ошибок, неточностей, что не позволяло английскому читателю оценить чеховские произведения по достоинству.

Более квалифицированный перевод Чехова принадлежит С.С. Котелянскому, который перевел в соавторстве с Дж.М. Марри рассказы. Чехов интересовал Котелянского и Марри как автор психологической новеллы, поэтому они выбрали именно те произведения, где важны «движения души», а Чехов предстает как тонкий психолог.

В 1916 г. вышли первые две книги из тринадцати собрания «Рассказы Чехова» в переводах К. Гарнет, которая заслуженно считалась лучшей переводчицей русской прозы. С этого издания началось английское восхищение Чеховым, не ослабевающее и по сегодняшний день. Во вступительной статье к первому тому «Рассказов Чехова» Гарнет пишет о том, что Чехову присущ объективизм в изображении человека и жизни, достигаемый «полнотой» внешних обстоятельств и чувств, переданных писателем.

В 1919 г. Фёдор Комиссаржевский поставил в Лондоне «Дядю Ваню» в переводе Гарнет, и эта постановка стала чрезвычайно успешной. В 1925 г. «Вишневый сад» в постановке Джеймса Фейгена прорвался на коммерческую английскую сцену, способствуя популярности Чехова в Британии. Эта пьеса считалась лучшей в Англии. С 1926 г. были поставлены все чеховские пьесы на разных театральных сценах по всей стране.

В 1938 г. М. Сен-Дени поставил на английской сцене «Три сестры». Постановка собрала одну из самых талантливых трупп в истории британского театра. Спектакль был до мелочей реалистичен, что позволило зрителю впервые в Англии ощутить «дыхание внесценической жизни» [15]. Эта постановка считается непревзойденной по сей день.

С тех пор рассказы Чехова неоднократно издавались в переводах К. Гарнет. В 1950–1960-х гг. было издано несколько монографий, посвященных творчеству и жизни писателя. В 1964 г. вышел из печати первый том академического, «оксфордского», издания пьес и поздней прозы Чехова в переводе Р. Хингли. К 1980 г. вышло 9 томов. «Оксфордский Чехов» вызвал огромный интерес в английской критике, которая в целом высоко оценила это собрание. Чехов до настоящего времени чрезвычайно популярен в английском театре. Англичане считают Чехова своим так же, как русские – Шекспира.

Во Франции Чехов становится классиком несколько позже, чем в Англии. Перед Первой мировой войной уже был осуществлен перевод отдельных произведений и опубликованы критические статьи, однако в целом писатель остался неизвестным широкой публике. В 1929 г. Л. и Ж. Питовевы поставили в театре пьесу «Три сестры», открыв тем самым величие Чехова-драматурга, наиболее любимого и уважаемого из иностранных драматургов. Ж. Кессель, известный французский писатель, назвал «Три сестры» исторической в этом смысле пьесой.

После Второй мировой войны выходит первая во Франции биография Чехова И. Немировской, которая открывает французам жизнь писателя и знакомит с его духовной эволюцией. В 1952 и 1954 гг. дети Питовевых ставят «Дядю Ваню» и «Трех сестер». В 50-летнюю годовщину его смерти слава писателя достигла во Франции своего пика и знаменовала собой более высокую ступень в познании Чехова. Главное событие в истории чеховского театра в этой стране – «Вишневый сад» в постановке Ж.-Л. Барро в 1954 г. У Питовевых на первый план выходило «типично русское начало», а у Барро – «универсальная значимость» «Вишневого сада»: «Манера Чехова передавать то, что «наименее уловимо в человеческой жизни» – «существование в медленном течении времени» – вот что, по мнению Барро, делает «Вишневый сад» Чехова шедевром мирового значения» [16].

Чеховские пьесы оказали большее влияние на французскую литературу, чем его рассказы. Еще при жизни писателя во Франции было издано переводное собрание сочинений, которое содержало 18 томов. В 1952–1971 гг. вышло в свет другое собрание сочинений под редакцией Ж. Перюса, включавшее уже 21 том и биографию писателя, написанную Э. Триоле. Переводы произведений Чехова, вошедшие в это собрание, имеют основополагающее значение для знакомства французов с его творчеством. Они были

перепечатаны наиболее престижной французской серией «Библиотека плеяды» издательства Галлимар, которое в 1967–1971 гг. выпустило три тома произведений А.П. Чехова. В предисловии к изданию Клод Фриу пишет: «Чехов несомненно является тем русским писателем, который наиболее глубоко оценен и быстрее был воспринят за рубежом», тогда как Толстой и Достоевский – «священные монстры, порождение патриархальной России» – на европейский вкус могут показаться странными [17]. Автор также утверждает, что во Франции особенно ценится чеховская драматургия, тогда как в англосаксонских странах – проза. Чехов, по мнению К. Фриу, – тонкий и зрелый аналитик, а достоверность и точность – характерные признаки чеховского мира. Писатель «всегда держался в стороне от какой бы то ни было идеологической программы» [18]. В отличие от Достоевского и Гоголя, Чехов не испытывает к своим героям чувства сострадания, они представлены в его произведениях жертвами провинциальной жизни, среды и эпохи, но при этом Чехов не снимает вины и с них самих.

Чехов прочно утвердился в театре Франции: «Его ставят повсюду – в Париже и в провинции, в театрах, получающих государственные субсидии, и на подмостках молодых передвижных групп, под руководством опытных режиссеров – традиционалистов и новаторов – и по инициативе двух-трех никому не известных актеров в каком-нибудь кафе-театре» [19]. И по сей день во Франции продолжают переводить А.П. Чехова, посвящают ему биографические, критические статьи и книги. Чехов для французов – поразительно актуальный писатель, чуткий психолог, его легкий юмор и пронизательность раскрывают неприкрытую правду про каждого человека.

На Востоке творчество Чехова воспринимают иначе. Это сформулировал японский исследователь Янаги Томико: «Чехов близок японской литературе умением поразить глубиной смысла, скрывающегося в молчании» [20]. Первые упоминания имени Чехова в японской периодике в начале XX в. связаны с англоязычной критикой, призывающей читать выдающегося русского писателя. Одна из первых статей о писателе – К. Какуты – так и называлась – «Изучение русской литературы и Антон Чехов» (1904). Автор связал мировосприятие Чехова с восточной пассивностью и созерцательностью, и эта мысль до сих пор актуальна для японских критиков.

В 1903 г. появляются первые переводы чеховских рассказов непосредственно с русского языка, их выполняли писатели К. Сэнума и К. Одзаки. В 1908 г. в переводе К. Сэнума вышел сборник рассказов и повестей Чехова. В 1910 г. на японской сцене впервые ставят пьесу «Предложение». Делает это К. Осанаи, который встречался с К. Станиславским и В. Мейерхольдом, видел московские постановки чеховских пьес. В 1915 г. он поставил «Вишневый сад», что закончилось, к сожалению, провалом. В целом МХАТ оказал огромное влияние на японские постановки пьес писателя. В 1925 г. Осанаи вновь ставит «Вишневый сад», и этот спектакль имел большой успех. Спектакль Осанаи стал основным образцом постановки чеховских пьес в Японии.

К. Хироцу, японский исследователь, опубликовал несколько критических статей о творчестве Чехова. По мнению Хироцу, Чехов тонко изображает человеческую душу, не переставая любить людей. Чехов учит честности и скромности, его произведения «подобны испытующему взгляду, направленному в глубину человеческой души, и заставляют задуматься над собой» [21]. В 1921 г. в статье критика Н. Муто «О трагикомедиях Чехова» содержалась мысль о «теплоте» писателя. Его драмы, по мнению Муто, изображают душевные порывы, страдания, мировоззрение персонажей более отчетливо, чем рассказы и повести.

В 1919–1928 гг. было издано 10-томное собрание сочинений Чехова в переводах с русского и английского языков, которые способствовали активному знакомству японского читателя с творчеством русского классика. С 1933 г. в течение 10 лет в Японии издавалось 18-томное собрание сочинений писателя, переведенное полностью с русского языка. Перевод выполнил Х. Накамура. Так, даже во время войны интерес к Чехову сохранялся, а после нее пробудился с новой силой.

В 1945 г. С. Аояма поставил спектакль «Вишневый сад», и это стало важным событием в истории театра в Японии. Рецензия режиссера Е. Хидзиката сообщала: «Сейчас во многих богатых домах Японии в связи с введением закона о земле разыгрывается много трагикомических сцен. Люди работают, говорят о земельной собственности, об оскудении

помещиков и росте влияния капиталистов. Вот что прежде всего я почувствовал, смотря премьеру “Вишневого сада” в переполненном театре Юракудза» [22]. Закон о земле предполагал передачу земель отсутствующих помещиков по низкой цене бедным крестьянам: «Тогда повсюду в японской действительности разыгрывались сцены “Вишневого сада”» [23]. Так события русской пьесы стали актуальны для японской действительности. На японской сцене шли также «Три сестры», «Чайка», «Дядя Ваня», но «Вишневый сад» – одна из самых популярных в Японии пьес. Естественность, присущая чеховским произведениям, недосказанность, изображение человеческой души более всего находят свой отклик в сердцах японских читателей и зрителей.

И в Китае Чехов стал одним из самых популярных русских писателей. Внимание первых переводчиков было обращено к прозе писателя. Долгое время китайские переводчики обращались к языкам-посредникам и не переводили Чехова непосредственно с русского языка, что характерно для многих восточных стран.

В 1909 г. Лу Синь и Чжоу Цзожэнь издали «Сборник зарубежных рассказов» в двух томах, где были чеховские рассказы «В усадьбе» и «В ссылке». Краткая справка о Чехове гласила, что писатель, хотя и смотрит на современность пессимистически, все же живет надеждой на будущее: «Для него была характерна определенность жизненной позиции, и его взгляды отличались от мировосприятия натуральной школы» [24]. В целом творчеству Чехова была дана высокая оценка.

В 1920 г. на страницах китайской периодики появляется множество переведенных с английского рассказов Чехова. В эти же годы выходят сборники чеховских рассказов уже в переводе с русского языка. В 1930 г. шанхайским издательством было выпущено 8-томное «Собрание лучших рассказов Чехова», выполненное Чжао Цзиншэнем. Перевод осуществлялся с английского перевода К. Гарнет. Это собрание играло значительную роль в распространении произведений Чехова в Китае – теперь широкая читательская аудитория могла ознакомиться с творчеством русского писателя.

Интересно, что творчество Чехова оказалось злободневным и для Китая 1930-х гг. Так, цензура запретила публиковать рассказ «Лев и Солнце», который посвящен сцене из жизни чиновников царской России.

Издание чеховских пьес на китайском языке начинается с 20-х гг. XX в. В 1921 г. вышло шанхайское «Собрание русских пьес». В 1923 г. в Пекинском университете студенты впервые сыграли чеховского «Медведя», и эта пьеса обрела популярность и сценическую жизнь во всем Китае. Пьеса «Предложение» также пользовалась успехом в разных районах страны. В 1930 г. была поставлена пьеса «Дядя Ваня», а в 1936 г. – «Три сестры». Это первые попытки воплощения драматургии Чехова на китайской сцене. Чеховские пьесы стали откровением для Китая. Драматург Цао Юй, испытавший сильнейшее влияние чеховской драматургии, писал о «Трех сестрах», что в произведении действуют люди с живой душой. Чеховское творчество помогало китайцам в нравственном и социальном становлении. Популярность творчества русского писателя китайские критики объясняют лиризмом и содержанием, свободным от тяжелых и застывших красок. Проза Чехова поэтична, для нее характерны психологизм и глубокий подтекст. В 1950-х гг. в оценке творчества Чехова китайскими исследователями акцент делался на социальной ориентированности его произведений, на гуманистическом их содержании, на связи с исторической обстановкой.

50 лет со дня смерти писателя вызвали бурю внимания китайской общественности к его творчеству: демонстрировались советские экранизации произведений Чехова, публиковались статьи, посвященные его личности, жизни и произведениям, организовывались выставки по всей стране. Такого же, если не большего, внимания было удостоено и столетие со дня рождения писателя. О признании русского классика в Китае говорит и тот факт, что его произведения были включены в школьные учебники. В 80-е гг. прошлого столетия в Шанхае были изданы 12 томов «Собрания сочинений А.П. Чехова». Наконец китайский читатель мог познакомиться с творчеством писателя в жанровой и хронологической последовательности.

В арабских странах знакомство с русской литературой произошло во многом благодаря деятельности Императорского православного палестинского общества (ИППО), которое было учреждено в 1882 г. и которому принадлежит основная заслуга популяризации русской литературы среди арабских народов. В школах, открытых благодаря деятельности ИППО,

преподавали русские педагоги и арабы, получившие образование в России. В Палестине, Сирии, Египте сложились целые группы переводчиков с русского языка. Так, в Каире уже в 30-е гг. XIX в. была создана школа переводчиков, возглавляемая известным просветителем Рифаа Рафи ат-Тахтави (1801–1873).

Интерес арабов к русской культуре не был случайным. Арабская интеллигенция воспринимала из мировой культуры то, что позволяло ей глубже осмысливать свои проблемы. Русская литература представила новые типы героев, отразила новые отношения в обществе. В арабской литературе появилась проза европейского типа, чему способствовали развитие переводческой деятельности и оценка переводных произведений.

Широкую известность в арабском мире приобрело творчество Чехова. Краткая форма ранних рассказов, занимательная фабула, сюжеты о современной писателю России были удобны для перевода и восприятия широкими слоями населения. Кроме того, в арабских странах был распространен журнал «Нива», в котором печатались рассказы Чехова. Среди известных переводчиков и издателей Чехова – сириец И. Джабир, палестинцы Х. Бейдас, А. Баллан.

Арабский перевод того времени – это, скорее, национальная адаптация, перевод-переложение, перевод-пересказ. Переводчики не ставили перед собой задачу точно передать текст оригинала, они стремились к тому, чтобы максимально приблизить к арабскому читателю иноязычное произведение. Работая над текстом, арабские переводчики вносили в него изменения. Так, например, в текст проникали арабские выражения и речевые обороты. В основном переводчики воспринимали Чехова как занимательного рассказчика, пьесы и повести все еще оставались без внимания.

В 1920-е гг. новеллистическое творчество Чехова пользовалось популярностью прежде всего в Египте. На это время пришлось становление национальной египетской литературы в лице писателей «новой школы», на которых творчество Чехова оказало большое влияние. Так, ирония, выбор сюжетов, принципы чеховской типизации, обличение пороков нашли свое отражение и в творчестве арабских писателей. Следует отметить, что особый интерес вызывал короткий рассказ, который получил большое распространение в арабских странах.

Драматургия Чехова становится известной в арабских странах после 40-х гг. XX в. В 1944 г. известный театральный деятель З. Тулеймат переводит пьесу «Медведь». Тулеймат впервые на Востоке сказал о мировом значении творчества Чехова, акцентируя внимание на тонком психологизме писателя. В 1950-е гг. критика проявляет интерес к творчеству писателя, увеличивается количество переводов его произведений, они становятся более профессиональными. В 1954–1955 гг. выходит собрание сочинений Чехова в двух томах в серии «Шедевры мировой литературы». Переводчики отмечают новаторство, привнесенное Чеховым в литературу, особенности его мироощущения, тонкий психологизм, сочувствие к судьбам своих персонажей.

Арабское восприятие Чехова может быть непонятно европейцам, которые находятся во власти «европоцентризма» – «механического перенесения категорий, открытых в истории и культуре стран Запада, на явления, наблюдаемые в истории и культуре стран Востока» [25]. Зато оно хорошо понятно в России, где Чехова длительное время воспринимали подобным образом. Изучая арабское восприятие личности и творчества Чехова, встраивая это восприятие в русское культурное сознание, мы лучше понимаем не только арабскую культуру, но и русскую.

Не вдаваясь в детали арабского критического освоения личности и творчества Чехова, отметим лишь его основные положения. По общему мнению арабских критиков, Чехов – самый популярный русский писатель в арабских странах. Критики объясняют привлекательность произведений Чехова для арабов сходством тяжелых исторических и политических обстоятельств России XIX в. и ряда арабских стран XX в.: отсталость и социально-политическое угнетение, эпидемии и последствия распада крепостничества / колониализма.

Основные свойства чеховского творческого метода в арабских странах определяют так: реализм, демократизм, гуманизм, исторический оптимизм. Последний пункт – исторический оптимизм – может вызвать недоумение российского и европейского читателя. Даже в ранних юмористических произведениях Чехова принято видеть иронию и сарказм, но никак не оптимизм. Что же говорить о поздних произведениях и особенно пьесах, где

гибнут герои, вырубается вишневый сад и в результате провала коммуникации наступает тотальное одиночество? Однако не так понимает произведения Чехова арабский критик. Приводя финальный эпизод пьесы «Три сестры», когда оркестр играет вслед уходящим военным и Ирина, обнимая сестер, говорит: «О, милые сестры, жизнь наша еще не окончена. Будем жить! Музыка играет так весело, так радостно, и, кажется, еще немного, и мы узнаем, зачем мы живем, зачем страдаем... Если бы знать, если бы знать!», – он делает вывод: сильная сторона жизненной философии Чехова состоит в том, что он всегда оставляет своим героям надежду, пусть и неясную, несмотря на все тяготы и неспособность героев к продолжению жизни. Герои Чехова поддаются отчаянию, они не делают ничего, чтобы понять ценность жизни и постараться изменить ее, но автор дает им силы продолжать жить и веру в светлое будущее¹ [26]. Другой критик цитирует Петю Трофимова из пьесы «Вишневый сад»: «Обойти то мелкое и призрачное, что мешает быть свободным и счастливым, – вот цель и смысл нашей жизни. Вперед! Мы идем неудержимо к яркой звезде, которая горит там вдали. Вперед! Не отставайте, друзья», – и говорит: «Разве можно назвать автора слов о высоких идеалах пессимистом? Мы уверены, что выразители таких высоких ценностей не могут быть пессимистами. Чехов был глубоко убежден в победе человека в этой борьбе с жизненными обстоятельствами. Мы можем смело утверждать, что Чехов был великим оптимистом» [27].

Биография русского писателя в арабских странах тоже воспринималась избирательно. На первый план в ней вышла тема тяжелого детства Чехова, грозного и жестокого отца, подвергающего детей телесным наказаниям. Скорее всего, эту информацию арабские критики почерпнули из советских работ о Чехове, написанных в духе вульгарного социологизма, который господствовал в литературоведении в 40–50-е гг. XX в. Однако она оказалась близкой и понятной патриархальному арабскому обществу. Акцентировалась и тема бедности Чеховых, также близкая иракским или сирийским читателям. Действительно, семья жила небогато и неудачливый купец П.Е. Чехов разорился; действительно, он поднимал руку на детей, но это очень одностороннее изображение чеховского детства. Чтобы в этом убедиться, достаточно познакомиться с письмами Чехова брату Александру, который, с одной стороны, часто вспоминал детские обиды на отца, а с другой тоже был склонен к жестокому обращению со своими детьми. Антон часто упрекал его и за то, и за другое.

Отклик у арабских критиков и читателей в произведениях Чехова нашла тема, которую в российском литературоведении называют «темой маленького человека». Под «маленьким» они понимали социально-обездоленного человека, тогда как смысл этого явления у Чехова иной. В русской литературе сложились две линии темы «маленького человека» – условно говоря, «пушкинская» и «гоголевская». «Гоголевская», которую потом продолжил и развил Ф.М. Достоевский, – это сострадание к униженному и оскорбленному герою. «Пушкинская», которую потом продолжил и развил Чехов, – это ирония над героем, которому не удалось выдать из себя раба, который живет в плену социальных условностей и стереотипов, как пушкинский станционный смотритель Самсон Вырин. Рассказ Чехова «Смерть чиновника» имеет пародийный смысл по отношению к «Шинели» Н.В. Гоголя. Герои у Чехова будто поменялись местами: жертвой оказался не мелкий чиновник, а генерал.

Можно приводить еще много примеров. Важно, что арабская культура берет у Чехова то, что более всего согласуется с условиями национальной среды. Все, что не согласуется, остается непонятым и невоспринятым. В то же время Чехов наделяется тем, чего у него, на взгляд российской науки, нет или второстепенно: революционность, наличие общих идей, сострадание к униженным и оскорбленным. Как писал А.Н. Веселовский, «идею создает сам народ, такую, какая возможна в данном состоянии его развития» [28]. Но даже второстепенные, эти общественные и художественные идеи присутствуют в чеховском творчестве, и влияние на другую культуру позволяет оценить их в полной мере.

Выводы

Итак, зарубежное восприятие творчества А.П. Чехова зависит от типа художественного и общественно-политического мышления на Западе и Востоке. Европейские читатели

¹ Переводы с арабского сделаны нашим иракским коллегой А.Я. Аббасхилми.

и критики ценят в произведениях Чехова книжность, высокую писательскую культуру, отсутствие идеологической программы, ироническое отношение к «маленькому человеку», пессимизм. Освоение творчества Чехова в большинстве европейских стран началось с поздних пьес.

На Востоке Чехова воспринимают как остросоциального писателя. В биографии Чехова подчеркиваются бедность, трудное детство, любовь к труду, богатый жизненный опыт. Главными достоинствами писателя в восприятии читателей и критиков стали правдивость, гуманизм, психологизм, изображение повседневной жизни, исторический оптимизм, художественное мастерство в области жанра рассказа, драматургические поиски, общечеловеческая проблематика чеховских произведений.

Примечания:

1. Шайтанов И.О. Триада современной компаративистики: глобализация – интертекст – диалог культур // Вопросы литературы. 2005. № 6. С. 35.
2. Вацуро В.Э. Проблема «Пушкин и мировая литература» в трудах М.П. Алексеева // Алексеев М.П. Пушкин и мировая литература. Л.: Наука, 1987. С. 583.
3. Жирмунский В.М. Гете в русской литературе. Л.: Наука, 1982. С. 13.
4. Конрад Н.И. Запад и Восток. М.: Наука, 1966. С. 310.
5. Жирмунский В.М. Сравнительное литературоведение. Л.: Наука, 1979. С. 21.
6. Гринцер П.А. Эпохи взаимодействия литератур Востока и Запада. М.: РГГУ, 1997. С. 48.
7. Яусс Х.-Р. История литературы как провокация литературоведения // Новое литературное обозрение. 1995. № 12. С. 34–84.
8. Карпушкина Л.А. Образ А.С. Пушкина в русской литературе конца XIX – начала XX века и проблема литературной рецепции: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. С. 2–3.
9. Борев Ю.Б. Эстетика. М.: Высшая школа, 2002. С. 22.
10. Гадамер Г. Эстетика и герменевтика // Гадамер Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 255–265.
11. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Академический проект, 2008. С. 56.
12. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
13. Старикова В.А. Творчество А.П. Чехова – «код» межнационального общения // Чеховские чтения в Ялте. Чеховская карта мира: Чехов – путешественник. Симферополь: ДИАЙПИ, 2013. С. 55.
14. Шершевская М.А. Переводы // Чехов и мировая литература. Литературное наследство. Т. 100. Кн. 1. М.: Наука, 1997. С. 373.
15. Майлс П. Чехов на английской сцене // Чехов и мировая литература... Т. 100. Кн. 1. С. 514.
16. Пруайяр де Ж. Чехов во французской критике // Чехов и мировая литература... Т. 100. Кн. 1. С. 28.
17. Лазарюс С. Переводы произведений Чехова во Франции // Чехов и мировая литература... Т. 100. Кн. 1. С. 10.
18. Лазарюс С. Переводы произведений Чехова во Франции. С. 11.
19. Амьер-Шеврель Кл. Чехов на парижской сцене // Чехов и мировая литература... Т. 100. Кн. 1. С. 90.
20. Томико Я. Переводы, критика, отклики писателей // Чехов и мировая литература. Литературное наследство. Т. 100. кн. 3. М.: Наука, 2005. С. 79.
21. Томико Я. Переводы, критика, отклики писателей. С. 88.
22. Сэйро С. Пьесы Чехова в Японии // Чехов и мировая литература... Т. 100. кн. 3. С. 106.
23. Сэйро С. Пьесы Чехова в Японии. С. 106.
24. Серебрякова Е.А. Чехов в Китае // Чехов и мировая литература... Т. 100, кн. 3. С. 6.
25. Конрад Н.И. Запад и Восток. С. 27.
26. Хиндауи Х. Антон Чехов – русский писатель мирового значения // Эльрисаля (журнал). 1942. № 444. С. 15.
27. Хасбак Ш. Антон Чехов. Багдад: Эльтакафа Эльджадида, 1954. С. 19.
28. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. С. 15.

References:

1. Shajtanov I.O. Triada sovremennoj komparativistiki: globalizacija – intertekst – dialog kul'tur // Voprosy literatury. 2005. № 6. S. 35.
2. Vacuro V.Je. Problema “Pushkin i mirovaja literature” v trudah M.P. Alekseeva // Alekseev M.P. Pushkin i mirovaja literatura. L.: Nauka, 1987. S. 583.
3. Zhirmunskij V.M. Gete v russkoj literature. L.: Nauka, 1982. S. 13.
4. Konrad N.I. Zapad i Vostok. M.: Nauka, 1966. S. 310.
5. Zhirmunskij V.M. Sravnitel'noe literaturovedenie. L.: Nauka, 1979. S. 21.
6. Grincer P.A. Jepohi vzaimodejstvija literatur Vostoka i Zapada. M.: RGGU, 1997. S. 48.
7. Jauss H.-R. Istorija literatury kak provokacija literaturovedenija // Novoe literaturnoe obozrenie. 1995. № 12. S. 34–84.
8. Karpushkina L.A. Obraz A.S. Pushkina v russkoj literature konca XIX – nachala HH veka i problema literaturnoj recepcii: Dis. ... kand. filol. nauk. M., 2000. S. 2–3.
9. Borev Ju.B. Jestetika. M.: Vysshaja shkola, 2002. S. 22.
10. Gadamer G. Jestetika i germenevtika // Gadamer G. Aktual'nost' prekrasnogo. M.: Iskusstvo, 1991. S. 255–265.
11. Rikjor P. Konflikt interpretacij. Oчерki o germenevtike. M.: Akademicheskij proekt, 2008. S. 56.
12. Bahtin M.M. Jestetika slovesnogo tvorchestva. M.: Iskusstvo, 1979.
13. Starikova V.A. Tvorchestvo A.P. Chehova – “kod” mezhnacional'nogo obshhenija // Chehovskie chtenija v Jalte. Chehovskaja karta mira: Chehov – puteshestvennik. Simferopol': DIAJPI, 2013. S. 55.
14. Shershevskaja M.A. Perevody // Chehov i mirovaja literatura. Literaturnoe nasledstvo. T. 100. Kn. 1. M.: Nauka, 1997. S. 373.
15. Majls P. Chehov na anglijskoj scene // Chehov i mirovaja literatura... T. 100. Kn. 1. S. 514.
16. Prujjar de Zh. Chehov vo francuzskoj kritike // Chehov i mirovaja literatura... T. 100. Kn. 1. S. 28.
17. Lazarjus S. Perevody proizvedenij Chehova vo Francii // Chehov i mirovaja literatura... T. 100. Kn. 1. S. 10.
18. Lazarjus S. Perevody proizvedenij Chehova vo Francii. S. 11.
19. Am'er-Shevrel' Kl. Chehov na parizhskoj scene // Chehov i mirovaja literatura... T. 100. Kn. 1. S. 90.
20. Tomiko Ja. Perevody, kritika, otkliki pisatelej // Chehov i mirovaja literatura. Literaturnoe nasledstvo. T. 100. kn. 3. M.: Nauka, 2005. S. 79.
21. Tomiko Ja. Perevody, kritika, otkliki pisatelej. S. 88.
22. Sjejro S. P'esy Chehova v Japonii // Chehov i mirovaja literatura... T. 100. kn. 3. S. 106.
23. Sjejro S. P'esy Chehova v Japonii. S. 106.
24. Serebrjakova E.A. Chehov v Kitae // Chehov i mirovaja literatura... T. 100, kn. 3. S. 6.
25. Konrad N.I. Zapad i Vostok. S. 27.
26. Hindai H. Anton Chehov – russkij pisatel' mirovogo znachenija // Jel'risalja (zhurnal). 1942. № 444. S. 15.
27. Hasbak Sh. Anton Chehov. Bagdad: Jel'takafa Jel'dzhadida, 1954. S. 19.
28. Veselovskij A.N. Istoricheskaja pojetika. M.: Vysshaja shkola, 1989. S. 15.

УДК 82.161.1(091)“18/19”

Литературное наследие А.П. Чехова в культурной жизни Запада и Востока

Марина Ченгаровна Ларионова

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований
Южного научного центра Российской академии наук
Российская Федерация
344006, Ростов-на-Дону, проспект Чехова, 41
Доктор филологических наук

E-mail: larionova@ssc-ras.ru

Ирина Валерьевна Бобякова

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований
Южного научного центра Российской академии наук
Российская Федерация
344006, Ростов-на-Дону, проспект Чехова, 41
E-mail: lasena37@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются возможности современного литературоведения в связи с «западным» и «восточным» векторами исследований. На примере творчества А.П. Чехова показано, как происходит «адаптация» личности и творчества русского писателя к другому культурному сознанию в специфическом отборе фактов его биографии и истолковании его произведений. Сделан вывод о том, что зарубежное восприятие творчества А.П. Чехова зависит от типа художественного и общественно-политического мышления на Западе и Востоке.

Ключевые слова: Восток, герменевтика, Запад, рецептивная эстетика, русская литература, сравнительный метод, Чехов.